

Г лава первая

Все шло превосходно. Не могло быть никаких накладок. Эта операция была лучшей из всех, которые когда-либо затевал Чарли Бэббит. В ней было все, что он больше всего ценил в жизни. Блестящая идея, большая прибыль при нулевых затратах, быстрый оборот и к тому же абсолютная законность. Конечно, это не благотворительный базар, но все-таки вполне легально. Риска не было. По крайней мере, так Чарли Бэббит должен был говорить себе. Никакого риска.

Конечно, в этом деле надо было быстро говорить, а надуть еще быстрее, но именно это и нравилось Чарли больше всего. Он умел делать и то и другое. Здесь работал настоящий мастер пускать пыль в глаза. У него ушли недели, чтобы все подготовить, но игра стоила свеч.

Труднее всего было добыть деньги. Двести тысяч долларов. Двести больших жирных кусков. Главный трюк состоял в том, чтобы найти и уговорить человека с деньгами, Берт Вайят был скуп и подозрителен, он за милую душу чуял подвох. Но в данном случае подвохом и не пахло. Гарантии были налицо. Они сверкали на пристани, шесть ослепительных классических «ламборгини», только что прибывших с родины, из страны «тампа миа», и каждая из них стоила около восьмидесяти тысяч долларов. Они принадлежали ему, все, по крайней мере сейчас. Он мог любоваться ими, трогать их, проводить руками по их гладким, лоснящимся бокам, открывать капоты и изучать совершенное устройство их великолепных моторов, вдыхать запах только что протертой кожи и новеньких покрышек. От них пахло лучше, чем от женщины.

— Я принес бумаги. Вот они, — гордо сказал Чарли Бэббит таможенному инспектору, доставая декларации из своего изящного «дипломата» из натуральной страусовой кожи. — Шесть «ламборгини» последней модели, одна серебристая, две черные, одна белая и две красные с краской отделкой.

Не обращая внимания на восторженную скороговорку Чарли, инспектор взял бумаги и внимательно изучил их. Потом подписал и поставил на них печати. После этого, только после этого, он посмотрел на Чарли.

— Запишешь их на гонки инвалидных колясок? — спросил он с саркастической усмешкой.

— Нет, на конкурс «Мисс Америка», — улыбнулся в ответ Чарли. Его просто распирало от гордости.

Всю обратную дорогу до офиса он думал об этом деле, снова и снова прокручивая его в голове. Он искал слабые места, но не находил ни одного. Это был его шедевр, кульминация его почти десятилетней борьбы за выживание, бесконечной суеты и беготни в надежде урвать лишний доллар. Эта комбинация вытащит его из категории мелких торговцев подержанными автомобилями и даст хороший разгон, позволит пробиться в мир крупных дилеров, владельцев привилегированных автосалонов и модных демонстрационных залов. Прощай, Сан-Педро. Здравствуй, Бель-Эйр.

Все верно. Предполагалось, что все сработает именно так. Двести тысяч от Вайята в качестве краткосрочного кредита, на четыре недели, под семнадцать процентов в месяц (жадный ублюдок!) и при условии, что сами «ламборгини» являются залогом. Двести тысяч плюс приличные задатки от шести будущих покупателей, которых нашел Ленни Бариш, Шесть достойных членов корпорации адвокатов, выстроившихся в очередь, чтобы заплатить за машины. По льготным ценам Чарли Бэббита. Чарли не мелочится.

Ему удалось наконец после нескольких невыгодных сделок со своими итальянскими поставщиками добыть шесть настоящих «ламборгини». Великолепные спортивные машины, ни одна из которых не похожа на другую, в прекрасном состоянии, всего по сорок тысяч долларов за каждую. Три года назад Чарли заплатил бы меньше, но доллар падал, и это просто убивало его. Тем не менее он был счастлив получить их за такую цену. Он продаст их по семьдесят пять тысяч, минус десятипроцентная скидка, чтобы подсластить сделку и осчастливить покупателей. На пристани в Сан-Педро машины просто стояли в ожидании, пока будут готовы таможенные документы. Чарли спустился на причал, чтобы самому проследить за их разгрузкой с итальянского судна. Он хотел быть уверен, что ни одну из этих красавиц не поцарапают. Документы на право владения были бережно спрятаны в его «дипломат».

Все, что оставалось сделать — это быстро разгрузить машины, спровадить их туда, где никто, кроме него, не сможет их отыскать,

оформить регистрационные документы, получить оставшиеся деньги с покупателей, которые действительно дешево, по окончательной цене в шестьдесят семь с половиной тысяч, приобретали роскошные машины, доставить им «ламборгини», расплатиться с заимодавцем — и вот она, чистая прибыль, прибыль шестизначная. И все это не запачкав рук и не помяв своего прекрасно сидящего костюма от Джорджио Армани. И все это не вложив ни единого собственного цента.

И все были бы счастливы. Шесть специалистов по бракоразводным делам, с Беверли-Хиллз водили бы свои дорогие лимузины, купленные со скидкой. Денежный мешок получил бы назад свои деньги плюс семнадцать процентов для бодрости. Чарли Бзббит, сидя в роскошных апартаментах в Палм-Спрингс, подсчитывал бы свою прибыль. Ему, правда, было немного жаль, что придется продать все машины. Будь у него чуть побольше предусмотрительности, и белая могла бы принадлежать ему, выручка и от остальных пяти была бы достаточно велика. Эта изумительная маленькая лапочка могла бы стать его крошкой, которую он бы любил, которой бы он владел. Но ничего. В Италии их осталось еще много. Одна из них еще будет носить его фамилию.

Операция могла быть завершена едва ли не в тот же вечер, ко Чарли, на всякий случай, отвел на нее гораздо больше времени, чем было необходимо, — целых четыре недели! — огромное время, чтобы зарегистрировать машины. Даже при том, что ЕРА, агентство по охране окружающей среды, со своими погаными законами о контроле за токсичностью выхлопов будет ставить ему палки в колеса.

Это была милая сердцу ее творца Сделка Века. Он не рискует ни центом из собственного кармана, а прибыль целиком достанется ему. Точнее, ему и Ленни. Он обещал Ленни двадцать пять штук только за то, что он приведет покупателей. Но Ленни, конечно, не был полноправным партнером, забирающим половину, ведь идея целиком принадлежала Чарли Бзббиту.

Но почему же, почему этот шедевр, не дело, а конфетка, никак не хотело складываться? Почему оно топталось на месте и шло наперекосяк?

Операция была рассчитана так, чтобы провести ее как можно быстрее. В конце концов, семнадцать процентов от двухсот тысяч за

четыре недели составят добрых тридцать четыре тысячи. Слишком много баксов, чтобы их можно было просто так спустить в унитаз. Чем скорее Чарли заплатит по векселям, тем больше денег достанется ему. Но прошло уже шесть недель, а дело еще не было сделано. Счетчик накручивал проценты, и национальный долг рос как на дрожжах. Вдруг стало подозрительно похоже, что Чарли придется оценивать апартаменты не в Палм-Спрингс, а в федеральной тюрьме.

Будь проклято это агентство по охране окружающей среды! Какого черта они не занимаются спасением китов или поисками радиоактивных отходов атомных электростанций, вместо того чтобы цепляться к честному бизнесмену со своими законами о токсичности автомобильных выхлопов? Неужели они там, в ЕРА, не понимают, как трудно найти удовлетворяющие их требованиям адаптеры топливных насосов для этих экзотических машин? Для «шевроле». — пожалуйста! Для «джип-чероки» — без проблем! Но «ламборгини»?! Тянулись недели, а его механик возвращался пустым, Чарли даже поднял свою предельную цену до двадцати пяти сотен за штуку, но это не помогло.

— У них нет адаптеров. Они не делают адаптеров для таких монстров, как «ламборгини». Этим итальяшкам все равно, каким воздухом они дышат. — Механик Чарли, неуклюжий малый по имени Элдорф, был раздражен.

Без этих адаптеров три независимые комиссии ЕРА трижды отказали ему в разрешении на эксплуатацию. А в штате Калифорния машина не может быть продана без санкции ЕРА на регистрационных документах. Точка. Он мог бы переправить машины в Орегон и зарегистрировать их там, но время было упущено. Где он теперь найдет подходящее грузовое судно за приемлемую цену?

Чарли шел ко дну. Он уже спустил задаток, полученный от юристов, это была часть его законной прибыли, и он уже истратил ее. Он должен был соответствовать своей роли преуспевающего дельца. А хорошо выглядеть и широко жить совсем не дешево в наше время, когда «скромная» стрижка стоит двести пятьдесят баксов, а солнечные очки в стиле ретро, с этикеткой модного дизайнера на стекле тянут на четыреста. Добавьте сюда падение курса доллара. Итальянский костюм, сшитый на заказ, который два года назад стоил, может быть, тринадцать сотен, сегодня приближается к двум тысячам. А дело,

которое могло быть закончено тем же вечером, тянулось уже так долго, что все заинтересованные стороны начали очень и очень беспокоиться.

Их непрерывные встревоженные звонки угнетали Чарли. Он этого не любил.

* * *

Сюзанна Палмиери поставила свою «вольво» рядом с ухоженным серебристым «феррари» Чарли Бэббита. Была пятница, одиннадцать тридцать утра. Она вышла из машины и огляделась. Последние три недели она работала здесь. Вывеска должна была гласить: «Автосалон Бэббита. Коллекционные модели». Но вывески не было, как не было и ничего, достойного коллекционирования, кроме, может быть, старогохлама, окружавшего приземистое, похожее на ангар здание. Здание стояло в конце длинной улицы, пересекавшей бесконечные кварталы складских помещений и свалок утильсырья. Выглядело оно невзрачно. Стены облупились, с рифленой крыши клочьями слезала краска. Построенное в 1946 году как временное, это сооружение послужило пристанищем для бесконечной череды временных контор, из которых предприятие Бэббита было не только самым последним, но и самым временным.

Как могла она, красивая, умная девушка, воспитанная в строгих традициях итальянской католической морали, выпускница сурового монастырского пансиона, позволить себе увлечься человеком, который зарабатывает на жизнь невесть как?

Почему Сюзанна, которая, несомненно, заслуживала лучшей доли — например, супружества с человеком, имеющим приличную работу и твердый доход, человеком, который только и делал бы, что говорил ей о своей любви, — так увязла в отношениях с типом вроде Чарли Бэббита, что даже собиралась провести уик-энд с хозяином автосалона?

Она покачала своей милой головкой, открыла дверь и вошла в небольшой тесноватый офис, который был ей так хорошо знаком.

«Почему?» — снова спросила она себя.

Как только ее взгляд упал на Чарли Бэббита, злобно кричащего в телефонную трубку, она все вспомнила, она поняла. Чарли. Чарли

Бэббит. Вот почему. Сюзанна долго стояла, разглядывая его. Без сомнения, он был самым красивым мужчиной, которого она когда-либо видела. Высокий и мускулистый, с еще не располневшим, сильным и гибким двадцатилетним телом, густыми темными волосами, вечно норовившими растрепаться, сколько бы он их ни приглаживал. Его большие карие глаза оттенялись густыми ресницами. Губы, когда он не улыбался, были полными и чувственными, как у девушки. А когда Чарли Бэббит улыбался... О, кто мог бы устоять перед такой улыбкой, перед ослепительным блеском белоснежных зубов, перед этой разящей наповал ямочкой на подбородке?

Но, хотя Чарли был неотразим, Сюзанна была не настолько легкомысленной, чтобы ее сердце можно было покорить только красивой внешностью. С красавцем можно лечь в постель, провести чудесную ночь и спокойно расстаться, едва наступит утро. Но чтобы с ним захотелось провести и день, он должен иметь за душой что-то помимо красоты.

Что касается Чарли, этим «чем-то» был его первобытный, свирепый ум. В нем одновременно уживались внешний лоск, взрывной темперамент и ясный мозг, мгновенно схватывающий суть любой проблемы и немедленно принимающий единственно верное решение. Если бы только он направил свои способности на что-нибудь важное и полезное, вместо того чтобы гнаться за журавлем в небе, Чарли Бэббит мог бы стать силой, с которой бы считался мир.

Чарли глубоко затянулся сигаретой «Лаки Страйк» и жестом пригласил Сюзанну заняться делом, но все его внимание было поглощено перебранкой по телефону. Сюзанна села за свой стол и сняла телефонную трубку. Маленькими быстрыми пальчиками она набрала длинную последовательность цифр международного вызова, прижала трубку к уху и заговорила по-итальянски.

Несмотря на громкое название, «Автосалон Бэббита» имел довольно жалкий вид. Все помещение провоняло сигаретным дымом, всюду, где только можно, стояли переполненные пепельницы. В комнате было три металлических стола, сменивших не одних хозяев и купленных на дешевой распродаже, три деревянных стула и конторка. За одним столом работал Чарли. Другой принадлежал «секретарше, которая на минутку вышла», а на самом деле не существовала вовсе.

Именно этот стол и был пожалован Сюзанне вскоре после того, как они встретились и Чарли пленился ее божественной красотой, ее упругим маленьким телом, ее итальянским темпераментом и очаровательным акцентом. Как только он узнал, что она свободно владеет итальянским, *lingua toscana in bocca romana*, он предложил ей работать у него.

Они стали любовниками через несколько дней после того, как она поступила в «Автосалон Бэббита». Сюзанна великолепно держалась со всеми заинтересованными в деле «ламборгини» сторонами.

За третьим столом сидел «партнер» Чарли, а точнее его служащий. Ленни Баришу было всего двадцать лет, но он уже три года занимался посредничеством по телефону. Сейчас он тоже вел переговоры. Только он не кричал. Он скулил.

Стены офиса украшали плохого качества карты Западной Германии и Италии. Со всеми своими шитыми на заказ костюмами и английскими туфлями, со всем своим «классом», Чарли Бэббит был всего лишь мелким торговцем подержанными автомобилями, который взял займы даже шнурки для своих ботинок.

Слушая голос на другом конце провода, Чарли на минуту прекратил кричать. Но его густые темные брови были нахмурены и казалось, что он вот-вот снова сорвется. Он свирепо дымил своей сигаретой.

— Нет, сэ, — хныкал Ленни, — я разговаривал об этом с мистером Бэббитом не далее как сегодня утром. — Он умоляюще смотрел на Чарли и отчаянно жестикулировал, призывая его на помощь, но у Чарли Бэббита своих проблем хватало с избытком.

— Да прошло уже пять с половиной недель! — орал он в трубку. — Недель! Как, черт тебя возьми, ты мог трижды пролететь с этой долбаной комиссией?

Ленни, пытавшийся успокоить встревоженного покупателя серебристого «ламборгини» модели 1985 года, в печальном удивлении поднял глаза на Чарли Третий отказ ЕРА был для него новостью, и новостью отнюдь не долгожданной.

— Ах да, сэ, — несчастным голосом сказал он в трубку, — они устранили помехи, возникшие со стороны ЕРА. Еще один... или два дня...

— Потрясающие успехи! — орал Чарли. — Шесть машин, три раза каждая! Ноль из восемнадцати — не очень хороший процент, тебе не кажется? Кто ты такой — механик или инженер из НАСА? Мы взялись сбывать эти проклятые машины. У нас не какой-нибудь автомусей! Я тону! Спаси меня, черт возьми!

Покупатель, терзавший Ленни Бариша, был так настойчив, что Ленни весь взмок.

— Хорошо, сэр, я д-думаю, что это вряд ли необходимо, — заикался он, жестами призывая Чарли вмешаться.

Но Чарли не обращал на Ленни никакого внимания.

— Да, так что я должен ему двести тысяч, понял? Тысяч! С тремя нулями!. — Он злобно раздавил окурок в переполненной пепельнице, немедленно закуривая новую сигарету.

Сюзанна закончила разговор: «Чао, грации» — и повесила трубку. Взглянув на часики, украшавшие ее тоненькое запястье, она нетерпеливо нахмурилась и подняла руку, выразительно показывая Чарли на часы. Пятница, двенадцатый час. Совсем скоро им нужно было бы отправляться, не то дороги будут забиты машинами и выбираться из города им придется целую вечность. До Палм-Спрингс было очень далеко, и Сюзанна побаивалась ночью ехать по пустыне. Чарли обещал ей трехдневный праздничный уик-энд. Это было неделю назад, когда еще было хоть что-то, что он мог бы отпраздновать, Чарли бросил на Сюзанну быстрый взгляд и кивнул. «Одну секунду. Я в беде. Потерпи еще чуть-чуть» — означал его кивок. Он снова переключил свое внимание на этот так бесивший его телефонный разговор.

— Он мог бы отобрать машины одиннадцать дней назад! Они обеспечивают ссуду! Я удерживаю его из последних сил!

Сюзанна увидела, как в глазах Чарли нарастает паника.

Зазвонил телефон, третий телефон на столе Сюзанны. Чарли посмотрел на нее, его глаза приказывали ответить. Поправив золотую сережку в виде колечка, Сюзанна подняла трубку и приветливо произнесла: «Автосалон Бэббита». На нее немедленно обрушился поток злобной ругани.

— Да, сэр, — бормотал в трубку Ленни, — я знаю, мы договаривались на четыре недели. — Он бурно, отчаянно жестикулировал, пытаясь привлечь внимание Чарли, но тот продолжал

игнорировать его призывы — в его собственном окопе кипело сражение.

— Слушай, ты пробовал дать на лапу? — Чарли был настойчив. — Сколько могут зарабатывать в неделю эти ублюдки из ЕРА, черт возьми... — Он остановился на полуслове, увидев, что Сюзанна неистово сигналист ему. И хотя она прервала свой разговор и отложила трубку, по выражению ее лица Чарли понял, что это очень срочно.

— Это Вайят, — сказала она, когда увидела, что он наконец обратил на нее внимание. — О твоём растущем долге. — Она насмешливо посмотрела на Чарли.

Чарли не ответил, но его глаза вдруг стали очень холодными, лицо окаменело.

— Если он не получит свои деньги до семнадцати тридцати, — продолжала Сюзанна, — он конфискует — он так и сказал — конфискует все...

— Перезвони мне! — рявкнул Чарли в свою трубку и швырнул ее, не дослушав механика.

— ... машины, — закончила Сюзанна.

Озорная мальчишеская улыбка озарила красивое лицо Чарли Бэббита. Мальчишеская, но вместе с тем улыбка взрослого, знающего себе цену мужчины, самоуверенная и нагловатая. Тотчас же, насторожившись, Сюзанна отступила назад, яростно мотая головой в знак протеста. Что бы он ни затевал, она не хотела участвовать в этом. Ее бессмертной душе уже угрожала достаточная опасность, хотя бы только потому, что она была рядом с Чарли Бэббитом.

Чарли нежно обнял ее за талию и привлек к себе. Его голос был тих и спокоен, словно все было в порядке, словно речь шла о самом незначительном, повседневном деле.

— Скажи ему... ты его не понимаешь. Я подписал чеки во вторник. Ты сама видела, как я их подписывал вместе с другими бумагами. И лично отнесла их на почту.

Сюзанна продолжала упрямо мотать головой. Она не знала, зачем все это нужно, но это была бесстыдная ложь. Три недели подряд она слушала обрывки деловых разговоров Чарли Бэббита, — а как она могла их не слышать, если все три стола стояли так близко, а Чарли кричал в трубку так громко? — но она не хотела во всем этом

участвовать, не хотела даже знать об этом. Ее наняли для того, чтобы она вела переговоры с Италией, потому что она итальянка и свободно владеет языком, и это было все, что Сюзанны Палмиери касалось. Но все же в глубине души она сознавала, что это не так — с тех пор как они с Чарли Бэббитом стали близки.

Чарли нежно гладил густые волосы Сюзанны. Его голос стал еще тише.

— Пожалуйста. Мне это необходимо, — ласково проговорил он.

Сюзанна чувствовала, что начинает поддаваться. Чарли всегда удавалось растопить ее сердце нежностью. Ненавидя себя за эту слабость, злясь на Чарли, она тем не менее повернулась к телефону и взяла трубку.

— Сэр, я вас не понимаю, — как эхо повторила она. — Мистер Бэббит подписал чек во вторник. Я сама видела, как он подписывал его вместе с другими бумагами. И я лично отнесла его на почту. — Она услышала, как у Чарли вырвался глубокий вздох облегчения.

— Одну секундочку, я только отвечу по другому телефону. — Сюзанна снова отложила трубку. — Пять тридцать, — повторила она слова Вайята. — И не надо пудрить мне мозги.

Чарли Бэббит зашагал зад-вперед по комнате. Его мысли неслись со скоростью восемьдесят миль в час, и тело его тоже инстинктивно задвигалось, словно стараясь поспеть за ними.

— Не мог бы он попросить своего бухгалтера еще разок проверить приходные книги? В качестве одолжения лично тебе. Тебе придется поплатиться своей задницей — скажи ему, работой, — если возникнут проблемы.

Сюзанна нахмурилась, но снова взяла телефонную трубку:

— Не можете ли вы попросить своего бухгалтера еще разок проверить приходные книги? Пожалуйста, сделайте это для меня. Я боюсь, что, если возникнут проблемы, мне придется...

Сюзанна не смогла закончить фразу, ее прервал страшный грохот. Они обернулись на Ленни, который, отчаявшись привлечь внимание Чарли, изо всех сил забарабанил по краю своего металлического стола. Его глаза излучали мольбу, пот стекал по щекам за шиворот. Ленни охрип и чуть не плакал.

— Да, сэр, как только мистер Бэббит вернется с переговоров...

Поняв наконец, до какой степени отчаяния дошел этот мальчишка, Чарли быстро двинулся к его столу, чтобы дать Ленни необходимые указания. Но Сюзанна позвала его, и ее голос был не менее настойчив. Раздираемый с двух сторон, он остановился.

— Чарли, Посмотри на меня. Пять тридцать, — сообщила Сюзанна.

Чарли Бэббит застыл на месте и на мгновение прикрыл глаза. Он сделал глубокий, прерывистый вдох, пока его мысли, как обезумевшие лабораторные крысы, мчались по лабиринту в поисках щелки, в которую можно было бы улизнуть. И конечно, скоро он обнаружил ее, крохотную, но все же достаточно широкую для того, чтобы в нее могла пролезть лабораторная крыса.

— Хорошо, — он раздраженно щелкнул пальцами, — слушай меня. Я улетел в Атланту. Как раз сейчас я в самолете. В понедельник новый чек будет лежать у меня на столе, и первое, что ты сделаешь, придя на работу, это подпишешь его у меня. Это единственное, что ты можешь сделать. Ради Бога, не убивайте нас с мистером Бэббитом. Я очень боюсь потерять работу. Идет?

Девушка помрачнела, уязвленная не только угрызениями совести, но и бесцеремонностью Чарли. Иногда его небрежная манера обращения приводила ее в бешенство. Но все-таки она опять подняла телефонную трубку.

Чарли немедленно переключился на Ленни, который пытался уцелеть в схватке с наседавшим на него клиентом.

— Я не могу сделать этого, сэр, — отчаянно хрипел он, — до тех пор пока вы лично не переговорите с мистером Бэббитом... Ах, вам нужен номер его телефона? Минуточку. — Ленни взглянул на Чарли, который выразительно мотал головой. — Нет, сэр, он сейчас в дороге, и...

— Чарли! — позвала Сюзанна.

Он метнулся к ней. Лицо его потемнело, глаза были холодны, как Берингово море.

— Детка, не могла бы ты включить свои собственные мозги, — зарычал он, — хотя бы один раз?

Сюзанна вздрогнула как от удара, но только стиснула зубы. Она понимала, как ему тяжело. На него давят со всех сторон.

— Ты должен позвонить ему, как только приземлишься.

— Чарли! — вскричал Ленни Бариш.

К этому моменту Чарли уже ощущал себя паровым котлом, у которого вот-вот сорвет предохранительный клапан.

Вот он, Чарли Бэббит, старающийся пробиться в одиночку, без посторонней помощи, и рискнувший жить в долг. Услышав свое имя, которое беспомощный Ленни почти промычал, Чарли взорвался.

Он развернулся и одним широким движением смахнул со стола Ленни все, что там лежало. Телефонные книги, каталоги, папки с документами с грохотом полетели на пол. Ленни в оцепенении наблюдал за происходящим.

— Какие... проблемы... парень?.. — угрожающе процедил Чарли сквозь сжатые зубы. Кадык у Ленни судорожно дернулся, он с трудом глотнул воздуха.

— Мистер Бейтмен хочет отказаться от машины. И мистер Вебб тоже. Они... они хотят получить назад задаток.

К концу предложения он перешел на шепот, прекрасно сознавая, что от задатка остались одни воспоминания и его уже не воскресить, Чарли молча прикрыл глаза.

— Они нашли себе машины в «Вэлли моторз», — продолжал Ленни. — И хотят иметь дело с ними.

— Чарли, пожалуйста, — настаивала Сюзанна.

Чарли спокойно повернулся к ней. Его раздражение разрядилось на Ленни.

— Вайят хочет знать, где машины.

Чарли кивнул. Конечно, хочет. Перебьется.

— Скажи ему правду. Ты не знаешь.

Этого не знал никто, кроме Чарли. Машины были его последней ставкой, его секретным оружием.

Он снова повернулся к Ленни и начал инструктировать его спокойным, твердым голосом.

— Скажи Бейтмену, что я соединился с тобой по другому телефону. Я только что договорился с ЕРА. — Он замолчал, борясь с собой, потом со вздохом сдался. — Скажи им, что я делаю им скидку еще по пять тысяч каждому. Поскольку ценю их терпение.

Ленни благодарно кивнул и вернулся к разговору. Сюзанна повесила трубку и посмотрела на Чарли.

— Понедельник, — сказала она. — Вайят согласился подождать до понедельника.

Понедельник. А сейчас еще только пятница. В его распоряжении было целых три дня, драгоценная передышка для того, чтобы предпринять что-нибудь. Чарли облегченно вздохнул и расслабил сведенные мышцы.

Он посмотрел на Сюзанну, впервые за этот день увидев ее. Его подружка. Она была с ним, когда он так нуждался в этом, и Чарли был ей благодарен. Он постарается отплатить ей сполна. Она была так прелестна! Чарли с восхищением оглядел ее миниатюрную фигурку. Она была изумительна, эта маленькая темпераментная итальяночка с шапкой вьющихся черных волос, с черными блестящими глазами. Ее восхитительная нежность никогда не оставляла его равнодушным. Он притянул ее к себе, погладил ее худенькие плечи, поцеловал соблазнительные ярко-алые губы.

— Итак, Палм-Спрингс?

Большие черные глаза Сюзанны удивленно расширились.

— Мы все-таки едем?

Чарли кивнул. А что такого?

— Все это ерунда. Не бери в голову.

— Ерунда? — повторила Сюзанна. Этот взрыв, эти отчаянные телефонные звонки, эта ложь... ерунда?!

Чарли выразительно пожал плечами.

— Элдорф притащит эти шесть адаптеров. Потом я пройду ЕРА, сбегрю машины, верну деньги..., и... — Он выдержал драматическую паузу. — Чистых восемьдесят кусков. Как бы то ни было. — Он улыбнулся ей своей Улыбкой Номер Два, Самоуверенной. — Не так уж плохо. За пару телефонных звонков.

* * *

Солнце садилось за горные хребты на западе. Серебристый «феррари» пересекал пустыню, пожирая расстояние со скоростью восемьдесят миль в час. Небо темнело, лишь пылающие верхушки облаков еще отражали последние солнечные лучи. На темном полотнище опускающейся ночи одна за одной зажигались звезды и

складывались в знакомые узоры созвездий, Сюзанна Палмиери немного поежилась. Бескрайнее небо над пустыней всегда угнетало ее, заставляло чувствовать себя маленькой и ничтожной.

Сюзанна почти уже не рассчитывала получить от Чарли какие-либо заверения, касающиеся их отношений. Он был для нее неразрешимой загадкой. Относился ли он к ней так же, или почти так же, как она к нему? Он никогда не показывал ей никаких своих чувств, кроме раздражения. Значила ли она что-нибудь для него? Интересует ли его кто-то, помимо его собственной личности?

Когда они лежали в постели, Сюзанна могла бы поклясться, что это так. Чарли был так пылок и ласков, так нежно сжимал ее в объятиях, целовал ее так страстно и значительно... Сюзанна знала, что нравится ему, она могла прочесть это по его глазам и по плотоядной улыбке, появляющейся на его лице, когда он пожирал ее взглядом. Но стоило ему снова надеть штаны, и он немедленно превращался в совсем другого Чарли Бэббита. Чарли Бэббита, постоянно ищущего своей выгоды, стремящегося нащупать у каждого его слабое место, чтобы обратить себе на пользу. Когда другие мечтали, он строил планы. Сюзанна любила его, но не была уверена, что он всегда ей нравится.

Последние десять миль она сидела молча, внимательно разглядывая его, не в силах прочесть хоть что-то по выражению его непроницаемого лица. Чарли сжимал руль обеими руками и смотрел прямо перед собой, погруженный в свои мысли. Он не открывал их ей. Никогда не открывал их ей. Но Сюзанна чувствовала, что он не настолько уверен в успехе, как пытается показать. Определенно, что-то угнетало Чарли. Даже за то короткое время, что они были любовниками, она научилась распознавать подобные вещи.

— Я не настаиваю, но тебе не кажется, что ты мог сказать мне хоть несколько слов? — наконец спросила она. — Пока мы не приехали в отель.

Чарли мрачно посмотрел на Сюзанну.

— Я пошутила, — сухо сказала она, невинно поднимая брови.

Чарли понимающе усмехнулся. Эта девушка твердо стояла на земле и не боялась ни его, ни кого-нибудь еще.

— Хорошо, что мы сорвались в пятницу. — мягко парировал Чарли. — У тебя целых три дня, чтобы меня пилить.

— Слушай, — рассудительно произнесла Сюзанна, — если ты так чертовски обеспокоен, свяжись с конторой и узнай, как там дела. Конечно, это... просто... ерунда, но... Это то, о чем я думаю, так? — засмеялся Чарли, но в его смехе и во взгляде чувствовалось напряжение.

— О Боже, надеюсь, это не другая женщина! — Сюзанна закатила глаза в притворном испуге.

— Возможно, это три другие женщины, — передразнил ее Чарли.

— Ладно, хватит дурачиться. Может быть, они разыскивают тебя, Чарли. — Сюзанна вызвала офис по телефону, установленному в машине.

— Три-ноль-один-девять, — раздался голос телефонистки.

— Бэббит, — отрывисто бросил Чарли.

Сюзанна посмотрела на него с легким беспокойством.

— Два звонка от мистера Бейтмена. Он оставил телефон...

— Не надо, — ответил Чарли, не глядя на Сюзанну.

— Ладно, — сказала телефонистка, — и еще здесь... О! — Ее голос слегка дрогнул. — О Господи! — пробормотала она.

Чарли и Сюзанна переглянулись. Какого черта?!

— Еще звонок от мистера Муни. В сообщении говорится, что он адвокат вашего отца. В Цинциннати. И... ваш отец умер, сэр.

У Сюзанны перехватило дыхание, она впилась глазами в Чарли. Но выражение его лица не изменилось и он не сказал ни слова.

— Похороны в воскресенье, — продолжала, волнуясь, телефонистка. — Ему не удалось вас разыскать. Он... Он оставил свой телефон...

Но Чарли уже отключил связь. Его нога застыла на педали газа, по-прежнему выжимая восемьдесят, а глаза смотрели вперед, на дорогу, но что-то в нем неуловимо изменилось, и сердце Сюзанны пронзила острая жалость. Глаза девушки наполнились слезами сочувствия. Его отец. Как это ужасно.

— О Чарли, — прошептала она, — с тобой все в порядке?

Он не ответил, но снял ногу с педали газа, и машина замедлила ход. Свернув на обочину, Чарли нажал на тормоз, и «феррари» остановился. Но Чарли продолжал сидеть, глядя прямо перед собой, с головой, как в воду, погрузившись в свое молчание.

Сюзанна протянула руку и осторожно дотронулась до его плеча, просто чтобы напомнить о себе. Он повернулся к ней:

— Извини меня за испорченный уик-энд, детка.

— Уик-энд?! — Реакция Чарли была настолько невероятной, что Сюзанна едва могла поверить своим ушам. — Чарли...

Кончиками своих нежных пальцев она притянула его лицо к себе, пытаясь заглянуть в его глаза.

Но Чарли избегал ее взгляда.

— Понимаешь, — пробормотал он, пряча глаза, — мы... мы с ним ненавидели друг друга... По-настоящему ненавидели...

Но в его голосе не было ненависти. Только боль. Переживая за него и вместе с ним, она гладила его по голове, успокаивая его, как мать, успокаивающая ребенка своими любящими руками.

— Мама умерла, когда мне было два года. И мы остались вдвоем. Только вдвоем.

Сюзанна прикусила губу.

— Он... бил тебя?

Чарли поколебался.

— Не физически, — сказал он наконец, с трудом выдавливая слова. — На его взгляд, я никогда не был достаточно хорош. Он не признавал дворового футбола. Только высшую лигу. Я обязан был быть первым во всем. — Он улыбнулся Сюзанне слабой, горькой улыбкой. — Знаешь, он любил говорить: «Человек может». Я должен был стать таким, как он хотел.

Некоторое время они сидели молча, каждый наедине со своими мыслями.

— Я еду с тобой, — вдруг сказала Сюзанна.

Чарли покачал головой.

— Это мило. — Он улыбнулся ей. — Но это не имеет смысла.

— Я так хочу, — упрямо возразила Сюзанна, — в этом есть смысл.

Но Чарли продолжал качать головой с тем же упрямством, что и она.

— Не стоит беспокоиться, — отрезал он.

Задетая за живое, Сюзанна отстранилась и отняла руки от его головы. Снова Чарли оттолкнул ее. Но не совсем. Ощущение ее рук,

глядящих его волосы, еще удерживало их вместе. Теперь, почувствовав себя беззащитным и одиноким, Чарли потянулся к Сюзанне.

— Я все время забываю, с кем я говорю, — прошептал он с короткой, печальной улыбкой.

Сюзанна прижала его голову к груди и прикоснулась щекой к его волосам. Хотя ей и было очень грустно, чувство благодарности переполняло ее сердце и согревало душу. Она нужна ему!

Глава вторая

Когда они мчались назад, пересекая пустыню в обратном направлении, Чарли нервничал и хмурился, но Сюзанна решила, что это естественная реакция на внезапное известие о смерти отца. Пока они ехали, Чарли короткими, отрывочными фразами обрисовал ей свой план. Он подбросит ее домой и оставит там собирать вещи, а сам возьмет ее «вольво», чтобы съездить к себе за костюмом. Кредиторы шли за Чарли по пятам, поэтому ему было рискованно не только развезжать по Лос-Анджелесу в своем «феррари», но даже просто появляться дома. Поэтому он должен вернуться как можно быстрее и оставшиеся дела уладить по телефону Сюзанны. Они переночуют у Сюзанны, отправятся в аэропорт рано утром, будут в Цинциннати к обеду, остановятся в отеле и сразу после похорон вернутся обратно в Лос-Анджелес. А что касается уик-энда в Палм-Спрингс, он обязательно состоится, это Чарли обещает.

К тому моменту как Чарли вернулся, Сюзанна уже собралась. Он прошел прямо к телефону и заказал два билета первого класса, затем позвонил в отель «Бродхем» в Цинциннати и забронировал двухместный номер.

— Нет, только на завтрашнюю ночь. В воскресенье утром мы освободим номер.

Как только самолет оторвался от бетона лос-анджелесского аэропорта, Чарли одну за другой проглотил две порции виски, откинул сиденье, повернулся лицом к окну и заснул. Сюзанна в одиночестве покусывала бутерброд с икрой и потягивала мелкими глотками скверное шампанское. Она чувствовала себя, как выдохшееся вино. Радость, пузырьками бурлившая в ней, иссякла. Чарли Бэббит снова обошелся без нее.

Чарли не проснулся, когда начали разносить обед, и Сюзанна не стала будить его. Должно быть, напряжение последних дней совсем его измотало. Смирившись со своим одиночеством, она поковыряла вилкой салат из омаров и съела половинку цыпленка по-корнуолльски.

Чарли проснулся, как только самолет начал снижаться, и сразу же почувствовал сильный голод. Когда эффектная рыжеволосая

стюардесса выразила сожаление, что кухня уже закрыта, а еда заперта на ключ, Чарли одарил ее своей Улыбкой Номер Один, Убийственной, и нежно промурлыкал:

— Киска, прости, что я причиняю тебе столько хлопот, просто я весь день не ел и умираю от голода.

Через несколько минут стюардесса вернулась с тяжело нагруженным подносом — холодные креветки, филе-миньон с грибами (мне не подавали филе-миньон, ядовито заметила Сюзанна), жареный картофель, салат, горячие булочки, шоколадный мусс, свежесваренный кофе и коньяк.

— Этого достаточно? — спросила стюардесса, с трудом переводя дыхание.

Улыбка Номер Один стала еще ослепительнее.

— Бы спасли мне жизнь, — промурлыкал Чарли, — я не знаю, как и благодарить вас.

— «Знаешь, — подумала Сюзанна по-итальянски, глядя на смачно жующего Чарли, — ручаюсь, что знаешь».

* * *

Отель удивил Сюзанну. Большой и некогда аристократичный, «Бродхем» был очень стар. Остатки бывшего величия еще были заметны, но обшарпанный мраморный пол и потрескавшиеся хрустальные люстры говорили скорее о прошлой респектабельности, нежели о сегодняшнем благополучии.

Чарли Бэббит предпочитал все новое, ухоженное, яркое, шикарное и современное. Здесь было совсем иначе.

Когда они зарегистрировались у портье и их провели в отведенный им убогий номер, Сюзанна едва держалась на ногах. Единственное, чего она хотела, это отправиться спать. Завтрашний, начинающийся с похорон день обещал быть тяжелым, да и сегодняшний был немногим легче. Перед ней как в тумане промелькнули высокие потолки с осыпающейся штукатуркой, карнизы с облезлой позолотой, потертые бархатные гардины...

Впечатление на нее произвела лишь огромная допотопная ванна и бескрайняя двуспальная кровать. Сюзанна приняла ванну и тут же

уснула.

Чарли лежал рядом с ней без сна, курил «Лаки» одну за другой и смотрел в темноту.

* * *

Воскресное утро принесло еще больше сюрпризов. Когда Сюзанна вышла из спальни в строгом черном костюме и темных чулках, Чарли перед зеркалом поправлял свой скромный галстук. Он выглядел необычно. Она никак не могла понять, в чем дело.

Чарли был одет в костюм, который она раньше не видела, и что-то в нем — может быть, старомодный покрой или темная ткань в узкую полоску — превратило его из блестящего Анджелино, одетого с иголки, в молодого восточного бизнесмена, в чьей честности и рассудительности невозможно усомниться. Ни один голливудский торговец подержанными автомобилями не мог бы выглядеть так. Лишь когда он надел свои неизменные темные очки, Сюзанна узнала что-то от прежнего Чарли Бэббита.

Самое удивительное было в том, что его вдруг появившееся достоинство не было наигрышем или очередной из его многочисленных масок. Сюзанне это было совершенно ясно.

Машина, которую они взяли напрокат, ждала их у позолоченных вращающихся дверей отеля. Это был солидный черный «линкольн», очень подходящий для такого случая. Еще один сюрприз, хотя она, конечно, не думала, что Чарли способен поехать на кладбище в модном красном «кадиллаке».

Они сидели рядом и молчали, пока машина, тихо урча, пробиралась по центральным улицам Цинциннати по направлению к пригородам Бетон, кирпич и сталь уступили место траве и деревьям, небольшим одноэтажным домиками — еще дальше — солидным, ухоженным домам, привольно раскинувшимся за оснащенными сигнализацией оградами, пока «линкольн» наконец не свернул в каменные ворота кладбища. Мемориальный парк, основанный в 1835 году, был красив, как картинка в рекламном проспекте. Среди округлых холмов притаились ухоженные зеленые лужайки, посаженные кипарисами и ивами. Их населяли уважаемые покойники,

терпеливо ожидавшие судного дня в мраморных склепах или под гранитными плитами.

Траурная церемония проходила на вершине холма, в одном из самых престижных участков парка. Около дюжины солидных седоволосых мужчин и женщин, одетых в черное, собрались вокруг открытой могилы. Если не считать ярко-голубого летнего неба, картину оживляла лишь пурпурная мантия священника и огромный венок из прекрасных алых роз с простой надписью «Сэнфорд Бэббит».

Когда машина остановилась и Чарли вышел, одергивая пиджак, взгляды присутствующих обратились к нему.

— По-моему, тебя ждали, — тихо сказала Сюзанна.

Чарли расправил плечи и, погруженный в молчание, медленно двинулся вверх по склону холма. Сюзанна следовала за ним, держась чуть сзади. Как только они подошли к могиле, началась скромная панихида. Они выслушали ее молча, не повторяя за священником рефрен молитвы и не подхватив пения гимна, хотя Сюзанна не смогла удержаться и перекрестилась, когда священник произнес: «Я есмь Воскресение и Жизнь». Она это сделала машинально.

Служба была краткой, может быть, даже слишком. Чарли бросил горсть земли на пышный, отделанный бронзой гроб отца, не проронив ни слезинки. Он кивнул Сюзанне, и она медленно пошла вниз, к машине, но Чарли вдруг окликнул один из присутствующих. Они пожали друг другу руки. Должно быть, это и был Джон Муни, старый адвокат мистера Бэббита. Она не слышала, о чем они разговаривали, но видела, как Муни достал связку ключей, отделил от нее несколько и передал Чарли, который спрятал их в нагрудный карман.

Чарли Бэббит, ни разу не оглянувшись, спустился вниз. Усаживаясь в машину рядом с Сюзанной, он произнес только:

— Планы меняются. Мы останемся в Цинциннати еще на одну ночь, ладно? Мне нужно кое-что сделать перед отъездом.

— Куда мы направляемся? — спросила Сюзанна, когда Чарли взялся за ключ зажигания.

— Увидишь.

— И все-таки, — настаивала она.

— Ист-Волнет-Хиллз.

В этом районе Цинциннати почти не было прохожих и машин. Дома здесь были солидные, настоящие дворцы. Каждый занимал по

крайней мере десять акров. Здесь соседи не перекликаются через забор и не бегают друг к другу за солью. Все это место словно шептало: «Деньги». Потому что кричать об этом было ниже его достоинства.

— Вот оно гнездо, родное гнездо, — саркастически произнес Чарли.

Сюзанна вышла из машины и, пораженная, остановилась перед огромным домом Сэнфорда Бэббита с каменными колоннами, домом, где Чарли жил вплоть до того таинственного дня, когда он, совсем мальчишкой, покинул его.

Чарли вышел из машины и поднес чемоданы к подъезду.

— Как ты мог уйти... от всего этого?.. — выдохнула Сюзанна.

Увиденное просто ошеломило ее, она никак не могла связать в своем сознании Чарли Бэббита, которого знала, и этого, нового.

— Благодарю, — коротко сказал Чарли.

— Я не могла себе представить.

Но Чарли не слушал. Он поставил чемоданы и направился к двум автомобилям, стоявшим рядом под навесом, на дорожке, ведущей от дома к гаражу. Там был серебристо-каштановый «роллс-ройс», но не он привлек внимание Чарли.

Это был «бьюик роудмастер» с откидным верхом, выпуска 1949 года, того самого благословенного года, последнего перед тем, как появились эти чудовищные машины-бронтозавры с хвостами-килями. Окрашенный в сочный кремовый цвет, автомобиль сверкал гляncем, наведенным заботливыми руками. Все в нем было безупречно — от великолепной полировки до ярко-красных кожаных сидений, от щитков над капотом до зубастых решеток радиатора, от фирменного знака «бьюика» на кузове до круто наклоненного назад ветрового стекла. Он был красивым, необыкновенным, породистым, и на лице Чарли отразилось полное одобрение.

Вид двухцветного «роллса» ошеломил Сюзанну.

— Он был биржевым маклером?

— Владельцем инвестиционного банка, — ответил Чарли, не отрывая глаз от «бьюика». — Они отличаются тем, что одеваются с большим вкусом. — Он любовно провел рукой по кузову автомобиля.

Сюзанна отвлеклась от «роллса» и была приятно поражена «бьюиком».

— Замечательная машина, — восхищенно сказала она.

— Я знал эту машину сколько себя помню, — сказал Чарли и добавил: — А сидел за ее рулем всего один раз.

Что-то в его голосе заставило Сюзанну резко обернуться, но он отвел глаза и ничего больше не сказал.

На огромной клумбе, выложенной камнями, росли великолепные кусты роз. Сюзанна, любившая цветы, нашла там несколько редчайших сортов. Но они увядали, их листья были покрыты пылью, а кончики лепестков пожухли.

— Следовало бы полить их. Они погибают.

Чарли бросил на розы презрительный взгляд, который, казалось, мог испепелить их на месте.

— Не беспокойся за них, — перебил он Сюзанну.

Еще одна неожиданность. Что он мог иметь против этих роз?

Сюзанна вслед за Чарли поднялась по ступенькам к парадной двери и ждала, пока он выудит из кармана ключи. Когда они вошли в дом, Сюзанна раскрыла рот, изумленная окружающим ее великолепием. Они оказались в просторном холле, переходившем в огромную лестницу, ведущую в верхнюю часть дома. Там были зеркала высотой не менее девяти футов, в золоченых рамах в стиле барокко. Они висели друг против друга, так что отражения Чарли и Сюзанны уходили в бесконечность, как на полотнах эпохи Ренессанса. Дом был пуст. В этот воскресный день в честь памяти Сэнфорда Бэббита всем без исключения слугам был дан выходной.

Чарли толкнул дверь в гостиную, и она открылась. Им в ноздри ударил резкий запах мебельной полировки, смешанный с затхлым запахом давно не проветриваемого жилья и пыли, собиравшейся на шторах вне зависимости от того, как часто по ним проходились пылесосом. Гостиная была огромной, похожей на океан из дорогих восточных ковров, по которому, как величественные, роскошные лайнеры, плавали тяжелые громады антикварной, красного дерева, мебели.

На стенах торжественно висели картины в резных золоченых рамах, в них не было ничего особенного, смелого или оригинального. Тем не менее они оставляли впечатление роскоши и могущества, привычного богатства и мертвого молчания, мрачной тишины. Невозможно было даже вообразить, что в этой комнате раздавался смех, или раздраженные голоса, или слова любви. Это было место для

событий, а не для чувств. Тем не менее чувства посещали эту комнату, и чувства сильные.

Чарли Бэббит долго стоял в дверях и внимательно оглядывал гостиную, дюйм за дюймом.

— Что с тобой? — спросила Сюзанна, не в силах ничего понять по его лицу.

Он не посмотрел на нее и заговорил скорее сам с собой, чем с девушкой:..

— Когда я сказал ему, что уйду... я стоял на этом самом месте... Он сидел... на этом стуле...

Чарли покачал головой, словно хотел стряхнуть с себя эти воспоминания. Потом, взяв Сюзанну за руку, он повел ее по дому, показывая ей все: огромные кухни (их было две, и в каждой своя прислуга), столовую с настенными канделябрами и люстрой, висящей прямо над длинным столом, за которым могли бы поместиться двадцать человек; великолепную библиотеку, с рядами высоких стеллажей, уставленных книгами в кожаных переплетах с золочеными корешками; бесконечную череду просторных спален на втором этаже, в каждой из которых были каменные каминные, необъятные кровати и отделанные мрамором ванные комнаты.

Тем не менее Сюзанне больше всего понравилась скромная комнатка на третьем этаже, которая принадлежала Чарли, когда он еще жил здесь.

Это было типичное обиталище мальчишки-подростка, словно сошедшее с киноэкрана. Узкая койка, стены, увешанные вымпелами, полученными за победы на бейсбольных соревнованиях, блестящие модели военных самолетов, МИГов и F-14.

Здесь ничего не изменилось с тех пор, как Чарли покинул этот дом, даже его грязные рубашки так и остались лежать в стенном шкафу.

Эта кушетка, эти старые книжные полки, заполненные классикой вроде «Острова сокровищ» и «Робин Гуда», никак не вязались с тем Чарли, которого Сюзанна знала, хладнокровным Чарли Бэббитом, который быстро говорил и быстро надувал. И в этом было что-то трогательное. Таким Чарли Бэббита в Лос-Анджелесе не знал никто, кроме нее.

Перебирая вещи в его стенном шкафу, Сюзанна извлекла оттуда старые коробки со всякими безделушками и расположилась на полу, рассматривая их. Фотографии, альбомы с автографами, плакат группы «Кисс», тексты старых хитов. Ей было забавно совершить это путешествие в прошлое своего возлюбленного. Она подняла глаза на Чарли, который с ласковой улыбкой наблюдал за ней.

— Как здорово!

— Для впавшей в детство у тебя слишком красивые ушки, — заметил он.

— Я не впала в детство. Мне просто интересно. Ты был его единственным сыном. Ты родился, когда ему было... сколько? Сорок пять или около того? Возможно, он уже думал, что у него никогда не будет сына, — Сюзанна в сомнении прикусила губу, но все-таки продолжила, — поэтому он не мог не любить тебя.

Склонившись к ней, Чарли начал ласкать мочки ее изящных ушей.

— Так почему же он ненавидел тебя? — продолжала настаивать она.

— Розовые ушки... с пятнышком... вот здесь.

Сюзанна знала, чего он хочет. Он не хотел говорить о своем отце и их с ним отношениях. Он хотел снять свой траурный костюм. Он хотел ее, здесь, в своей детской комнате, на своей старой кровати, чтобы дух того мальчишки, которым он был, встретился с мужчиной, которым он стал.

Неожиданно Сюзанне захотелось того же.

* * *

Потом она облачилась в его старую, пропахшую потом рубашку, надела его джинсы с закатанными штанинами. Ни одна из его старых вещей ему уже больше не годилась, и он остался обнаженным по пояс, надев лишь брюки от костюма. Они вместе обежали весь дом, поедая все, что им попадалось в холодильниках на кухне и на полках в кладовой — консервы из маринованных устриц, отборных крабов, вишневое и ванильное мороженое. Они были как дети, оставленные без присмотра в самом большом и дорогом кукольном домике на свете.

Наконец, исследовав всю нижнюю часть дома, они поднялись на чердак, просторное, пыльное подсобное помещение, тем не менее прекрасно освещенное и довольно опрятное. Здесь, запертые в старинных, окованных железом сундуках, хранились вещи, которые могли бы рассказать о жизни почти всех Бэббитов. И, в том числе, многое о жизни Чарли. Вот высокий детский стульчик — странно, он даже не помнил, что когда-то сидел на нем, — коробки с игрушками, письма в жестяных коробках для документов.

Они сидели на полу чердака, усталые и счастливые, лениво рассматривая какие-то старые журналы. Они были близки как никогда раньше.

— Ты помнишь машину, которая стоит там? — спросил Чарли.

Сюзанна кивнула, чувствуя, что он хочет сказать что-то важное.

— Его ненаглядное чадо. Она и эти несчастные розы. — Резкие, горькие интонации послышались в его голосе. — Мне было запрещено прикасаться к ней. «Это шедевр, — говорил он, — и требует соответствующего отношения. Это не для детей». — Голос Чарли стал жестким, тон — непререкаемым, и Сюзанна как будто услышала эхо слов Сэнфорда Бэббита. — Десятый класс. Мне шестнадцать. И вот однажды я принес зачетную карточку, в которой были одни пятерки.

Сюзанна выглядела потрясенной.

— Не будь такой ошарашенной.

— А такой можно? — Сюзанна скроила довольную гримасу.

— Да. Попробуй. — Они обменялись улыбками. — И вот я пришел к папочке, — продолжал Чарли. — «Можно я прокачу друзей на „бьюике“? В качестве поощрения?» Он отказал. Но я все равно пошел. Стащил ключи. Украл.

— Зачем? — Сюзанна сосредоточенно-смотрела на него, ожидая ответа.

— Потому что я это заслужил! — Голос Чарли задрожал. — Я сделал нечто выдающееся. Говоря его собственными словами, и, — Чарли понизил голос, — он не смог хоть раз в жизни поступить по-человечески.

«Уже тогда, — с грустью подумала Сюзанна, — уже тогда у него были те же самые недостатки». Она ничего не сказала, только внимательно слушала.

— Мы были на бульваре Колумбия. Вчетвером. Нас остановила полиция. Он заявил о пропаже машины. Это не его сын взял ее без спроса. Ее просто украли. — Чарли был охвачен воспоминаниями, лицо его потемнело. — Центральный участок. Отцы других ребят вытащили их в течение часа. Я сидел там двое суток.

— Господи, — потрясенно прошептала Сюзанна.

— Это был кошмар. — Чарли поежился, воскресив в памяти эти ужасные сорок восемь часов. — Я никогда в жизни не испытывал такого животного страха. Я просто в штаны наложил... И я ушел из дому. И не вернулся.

Вот и вся история. История мальчишки, убежавшего от нетерпимого, деспотичного отца, для которого сын никогда не был достаточно хорош. Мальчишки, который растрачивал свою единственную жизнь, пытаясь доказать отцу, что он не так уж плох. Но теперь уже слишком поздно. Отец никогда больше не сможет порадоваться его успехам и не осудит за промахи. И никогда не сможет им гордиться.

Чарли попытался улыбнуться Сюзанне хулиганской улыбкой, означавшей «а нам все до лампочки», но не выдержал ее взгляда, исполненного любви и участия, и отвернулся. Воспоминания сделали его уязвимым. Он поднялся и снова окинул взглядом свои прежние владения.

— Посмотри на этот хлам. Ковбойские шляпы, игрушечные поезда, — Он покачал головой со смешанным чувством умиления и отвращения. — Мне опять хочется есть. Давай совершим налет на холодильник. — Он взял Сюзанну за руку и поднял ее на ноги.

Когда они шли по направлению к двери, что-то попало Чарли на глаза, и он остановился как вкопанный, заметив свисающий из коробки уголок ткани. Оцепенев, он уставился на него. Что-то шевельнулось в глубине его памяти.

— О Боже, — прошептал он. Из запутанных лабиринтов его детских воспоминаний всплыл обрывок мелодии... Битлз...

Нагнувшись к коробке, Чарли отогнал воспоминания. Это было просто одеяло, старое, вытертое детское одеяльце, вылинявшее от тысяч и тысяч стирок. Он взял его в руки.

— Это твое? — спросила Сюзанна, хотя это было очевидно.

Но Чарли не ответил, только повернулся к свету, пристально разглядывая свою находку, как драгоценную реликвию. Его пальцы гладили потертую ткань, он поднес одеяло к лицу и вдыхал его запах, отдавшись нахлынувшим чувствам.

— Чарли, — мягко окликнула его Сюзанна.

Наваждение исчезло.

— Черт, я вдруг вспомнил... У тебя, наверное, в детстве тоже были такие... придуманные друзья...

Сюзанна кивнула. Ее «придуманной подружкой» была Пресвятая Дева. Она до сих пор иногда поверяла ей свои тайны, беседуя с ней так, словно дева Мария была совсем рядом.

— А моего звали Человек Дождя. Точно. Человек Дождя. Когда мне было страшно или просто не по себе, я забивался с головой под одеяло и Человек Дождя пел для меня. — Чарли усмехнулся. — Как я сейчас вспоминаю, мне частенько бывало страшно. Боже, как давно это было!

— И когда он исчез? — Сюзанна была тронута. — Твой друг? Чарли покачал головой.

— Я не знаю, — признался он. — Думаю, я просто вырос...

Он подержал одеяло еще несколько секунд, потом небрежно швырнул его назад в коробку, покончив наконец с воспоминаниями.

— Пошли есть.

* * *

Вечером, пока Сюзанна, уютно устроившись на кровати в комнате Чарли, листала альбом его детских фотографий, Чарли и поверенный его отца Джон Муни сидели в гостиной внизу. На столе красного дерева лежали бумага.

— Завещание: последняя воля Сэнфорда Бэббита.

Чарли единственный имел неоспоримые права на наследство, поэтому он внимательно слушал Муни, но пока радоваться было нечему.

Все, что требовалось от Муни, это сказать: «Это все твое, сынок», но именно этого Чарли и не услышал. Но он сохранял хладнокровие.

Жизнь — тот же покер, и ты не должен раскрывать карт, пока партнеры не сделали ставок.

— Теперь мы приступим к оглашению завещания, но до этого, по просьбе вашего отца, я должен прочесть еще кое-что. Вы не возражаете? — Джон Муни взглянул на Чарли поверх очков.

— С какой стати? — пожал плечами Чарли.

Слава Богу, это было письмо, а не одно из этих отвратительных загробных видеопосланий. По крайней мере, не придется смотреть на старика. Надо просто слушать. Но все равно ему стало не по себе.

Муни коротко кивнул и вскрыл запечатанный конверт.

Он достал два сложенных листа плотной, неизменно дорогой бумаги и аккуратно развернул их. Чарли узнал виньетку — инициалы отца.

— Моему сыну Чарли Бэббиту. Дорогой Чарльз, — начал адвокат. — Сегодня мне исполнилось семьдесят лет.

Я старый человек, но не такой старый, чтобы не помнить ясно тот день, когда мы принесли тебя из роддома, твоя покойная мама и я. Ты был замечательным ребенком, жизнерадостным и многообещающим.

Чарли внутренне поморщился. Опять это проклятое слово «многообещающий». Любимое словечко отца.

— И я помню также, — продолжал читать Муни, — тот день, когда ты ушел из дому, переполняемый обидами и грандиозными планами. Ты думал только о себе.

Адвокат прервал чтение, ожидая реакции Чарли. Но лицо Чарли по-прежнему ничего не выражало.

— Я могу понять и простить твое неприятие жизни, которую я предложил тебе, всего того, что принято ценить в нашем кругу.

— Это его слова — заметил Чарли с мягкой улыбкой, — я словно слышу его голос.

— Но поскольку ты вырос без матери, — продолжал Муни, не отрывая глаз от письма, — твоя черствость вполне объяснима. Ты не хотел даже делать вид, что любишь или, по крайней мере, уважаешь меня. Все это я прощаю. Но твое нежелание писать, звонить, хоть как-то примириться со мной оставило меня без сына. Я желаю тебе того, чего желал всегда. Я желаю тебе добра, Джон Муни закончил чтение, сложил письмо так же аккуратно, как и разворачивал его, и спрятал обратно в конверт. Очевидно, старый адвокат был тронут. Он

деликатно кашлянул, но Чарли не издал ни звука. Он молча сидел, ожидая развязки.

Теперь поверенный вскрыл завещание, объемистый документ в хрустящей голубой обложке. Не глядя на Чарли, он начал читать;

— Чарльзу Сэнфорду Бэббиту я завещаю тот самый «бьюик» с откидным верхом, вошедший в мою жизнь, как и мой сын, в 1962 году. Он служил мне верой и правдой долгие годы. Может быть, глядя на него, сын вспомнит меня добрым словом. А также право владения моими призовыми розовыми кустами. Может быть, они напомнят ему о значении мастерства и стремления к совершенству.

Смутные подозрения Чарли начали принимать четкие очертания. Он всей своей шкурой чувствовал подвох.

— Что касается дома и прочего движимого и недвижимого имущества, им следует распорядиться в соответствии с условиями, оговоренными в особом приложении к настоящему завещанию.

Муни принялся складывать документы.

— Распорядиться? Особое приложение? Что это за особое приложение? Какого дьявола, в конце концов, все это значит? — спокойно спросил Чарли. — Эта последняя часть?

— Это означает, что состояние, которое после уплаты налогов составляет более трех миллионов долларов, переходит под опеку. В пользу анонимного благодетельствованного лица.

— И кто же это? — Чарли напрягся, но голос его оставался ровным. Ничто не должно выдать его, пока Муни не выложит всего, что он хочет знать.

Джон Муни бережно убрал бумаги в свой «дипломат».

— «Анонимный» означает, что я не могу назвать вам его имени, — твердо сказал адвокат. Завещание прочитано, все, что требовалось от поверенного, он выполнил.

— Кто контролирует эти деньги? Вы?

Муни покачал головой:

— Мистер Сэнфорд назвал имя, но не разрешил мне открывать его вам. — Он поднялся и протянул руку за своей мягкой шляпой.

— И... как все это будет выглядеть? — настаивал Чарли. Он чувствовал себя так, будто перед ним захлопнулась железная дверь и он, Чарли Бэббит, остался на морозе.

— Извините, — непреклонно покачал головой Муни. — Больше я ничего не могу вам сказать, — Он направился к выходу, провожаемый пристальным взглядом Чарли. Подойдя к дверям, адвокат оглянулся:

— Мне очень жаль, сынок. Я вижу, как ты разочарован, но...

— Разочарован? — свирепо выкрикнул Чарли, вскакивая со стула. — С какой стати мне быть разочарованным? Я получил прекрасную подержанную машину, не так ли? А розовые кусты? Черт возьми, не надо забывать об этих говенных розовых кустах!

Этот взрыв ярости привел старого адвоката в некоторое замешательство. Но Чарли, охваченный злобой, не замечал этого.

— Этот... Как вы его назвали? «Благодетель!»

— Облагодетельствованное лицо, — тихо произнес Муни. — Анонимный наследник.

— Это долбаное лицо получит три миллиона долларов! Но получит ли он РОЗОВЫЕ КУСТЫ? Нет, черт побери! Розовые кусты папочка приберег для своего единственного сына! Я думаю, что этот мерзавец заплачет все глаза!

— Чарльз...

— Эти долбаные... — охваченный негодованием Чарли потерял способность слушать, — эти блядские розовые кусты!

— Не надо так...

— Он меня ограбил из могилы! — не мог остановиться.

Чарли. — Ограбил! Ограбил! Из своей проклятой могилы!

Он с усилием глотнул воздуха. Ему было трудно дышать.

— Он сидит в преисподней, мистер Муни. Смотрит на нас. И надрывает свою задницу от смеха.

Чарли яростно замотал головой, и адвокат посмотрел на него с тревогой.

— Сэнфорд Бэббит. Хотели бы вы хоть на минуту оказаться сыном этой задницы? — настаивал Чарли. — Вы читали это гнусное письмо? Вы слышали?.. — Чарли вдруг замолчал, не в силах продолжать. Руки его были сжаты в кулаки, он тяжело дышал, почти хрипел.

— Да, сэр, я слышал, — ответил Джон Муни, глядя Чарли прямо в глаза. — А вы?

Когда адвокат ушел, Чарли минуты две метался по столовой, как посаженный в клетку зверь, а потом выбежал на улицу. Воздух! Ему нужен был свежий воздух! Он задыхался, его горло словно тисками сжимали негодование и боль и... и невыносимое чувство покинутости и одиночества. У него было ощущение, что его жестоко избили и оставили подыхать.

Проклятые розовые кусты! Этим посмертным даром Сэнфорд Бэббит славно посмеялся над Чарли. Розы всегда были ему дороже единственного ребенка. В памяти Чарли всплыли длинные, нескончаемые выходные дни, которые его старик проводил, суетясь вокруг этих проклятых роз, вместо того чтобы пойти куда-нибудь с ним — в цирк или на футбол — или просто покатать его на «бьюике». Обрезка, прополка, опрыскивание, окучивание, подвязка. Если этот холодный, мелочный человек и питал к кому-нибудь чувства, так это к цветам, никак не к людям, даже не к своей плоти и крови. Ведь эти розы никогда не обманывали его надежд. Они принесли Сэнфорду Бэббиту целую кучу призовых ленточек, тогда как его сын Чарли ни разу не получил никакой награды.

Неудивительно, что Чарли ненавидел эти розовые кусты. Теперь они будто впились в его тело своими шипами, будто напомнили ему о своем совершенстве и его многочисленных недостатках. Так пусть они умрут!

Анонимный наследник. Эти слова резонировали в его сознании, не оставляя места для других мыслей. Анонимный наследник. Но кто?! Кто, черт побери, украл у него больше трех миллионов долларов, принадлежащих ему по праву. Кто теперь потешается над ним, торговцем подержанными автомобилями, который никогда не станет ничем больше? Нет, им не удастся просто так отделаться от него. Выход должен быть. Думать! Он должен думать!

Где-то есть человек, — мужчина? женщина? ребенок? — которому достанется счастье, счастье Чарли. Он должен найти этого человека, прежде чем затевать драку. Даже Чарли Бэббит не может бороться с невидимкой. И найти его нужно как можно скорее. Пока еще не слишком поздно, пока эти адвокаты и опекуны окончательно не замутили воду. Но как его разыскать? С чего начать?

Когда Сюзанна обнаружила Чарли стоящим около пустого бассейна с неизменной «Лаки» во рту, он уже успокоился, он был в

состоянии наметить план действий.

— Я везде искала тебя, — участливо произнесла она. — Ну как?

Он улыбнулся ей своей самой доверительной улыбкой.

— Как я и ожидал, — только и произнес он.

Глава третья

Чарли спал беспокойно, вздрагивая и ворочаясь на своей узкой кровати. Сны сменяли друг друга, но все они были отчетливы и тяжелы. То кто-то преследовал его, то он сам гнался за кем-то. Но Чарли не знал, кто это был, друг или враг, и что он будет делать, если его поймут или если он сам настигнет этого незнакомца.

Наконец в шесть тридцать утра он открыл глаза. Ему следовало бы проснуться часа два тому назад в Лос-Анджелесе. Ощущение погони, которое он испытывал во сне, не проходило. Несколько мгновений он не мог понять, где находится, чувствуя только сильную жажду. Но потом все встало на свои места. Он был дома. В своей старой комнате. В отцовском доме в Цинциннати. Его отец умер.

События вчерашнего дня всплыли в его памяти. Похороны отца. Завещание. Проклятые розы. Призрак Сэнфорда Бэббита насмеялся над ним из могилы. Дерьмо! Он сел на край кровати, и сухой кашель заядлого курильщика вырвался из его груди. Продолжая кашлять, он зажег первую в этот день сигарету. Лежавшая у стены Сюзанна зашевелилась, он нежно погладил ее, и она снова заснула. Ему нужно было побыть одному, чтобы немного подумать. Возможно, это самый важный день в его жизни.

В одних плавках Чарли на цыпочках прошел на кухню и поставил на огонь кастрюльку с водой для растворимого кофе. Открыв дверцу холодильника, он обнаружил там початый пакет апельсинового сока и осушил его. Он зажег еще сигарету, сел к столу, снова прокручивая в голове свой план.

Шаг первый, без которого остальные невозможны. Нужно выяснить, что за «опекун» распоряжается деньгами Чарли, кем может быть этот проклятый «анонимный наследник». Потом он что-нибудь придумает. Он всегда что-нибудь придумывал.

Был понедельник. Семь утра. Банки открываются в девять, слуги будут здесь, вероятно, к восьми. Ему надо собираться. Чтобы не утюжить свой траурный костюм, Чарли повесил его в ванной, и самые заметные складки к утру разгладились. Приняв душ, Чарли очень тщательно побрился, смазав щеки кремом после бритья, который

нашел в аптечке. Кремом Сэнфорда Бэббита. Теперь не хватало только запаха сигар старика, чтобы от Чарли пахло точно так же, как от его отца. Потом он оделся и пошел будить Сюзанну, взяв с собой чашечку горячего кофе с сахаром.

— Пора собираться, дорогая. Мне нужно уладить кое-какие дела. Поехали.

Когда кремовый «бьюик» остановился у подъезда Мидвест-Америка-репаблик-банка в центре Цинциннати, Сюзанна выглядела растерянной.

— Зачем мы здесь?

— Я хочу кое-что узнать, — мягко ответил Чарли, — это не займет и минуты. Подожди меня здесь.

Он нашел подходящую кандидатуру за сорок секунд. Вычислить ее не составило труда. Она сидела за третьим от конца столом, среди младшего управляющего персонала, занимающегося операциями, с которыми не могли справиться обычные кассиры, — переводом денежных средств, срочными вкладами, выяснением платежеспособности. Она была ни слишком молода, ни слишком миловидна, но тщательно, может быть даже чрезмерно, накрашена. Ее искусно уложенные пепельно-белые волосы говорили о многих часах, проведенных в кресле парикмахера. Короче, она была уверена в своей неотразимости. С нее хватит душещипательной истории и пяти минут Убийственной Улыбки.

Пять минут спустя Чарли Бэббит вышел из банка, получив имя опекуна. Некий доктор Вальтер Брунер. И адрес — где-то за городом. И даже подробные рекомендации, как туда добраться.

Сидя за рулем великолепной машины, под жаркими лучами июльского солнца, рядом с Сюзанной, Чарли не обращал внимания ни на девушку, ни на хорошую погоду, ни на «бьюик». Он мог думать только об этом Брунере, кем бы он, черт его возьми, ни был. И о том, как уговорить его вернуть три миллиона долларов, по праву принадлежавших Чарли. Он вновь и вновь прокручивал в голове план предстоящего разговора, стараясь предусмотреть все возможные варианты.

Они давно миновали городские окраины. Их окружали зеленые холмы летнего Огайо. Но Чарли было наплевать на все эти пейзажи. Сюзанна, не в силах сдержать восхищения, сказала:

— Здесь так красиво! Ты часто бывал здесь раньше?

— Разумеется, нет.

На ее лице отразилось недоумение.

— Так зачем мы?..

Внезапно ее швырнуло вперед так, что она едва не врезалась носом в лобовое стекло, — Чарли с силой нажал на тормоз.

— Проскочили, — проворчал он, возвращаясь задним ходом к повороту, который действительно легко было не заметить. Густая листва придорожных деревьев скрывала узкую дорогу и указатель с надписью: «Частное владение».

Свернув на дорогу, затененную густыми ветвями росших по обочине каштанов, Чарли миролюбиво посмотрел на Сюзанну, — Надо уладить еще кое-что, — сказал он небрежно, может быть, слишком небрежно. — Это недолго.

Темные очки скрывали выражение его глаз.

Какое-то время они ехали медленно, петляя по каменистой, извилистой дороге, едва ли отличающейся от проселка. Затем, спустя четверть мили, дорога расширилась и после крутого поворота пошла в гору. Когда они достигли вершины холма, глазам их внезапно открылось большое белое здание. Привлекательное само по себе, оно прекрасно гармонировало с окружающим пейзажем, с зеленым бархатом ухоженных лужаек. Оно напоминало старый отель. Хотя могло оказаться и огромной усадьбой весьма состоятельного человека.

— Где мы? — поинтересовалась Сюзанна.

Они проехали мимо маленького симпатичного пруда, в котором плескались утки. Его мшистые берега, пестрели дикорастущими цветами. На обочине дороги, спиной к машине, за мольбертом стоял мужчина в рабочем халате и рисовал. Чарли медленно приблизился к нему.

— Простите, это случайно не Воллбрук?

Мужчина не отреагировал.

— Простите, — повторил Чарли громче.

Мужчина молча повернулся, и Сюзанна раскрыла рот от изумления. Даже хладнокровие Чарли на мгновение покинуло его. Руки и лицо мужчины были измазаны яркими красками, свежие пятна покрывали его халат. А на мольберте не было ни идиллического пейзажа с утками, ни прекрасного вида на дом, Холст покрывала

невероятная мазня, хаос пятен, неровных линий, мазков, нанесенных на полотно прямо ладонью. Человек смотрел на них с пустой улыбкой неразумного младенца.

Несколько секунд Чарли разглядывал художника и его творение, затем тронул машину с места и подъехал к парадному входу.

Над входом висела круглая бронзовая табличка с надписью: «Воллбрукский центр развития умственно отсталых».

Выбравшись, из машины, Чарли поднялся на крыльцо и сильно постучал в дверь латунным дверным молотком. Ему открыла милостивая женщина средних лет, скромно одетая и, видимо, хорошо знающая свое дело.

— Я бы хотел встретиться с доктором Брунером.

Женщина кивнула и проводила Чарли и Сюзанну в просторную, комфортабельную приемную, обставленную креслами и диванами с шифоновой обивкой, с камином, забраным медной решеткой, и столиком, заваленным дорогими иллюстрированными журналами. Приемный покой. Он может быть изысканно меблирован, украшен дорогим антиквариатом, но все равно он останется больничным приемным покоем. Женщина подвела Чарли и Сюзанну к паре стоявших рядом кресел и подождала, пока они сядут.

— Доктор Брунер на обходе. Вы сможете здесь немного подождать?

Чарли кивнул, одарив ее Улыбкой Номер Три, Улыбкой Хорошего Мальчика, женщина улыбнулась в ответ и вышла. Чарли внезапно вскочил и подошел к двери, ведущей во внутренний коридор. Он осмотрелся, затем шагнул вперед.

— Чарли, — нервно вскрикнула Сюзанна, — я думаю, нам не следует здесь разгуливать.

— Ну и не разгуливай, — бросил он через плечо, скрываясь за дверью.

Встревоженная, Сюзанна бросилась за ним. Она не хотела оставаться здесь одна.

С изнанки больница выглядела иначе. Антиквариат и цветастые обои уступили место простой, строго функциональной мебели и стенам, окрашенным в зеленый цвет. Это гораздо больше походило на больницу. Сюзанна вцепилась в руку Чарли, пока он изучал окружающую обстановку.

Да, без сомнения, Воллбрук был лечебницей. Но пациенты здесь были больны душой, а не телом. Они не были буйными, во всяком случае те, кого они видели, но каждый из них был заперт в созданном им или ею крошечном мирке. Многие из них смотрели телевизор, на самом деле не видя и не понимая маленьких драм, происходящих на экране. Другие сидели у столов, перемешивая картонные карточки детских головоломок, а то и прямо на полу играя в игрушки. Одна пожилая седоволосая женщина крепко сжимала в высохших руках тряпичную куклу, тихо баюкая ее. Каждый был сам по себе, они не смотрели друг на друга и не общались между собой. Некоторые из них ели что-то похожее на пудинг или яблочное пюре, словом, какое-то детское питание. Несколько одетых в униформу служащих помогали им в самых элементарных вещах — мыли запачканные шоколадом губы, вытирали слюни, провожали в туалет.

Все вокруг дышало спокойствием. Никто не кричал и не бредил, не бился в ярости и не прятался по углам от страха. Транквилизаторы делали свое дело. Мелодичный звон возвещал, что пора принять таблетки, запить их апельсиновым соком — и вот гунн Атилла уже превратился в котенка Морриса. Великая вещь — химия.

Отдельные комнатки, где пациенты спали и проводили время, когда не были в «обществе», произвели на Чарли и Сюзанну куда более сильное впечатление. Они заглянули лишь в несколько. Большинство из них были пусты, их обитатели «занимались делом». Но некоторые оставались в своих клетках, потому что никакие впечатления окружающего мира не могли пробиться сквозь толстую стену безумия, пленниками которого они были. На кровати в одной из комнат сидел, свесив руки вниз, молодой человек. Когда он увидел проходящих мимо Чарли и Сюзанну, он начал яростно колотить себя по вискам сжатыми кулаками, мыча и дико вращая глазами.

— Чарли, пожалуйста, я больше не могу, — взмолилась Сюзанна, — давай вернемся.

Но Чарли не мог вернуться, не увидев полностью того места, с которым Сэнфорд Бэббит связал свои три миллиона. Итак, это был Воллбрук-хауз. Сумасшедший дом. Детский садик для придурков. Питомник для хронических идиотов. Дерьмо! Все оказалось еще хуже, чем он думал.

Ею противником оказалось целое учреждение, имеющее все возможности для того, чтобы спрятать «анонимного наследника», возможно лунатика, среди миллионов законно награбленных долларов и позволить ему спокойно стричь купоны. Ему нужен лом, чтобы лишь полюбопытствовать, на что тратятся его денюжки. Теперь он увидел достаточно. Взяв за руку обрадованную Сюзанну, Чарли отправился назад в приемную.

Когда их пригласили к освободившемуся наконец доктору Брунеру, Чарли расправил плечи и нацепил неизменные темные очки. Чарли прятал за ними глаза во время всех деловых бесед, чтобы никто не мог читать по его лицу. «Спокойно, — говорил он себе, — очень спокойно, Чарли. Никаких резких движений, и следи за каждым словом. Эти друзья тебе не союзники».

Кабинет психиатра был хорошо обставлен. Огромные, от пола до потолка, окна выходили на зеленую лужайку. Вдоль стен стояли книжные шкафы, забитые толстыми книгами по медицине и психиатрии. Доктор восседал на обитом кожей стуле с высокой спинкой за огромным дубовым столом, будто сошедшим с полотна викторианской эпохи. Он поднялся, чтобы пожать Чарли руку, и жестом пригласил его сесть.

Чарли осторожно оглядел своего противника. Доктор Брунер был солидным мужчиной лет пятидесяти шести, с гривой седеющих волос, спокойным, приятным лицом и умным, пронизательным взглядом из-под очков в черепаховой оправе. Он мог легко догадаться, зачем приехал Чарли, но позволил ему держать это при себе.

Чарли Бэббиту нужно было имя анонимного наследника. Он вежливо спросил об этом доктора.

— Очень жаль. Но я не имею права назвать его вам.

В точности, как Муни.

— «Кто же он, черт возьми?» — готов был в ярости выкрикнуть Чарли, но сдержался. Он должен быть вежлив и почтителен, по крайней мере сейчас.

— Не вижу причин для такой скрытности, сэр. — Встав со стула, Чарли подошел к окну. — Если это какая-нибудь старая подруга отца...

Он увидел «бьюик» и Сюзанну, которая, ожидая его возвращения, радовалась хорошей погоде, сидя на заднем сиденье машины. Чарли увидел, что один из пациентов с ранцем за спиной — это, несомненно,

был пациент — неуклюжей шаркающей походкой двинулся по направлению к малине. Чарли не обратил на него никакого внимания, сумасшедшие были здесь как бы частью интерьера.

— Мистер Бэббит, я познакомился с вашим отцом, когда вам было два года, — мягко сказал доктор Брунер.

Чарли обернулся.

— В тот год, когда умерла моя мать, — быстро произнес он.

Брунер кивнул.

— Теперь я распоряжаюсь его состоянием. Но ни я, ни эта больница ничего с этого не имеем.

«Ну да, конечно», — подумал Чарли. Но вслух сказал:

— Вряд ли это справедливо. Может быть... нам есть, что обсудить... — В его словах слышался заманчивый намек.

Но доктор Брунер не попался на эту удочку.

— Я обещал вашему отцу свою преданность, — твердо ответил он. — И я выполню свое обещание.

Чарли охватила злоба. «Спокойно», — напомнил он себе и снова подошел к окну, чтобы не выдать своего раздражения. Пациент с ранцем стоял теперь рядом с «бьюиком», пристально его разглядывая.

— Вы думаете, я чувствую ту же преданность? — с некоторым трудом произнес Чарли.

— Я думаю, что вы чувствуете себя ограбленным, — мягко ответил Брунер, — человеком, который не умел показать вам своей любви.

Доктор попал в точку, и Чарли на мгновение удивленно застыл. Он почувствовал внезапную боль, словно сотня розовых шипов впились в его кожу. Этот лекарь не дурак.

В это время пациент достал из своего ранца блокнот и принялся яростно строчить, то и дело поглядывая на машину. Словно делал заметки.

— Думаю, — продолжал доктор Брунер, — будь я на вашем месте, я бы чувствовал то же самое.

У Чарли зародилась слабая надежда. Он снова повернулся к доктору и снял очки, чтобы посмотреть доктору прямо в глаза. Минута откровения.

— Я надеялся, что мы сможем понять друг друга. Что вы... объясните мне... почему отец так поступил. Помогите мне понять.

Если я этого не пойму, то буду действовать в соответствии со своими соображениями на этот счет. — Чарли сделал эффектную паузу. — Я не остановлюсь ни перед чем.

Доктор Брунер сел и сложил вместе кончики пальцев. Что-то похожее на улыбку пробежало по его лицу. Вот оно, нацеленное на него ружье. Угроза судом. Он ее предвидел, ожидал ее от молодого Бэббита, скрывавшего свою ярость за стеклами темных очков и чрезмерной вежливостью. Тем не менее что-то в этом мальчике привлекало его, то ли его несомненный ум, то ли развитый инстинкт самосохранения, так необходимый в этом жестоком мире. Возможно, он опасен, но все равно доктор чувствовал к нему симпатию. Этот противник заслуживал уважения.

— Не сомневаюсь, что вы боец, мистер Бэббит, — спокойно произнес доктор Брунер. — Вы знаете, мне, директору этого заведения, много раз угрожали. Мне много раз доставалось. — Психиатр посмотрел на Чарли долгим, тяжелым взглядом. — Но, так или иначе, я все еще здесь. И все еще директор.

Это была развязка. Разговор окончен. Чарли уходит ни с чем. Схватку с Брунером он проиграл. Анонимный наследник остался неизвестным. Но Чарли не спешил отступать. Это был лишь первый раунд. Пока они лишь бросили вызов друг другу. Дело могло продлиться дольше, чем он предполагал, но Чарли Бэббит был находчив и, в случае острой необходимости, даже терпелив.

Доктор Брунер проводил его до парадной двери. Наполненный ярким солнечным светом и звонкими птичьими трелями день был прекрасен, хотя и становился все жарче.

Пациент с ранцем все еще стоял рядом с «бьюиком» и с той же яростью записывал что-то в свой маленький блокнот, словно готовил репортаж о несчастном случае. Он продолжал переводить взгляд с машины на тетрадку, иногда взглядывая на Сюзанну, которая в оцепенении не могла оторвать от него глаз.

— Рэймонд, — в голосе доктора Брунера слышалась настойчивость, — тебе нечего здесь делать. Вернись домой.

Пациент с ранцем не обратил на него внимания. Его карандаш продолжал бороздить тетрадную страничку. Чарли быстро прошагал мимо странного репортера, не замечая его, и взялся за ручку дверцы.

— Бедненькая, — сказал Рэймонд.

Чарли поднял голову.

— Это вы мне?

Но Рэймонд даже не смотрел в сторону Чарли. Внимание его было приковано к блокноту, и обращался он к его страницам.

— Ну вот, на этих сиденьях кожа не такая... На самом деле... она коричневая... А эта, бедненькая, красная...

В первый раз Чарли посмотрел на Рэймонда. Перед ним стоял невысокого роста человек неопределенного возраста. Возможно, чуть больше сорока. Вид у него был совершенно безобидный. Как и все пациенты, одет он был чисто и скромно, в ситцевую рубашку с коротким рукавом и хлопчатобумажные брюки, подпоясанные почти на уровне груди. Из кармана его рубашки выглядывал пластмассовый пенал, набитый карандашами и шариковыми ручками. В его причёске явно чувствовалась рука казенного парикмахера. Кое-где волосы были прилизаны, в других местах стояли торчком. Тем не менее выглядел он опрятным и ухоженным.

В чертах его лица не было ничего примечательного: небольшие черные узко поставленные глаза, мясистый нос. Единственное, что сразу бросалось в глаза, это полное отсутствие выражения. Казалось, что это лицо никогда не хмурилось и его не посещала улыбка. Оно напоминало физиономию с детского рисунка, спокойную и безжизненную.

Чарли улыбнулся и слегка покачал головой. Этот псих позабавил его.

— Знаешь, — сказал он Сюзанне, — сиденья действительно раньше были коричневые. Когда я был совсем маленьким.

— И, и, — Рэймонд продолжал быстро говорить бесцветным голосом, будто с самим собой, — вы пользуетесь пепельницей, потому что... потому что... она здесь для этого. Это настоящая кожа, и она... за нее не жалко руку отдать.

Улыбка сошла с лица Чарли, сменившись изумлением.

— Боже, — прошептал он. — Отец часто говорил «не жалко руку отдать» и про пепельницу.

Он пристально посмотрел на пациента, который стоял, уставившись в свой блокнот. Вдруг Рэймонд неожиданно поднял голову, и их взгляды на мгновение встретились — ничего не выражающий взгляд Рэймонда и спрятанный под черными очками

взгляд Чарли. Но только на мгновение, потому что внимание Рэймонда немедленно переключилось обратно на блокнот.

— Пойдем со мной, Рэймонд, — настаивал доктор Брунер. — Этим людям надо ехать.

Какое-то смутное предчувствие шевельнулось в голове у Чарли.

— Тебе знакома эта машина? — резко спросил он у Рэймонда.

Рэймонд вдруг сцепил руки и стал судорожно сжимать и разжимать их, но ему мешали блокнот и карандаш.

Страх отразился на его бесцветном лице, и он в отчаянии посмотрел на доктора Брунера, ища помощи. Но взгляд психиатра был таким суровым, что Рэймонд опустил свои наполненные ужасом глаза.

— Ты! — более решительным голосом проговорил Чарли. — Откуда ты знаешь эту машину? — Он сдернул очки, и Рэймонд был вынужден смотреть ему прямо в глаза.

Худое тело Рэймонда задергалось, как будто через его спинной мозг пропустили ток. Глаза его заматались из стороны в сторону, избегая направленного прямо на него пристального взгляда Чарли.

— Я... не... знаю... — лишь промычал он едва слышно.

— Черта с два, ты не знаешь! — вскричал Чарли. — Откуда ты знаешь? — Он шагнул к Рэймонду, и тот в ужасе отступил назад.

— Достаточно, мистер Бэббит, — вмешался доктор Брунер. — Вы его возбуждаете. Вы...

— Пожалуйста, Чарли, — поддержала Сюзанна.

Теперь Рэймонд переводил взгляд с Сюзанны на доктора Брунера, с доктора Брунера на Чарли. Казалось, какая-то мысль запечатлелась в его голове. Он расцепил руки и снова начал судорожно записывать что-то в свой блокнот, одновременно бормоча себе под нос:

— Бэббит Чарли. Чарли... Бэббит. Чарли Бэббит, один-ноль-девять-шесть-один. Бичкрест-авеню.

Чарли окаменел.

— Откуда ты знаешь этот адрес? — пораженный, вымолвил он.

Рэймонд понурил голову. Он говорил так тихо, что слова с трудом можно было разобрать:

— Я знаю почему, Вот почему.

Непонятно. Чутье подсказывало Чарли, что он выследил свою почти парализованную жертву. Он повысил голос:

— Потому что... почему?

Голова Рэймонда дернулась, как будто Чарли задел какую-то невидимую веревочку, и он посмотрел Чарли прямо в глаза. Лицо его не выражало ничего, кроме смятения — ни вопроса, ни ответа. Никакого контакта.

Тихим, покорным голосом доктор Брунер проговорил:

— Потому что он ваш брат.

Сюзанна изумленно вскрикнула, потом наступила тишина. Рэймонд перестал бормотать, а Чарли с недоверием замотал головой. Затем он коротко усмехнулся:

— Что это значит?

— У братьев... общий папа. И мама. — Рэймонд расставил точки над «i». Затем он произнес, будто ребенок, заучивший имена родителей и свой адрес на тот случай, если потеряется: — Сэнфорд Бэббит. Дом номер один-ноль-девять-шесть-один. Бичкрест-авеню. Цинциннати. Огайо. Соединенные Штаты Америки.

У Чарли отвисла челюсть, а брови взлетели вверх.

— Наша мама Элеонора Бэббит, — монотонно продолжал Рэймонд. — У нее домик с ангелочками.

— Чарли, о Боже, — прошептала Сюзанна, пораженная жалостью. Это была правда. Пациент был братом Чарли.

Но Чарли был к этому не готов. Он развернулся и медленно пошел прочь, как будто, отдаляя себя физически от Рэймонда, он мог перечеркнуть их родство. Но, сделав несколько шагов, он обернулся. Лицо его выражало смесь злобы и изумления. Срывающимся голосом он обратился к доктору Брунеру:

— Этого не может... Как это возможно? У меня нет брата! И никогда не было!

Возбужденный Рэймонд возрился на Брунера, но психиатр был поглощен разговором с Чарли. Тогда Рэймонд заговорил, обращаясь к часам, украшавшим его запястье. Речь его была быстрой, слова путались и перемешивались:

— Ну вот, до Вапнера тринадцать минут... и они... они не актеры... там настоящие дела... в муниципальном суде. Суде штата Калифорния.

Рэймонд Бэббит развернулся и, не оглядываясь, быстро зашагал к дому своей неуклюжей, шаркающей походкой. В сознании его твердо засело имя Вапнер.

— Ну вот, теперь уже двенадцать минут.

Глава четвертая

Итак, вот он какой. Теперь анонимное лицо приобрело имя: Рэймонд. Чарли Бэббит, отправившийся на поиски наследника, нашел брата, Рэймонда Бэббита. Но даже запертый в психиатрическую лечебницу, он не был просто сумасшедшим. Нет, Рэймонд Бэббит был сумасшедшим с тремя миллионами долларов. А почему бы и нет? Разве он не был старшим сыном Сэнфорда Бэббита? И почему старший сын не может быть наследником? Даже если он умственно отсталый? Что ж, это вполне разумно. Может быть, это было разумно для Сэнфорда Бэббита, но только не для Чарли Бэббита.

Конечно, Рэймонду никогда не оценить эти три миллиона по достоинству. Сколько стоит ручка и блокнот? Что ему еще нужно? Быстрые машины и легкомысленные женщины, дорогие итальянские костюмы и виллы с видом на океан — все это не для Рэймонда. Не для него горные лыжи в Аспене и карнавал в Рио. Он не сможет истратить свои деньги на такие пустяки, как роскошь и красивая жизнь.

Даже самая дорогая частная клиника со знаменитыми врачами, оснащенная по последнему слову техники, с неусыпным медицинским надзором не поглотит даже годовых процентов с суммы в три миллиона.

— Нам надо поговорить, — жестко сказал Чарли доктору Брунеру.

Врач кивнул:

— Давайте войдем внутрь и перекусим. После ленча я расскажу вам обо всем, что вас заинтересует.

Ленч, состоявший из сандвичей, салата и кофе, был подан в кабинет психиатра. Чарли ел быстро и молча, Сюзанна и доктор Брунер вели светскую беседу о садах, окружающих Воллбрук. Как и Сэнфорд Бэббит, доктор любил цветы.

Когда они покинули кабинет, уже перевалило за полдень. Телепрограмма «Правосудие для народа» закончилась, и, законспектировав последний приговор судьи Вапнера, Рэймонд Бэббит зашаркал прочь с неизменным ранцем на плечах.

Сюзанна присоединилась к нему, и они сели рядом на одну из каменных скамеек, украшавших сад. Но Рэймонд не обращал на

девушку никакого внимания, продолжая строчить в блокноте. Чарли и доктор Брунер прогуливались неподалеку, не выпуская Рэймонда из поля зрения, и разговаривали.

— С чего начать? — спросил психиатр. — Что вы хотите знать?

— Что он все время пишет?

— В основном списки. У него есть... один список, который он называет «Списком Ужасных Происшествий». Некрологи. Стихийные бедствия. Он пытается уберечься от опасностей, аккуратно занося их в тетрадку.

Чарли с минуту подумал:

— Но это же просто суеверие. Мы все подвержены этому.

Доктор Брунер кивнул, отдавая должное уму молодого человека.

— Да, ритуальное поведение — это своего рода лекарство от злых духов. Рэймонд считает, что опасности грозят отовсюду. И единственное, чем он может от них защититься, это обряды к ритуалы.

— Ритуалы? — переспросил Чарли. Ему наплевать на эти ритуалы, в чем бы они не заключались.

— То, как он ест. Одевается. Спит. Принимает душ. Гуляет, разговаривает... Да буквально все, что он делает. И любая неточность в соблюдении этого раз и навсегда установленного порядка приводит его в ужас. Но... — Доктор вдруг замолчал в сомнениях, нужно ли продолжать.

Сможет ли Чарли до конца понять все, что касается недуга Рэймонда?

— Но он личность, ваш брат. Добрая и, в некотором смысле, высокоинтеллектуальная натура.

— Интеллектуальная? — Чарли удивленно поднял брови. Он обернулся на Рэймонда, по своему обыкновению записывавшего что-то в блокнот.

Доктор Брунер кивнул:

— Он своего рода феномен. У него есть очевидные отклонения. Но есть и способности. Поразительные способности.

У Рэймонда? Для Чарли это было уже слишком. Он снова посмотрел на поглощенного своей писаниной брата. И возразил:

— Но он же умственно отсталый.

— Нет, это не так. Он аутист, вернее, высокоорганизованный аутист, возможно, в результате повреждения мозжечка или лобных

долей. Для вас очень важно понять, что Рэймонд воспринимает мир совсем иначе. Вы, я и другие нормальные люди, мы все постоянно получаем какую-то информацию, на основе которой у нас вырабатывается свое видение мира. Когда мы получаем новую информацию, то сопоставляем ее с тем, что нам уже известно, оцениваем ее достоверность и важность. И главное, мы связаны с внешним миром — с событиями, друг с другом. Мы реагируем. Мы взаимодействуем. У нас огромный набор чувств — грусть, радость, любовь, ненависть, неприязнь, жалость, страсть, преданность, презрение, симпатия, желание, восторг. Каждый день мы используем этот спектр эмоций. У Рэймонда все по-другому. Он сортирует информацию и заносит ее в память и в свой блокнот. Но это лишь отдельные факты, никак не связанные между собой, вырванные из контекста жизни. Он не в состоянии оценивать их, они для него абсолютно равнозначны. Прогноз погоды на завтра столь же важно занести в блокнот, как и гениальное изречение великого мыслителя. Он не видит связи между фактами, как не видит связи между собой и окружающими его людьми. Это самое важное, что нужно запомнить о человеке, подверженном аутизму. У вас не может быть с ним никаких отношений. Это невозможно. У него как бы отсутствует часть мозга, ответственная за это.

И еще. Чрезвычайно важно то, что Рэймонд не умеет чувствовать. У него только два чувства — страх и то, что я называю «отсутствие страха». Это не чувство безопасности, это лишь временное отсутствие страха. Что-то в его сознании замыкается на себя. Оно отключается от внешнего мира.

Доктор Брунер замолчал и внимательно посмотрел на Чарли, пытаясь понять, как он воспринимает его слова. Чарли покусывал нижнюю губу, а устремленные на брата глаза сузились. О чем он думает, понять было невозможно.

— Он вел себя с вами... очень открыто, — мягко произнес доктор Брунер. — Очень. Тем более что вы новые для него люди. Возможно, это будет ему во благо.

Пораженный Чарли покачал головой:

— В жизни много непонятного. Три миллиона долларов. А у него ранец за плечами. — Он посмотрел на психиатра. — Зачем они ему, черт возьми?

Сюзанна и Рэймонд ушли из сада. Чарли Бэббит нашел их в маленькой комнатке Рэймонда. Они строили карточный домик. Вернее, строила его Сюзанна, сидя на полу, а Рэймонд, сидя на корточках у ножки своей кровати, внимательно на нее смотрел. Рядом с кроватью стоял Вернон, высокий чернокожий мужчина в зеленой больничной униформе. Вернон был куратором Рэймонда.

Обстановку комнаты составляли лишь три предмета мебели, но она была завалена имуществом Рэймонда, главным образом книгами. Книги были везде. Они переполняли маленький книжный шкаф, стопками висели на нем сверху, кипами громоздились на полу. Книги были на бюро. Книги были даже в плафонах люстры. Там, где не было книг, помещались бейсбольные реликвии: вымпелы, фотографии игроков и команд, программки игр. Даже карты, из которых строила домик Сюзанна, были бейсбольными, каждая с фотографией игрока.

— Готово. Теперь не дышите, — сказала Сюзанна, когда Чарли подошел к двери. Она готовилась положить последнюю карту. Рэймонд глубоко вздохнул, когда карта была благополучно положена на место. Стены домика зашатались, но устояли.

— Порядок! Теперь можно дышать.

— А Фернандо Валенсулас там есть? — кивнул Чарли на карты.

— Тут только старые, — ответила Сюзанна. — Я никогда не слышала этих имен.

— «Редз». Цинциннати. 1955 год, — произнес Рэймонд.

— Я знаю, — улыбнулась Сюзанна. — Вы говорили. — Она взяла карту. — Теперь эту?

Увидев, что за карта у нее в руках, Рэймонд испуганно замотал головой. Нет. Только не эту.

— Тед Клузевски в первой базе. Первая база... первая база... следующая. — Зубы его застучали. Эффект, произведенный не той картой, был поистине ужасен.

Сюзанна приблизилась и ласково коснулась его руки. Рэймонд окаменел, и она убрала руку.

— Первая база, — мягко произнесла Сюзанна. — Видите, вот он.

— Большой Клу, — сказал, расслабляясь, Рэймонд. Порядок был восстановлен. Ему стало хорошо — лишь на минуту.

Чарли овладел приступом злобного любопытства.

— Как ты думаешь, Рэй? Было бы забавно все это завалить, а? — Он сделал движение в сторону домика из бейсбольных карт.

Рэймонд посмотрел на Чарли так, будто он предложил кого-то убить. Они уставились друг на друга. В глазах Рэймонда Чарли увидел неподдельный ужас. Смягчившись, он переменял тактику.

— Я вижу, у тебя тут всякие знаменитые книги. Читаешь, да?

— Читает и запоминает, — вставил Вернон, — когда доходят руки.

Подойдя к книжному шкафу, Чарли провел рукой по корешкам книг, читая названия, все по очереди. Рэймонд вскочил и снова судорожно задергался, как под напряжением. Он был похож на птицу, которая пытается усидеть на раскаленном проводе и поднимает попеременно лапки, не двигаясь с места.

— Тебе не нравится, что он трогает твои книги? — спросил Вернон.

— Не знаю, — сказал Рэймонд, попятившись к двери. Он не знал. Такого с ним раньше не случалось. Да и как он мог знать, если ни в одном из его блокнотов не было записано ничего подобного?

Вернон попытался поддержать своего подопечного улыбкой, — Он не хотел никого обидеть, — ободряюще произнес он.

Но Рэймонд уже отключился. Компьютер в его голове исследовал свой банк данных в поисках прецедента.

— Ну вот, это необъявленный визит, — каркнул он. — Это не просто посещение в выходной день! — Он уже стоял в дверях и озирался, когда, к своему ужасу, увидел, что Чарли Бэббит достает с полки объемистый том.

— В-Е-Р-Н, В-Е-Р-Н, — позвал Рэймонд, дрожа от страха.

— Это он меня. — Чернокожий повернулся к Чарли: — Он очень напутан.

— Чарли, положи на место книгу, — запротестовала Сюзанна.

Но Чарли пока не готов был сделать это. В нем еще был жив маленький злой мальчик. Кроме того, он хотел увидеть, до какого состояния можно довести Рэймонда и на какие кнопки нужно для этого нажимать. Но, может быть, больше всего он желал разобраться, что имел в виду доктор Брунер, когда называл Рэймонда артистичным феноменом.

— Собрание сочинений Вильяма Шекспира, — прочитал Чарли название книги. — Ты все это прочел?

— Да, — ответил Рэймонд чуть не плача.

— И ты все помнишь?

— Да.

Чарли открыл тяжелый, переплетенный в кожу том. На форзаце была дарственная надпись: «С днем рождения, Рэймонд. С наилучшими пожеланиями от отца». Чарли узнал руку отца и почувствовал острый укол ревности. Перевернув несколько страниц, Чарли остановился на заглавии пьесы.

— Как насчет «Двенадцатой ночи»?

Внезапно Рэймонд начал декламировать открывающий пьесу монолог герцога. Его голос был пустым и безжизненным, слова лились ровно, без пауз и ударений, безо всякого выражения.

— «Когда музыка пища для любви играйте дольше насыщайте душу пусть пресыщенное желанье звуков от полноты зачахнет и умрет...» ^[1]

Чарли резко захлопнул книгу. Рэймонд мгновенно замолчал, как будто вместе с книгой захлопнули и его.

«Впечатляет, — подумал Чарли. — Бессмысленно, но впечатляет».

— Молодец, парень, — улыбнулся Вернон.

— Это потрясающе, Рэймонд, — ободряюще произнесла Сюзанна.

Но Рэймонд не отрывал глаз от Чарли. Они смотрели друг на друга, не замечая ничего вокруг.

— А что ты еще можешь, Рэй? — спросил Чарли.

Рэймонд не мог ответить. Этот вопрос был слишком абстрактным для него. Испуганные птички прыжки возобновились.

— Ну вот, а что ты можешь делать? Я могу тоже.

Это стало настоящим камнем преткновения.

— Что ТОЖЕ? — спросил Чарли.

— Что тоже? — безучастно повторил Рэймонд. И словно после глубокого раздумья сказал: — Ха!

Чарли не нашелся, что ответить, и тупо уставился на брата. Рэймонд мог бы торжествовать, если бы только был способен на такое чувство.

— Ха! Ха! Ха! Ха!

— Рэймонд. — Сюзанна протянула к нему руку.

Но Рэймонд не отреагировал. Он смеялся над Чарли и никак не мог остановиться:

— Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! Ха!

— Рэймонд, кто у нас следующий? — Наделенная прекрасным чутьем, Сюзанна поняла, как отвлечь Рэймонда. Она показала ему бейсбольную карту. — Джонни Темпл?

В ту же секунду Рэймонд замолчал, полностью переключившись на карту. Чарли Бэббит был забыт. Запустив свой компьютер, он отыскивал Джонни Темпла. Вторая база.

Он подошел к Сюзанне, опустил на колени рядом с ней и взял карточку из ее рук. Затем, медленно и очень осторожно, он водрузил карту на крышу домика. Домик дрогнул, но устоял.

— Теперь можно дышать, — сказал он Сюзанне.

Девушка рассмеялась, но Рэймонд даже не улыбнулся, — Вы нравитесь ему, мэм, — произнес Вернон, — это я вам говорю.

Ободренная этими словами, Сюзанна повернулась к Рэймонду, но контакт, если он вообще существовал, уже был нарушен. Он исследовал следующую карту, держа ее у самого лица, словно хотел разглядеть микробов на ее поверхности, и не обращал на Сюзанну никакого внимания.

Ее лицо огорченно вытянулось.

— Когда я коснулась его в прошлый раз, он отстранился, — грустно сказала она Вернону.

— Не принимайте это на свой счет, — добродушно проговорил чернокожий. — Я думаю, у него нет никого ближе меня, но он ни разу не пожал мне руку, даже не притронулся ко мне. — Вернон улыбнулся. — Черт возьми, если я завтра уеду не попрощавшись, он даже не заметит.

Рэймонд, все еще поглощенный картой, вертел ее так и сяк, рассматривая со всех сторон.

Словно загипнотизированный, Чарли спросил:

— Он... слышит нас, когда... в таком состоянии?

— Эй, приятель! — окликнул Вернон Рэймонда. — А ты не хочешь показать брату своих уток?

Рэймонд, не отрывая глаз от карты, произнес:

— Я не знаю.

— На этом пруду, который вы проезжали по дороге, — пояснил Вернон, — он сидит по полдню.

Чарли повернулся к Сюзанне.

— Может быть, вернешься в город? — небрежно спросил он. — Я хочу побыть с Рэем наедине. Нам надо познакомиться получше. А вечером ты заедешь за мной. Тебе ведь нетрудно это сделать, правда? — Он ласково улыбнулся ей.

Сюзанна почувствовала досаду и разочарование. Он опять использовал ее, она еще не знала точно как, но ясно чувствовала это. Он опять взялся за свое.

— Я не возражаю, — неохотно согласилась она. — Если ты так хочешь.

Чарли улыбнулся еще шире.

— Пойдем, Рэй, — приветливо сказал он брату, — пойдем проводим даму к машине.

Он начал подниматься, Рэймонд, не глядя на Чарли, рукой преградил ему дорогу. Тело его напряглось и окостенело. Спустя несколько секунд Чарли, проследив за взглядом брата, понял, в чем дело. Рэймонд защищал карточный домик. Чарли кивнул и осторожно обошел домик, стараясь не задеть его. В конце концов, это было творение Рэймонда и Сюзанны. Возможно, он и аутист, но понять его не так уж сложно.

Они подождали, пока Рэймонд неторопливо надевал свой ранец и расправлял ляжки. Сначала одну, потом другую, в раз и навсегда заведенном порядке. Он никогда не покидал комнаты без этой ноши.

Вечерние тени заметно удлинились, когда они вышли во двор, Чарли с Сюзанной шли впереди, Рэймонд плелся чуть сзади. Подойдя ближе к «бьюику», Чарли обратился к брату:

— Рэй, я хочу попрощаться с Сюзанной наедине, хорошо? Я сейчас вернусь.

Рэймонд согласно кивнул, но стоило Чарли шагнуть к машине, как Рэймонд снова двинулся за ним, как собака на поводке. Нахмурившись, Чарли остановился, но голос его оставался спокойным:

— Нет. Наедине — это значит без тебя. Ты останешься здесь. Мы пойдем туда. Ладно? Сюзанна, попрощайся с ним.

Сюзанна помрачнела. Ее добрая и отзывчивая душа протестовала против того, как Чарли обращался с братом — словно с бессловесным животным. Но она все-таки уступила.

— Пока, Рэймонд. Еще увидимся. — Она улыбнулась и помахала ему рукой.

Рэймонд не улыбнулся в ответ, но поднял руку и с ужасающей точностью повторил жест Сюзанны.

Чарли шагнул вперед, Рэймонд тоже. Чарли поднял руку, как цирковой укротитель, и скомандовал: «Стоять!». На этот раз Рэймонд остановился.

Схватив Сюзанну за руку, Чарли потащил ее к машине. Таким взволнованным она его еще никогда не видела.

— Слушай, планы меняются, — сказал он тихим, но настойчивым тоном. — Тебе нужно сделать так...

Сюзанна слушала, ничего толком не понимая. Что задумал Чарли? И почему он не хочет прямо сказать об этом?

— Хорошо, но только если ты объяснишь, в чем дело, — ответила она. — Сначала ты сказал «езжай в город», теперь...

— Сделай, как я прошу, — уговаривал Чарли. — Пожалуйста. Это не долго. Так нужно для Рэя. Правда.

Чарли прекрасно знал слабые места Сюзанны, одним из которых была ее симпатия к бедному Рэймонду.

Сюзанна обернулась на Рэймонда, с тревогой наблюдавшего за ними. Он переминался с ноги на ногу, не отрывая от них взгляда, вытянув шею вперед, насколько это было возможно, пытаясь услышать, о чем они говорят. Сюзанна была тронута его страдальческим видом.

— Черт с тобой, — вздохнула она. — Иди. Он ждет.

Чарли благодарно обнял ее и крепко поцеловал. Сюзанна села в машину и медленно тронулась с места.

Чарли кивнул Рэймонду, и тот поспешил к нему, готовый показывать ему своих уток.

Сидя плечом к плечу на мшистом берегу пруда, они наблюдали за скользящими по воде утками. Вернее, Чарли наблюдал за утками, пока Рэймонд строчил в блокноте, на этот раз зеленом. Порой он поднимал глаза на уток, но ни разу не удостоил взглядом Чарли.

— Что ты пишешь? — спросил Чарли.

— Я не знаю. — Рэймонд не отрывал взгляда от страницы. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— По-моему, это Список Ужасных Происшествий.

— Ну вот, осадки 117 дюйма. Ну вот, это на 1.74 ниже нормы, — бесстрастно излагал Рэймонд. — Это самый засушливый сентябрь с 1960 года. Очень мало осадков. — Казалось, это его взволновало. Он слегка поежился, переводя взгляд с блокнота на уток, потом обратно.

— Значит, это и есть Список Ужасных Происшествий?

— Нет, — произнес Рэймонд.

— Рэймонд, — осторожно начал Чарли. — Рэймонд, посмотри на меня. Мне нужно тебе кое-что сказать, Рэймонд дернулся, по-прежнему не глядя на Чарли.

— Слушай. Папа... умер, Рэй. На прошлой неделе. Тебе сказали об этом?

Рэймонд не ответил, но вся его поза выражала беспокойство.

— Ты знаешь, что значит... «умер»?

Рэймонд, поколебавшись, кивнул. Но Чарли было ясно, что Рэймонд не имеет представления о том, что такое смерть.

— Это значит, что папы больше нет.

— Я могу его видеть? — спросил Рэймонд.

Чарли закусил губу.

— Я хочу его видеть. — Рэймонд говорил с неожиданной силой в голосе.

Чарли с минуту подумал:

— Конечно, Рэй, ты можешь увидеть его. Мы отправимся к нему вместе, прямо сейчас.

— Прямо сейчас, — согласился Рэймонд, для которого «отправиться прямо сейчас» означало очень медленно подняться, убрать зеленый блокнот на предназначенное ему место в ранце, а карандаш в пластмассовый пенал, туда же, откуда он его доставал. «Прямо сейчас» значило надеть сначала левую лямку, затем правую и затянуть их в нужном порядке. Только после этого он был готов.

Чарли наблюдал за этим ритуалом, едва скрывая раздражение. Кивком пригласив его следовать за собой, Чарли повел Рэймонда прочь от здания больницы. Когда Воллбрук скрылся из виду, они свернули на дорогу. Несколькими ярдами дальше, спрятанный за деревьями, стоял «бьюик». Сюзанна ждала их, сидя за рулем.

— Вылезай, — сказал Чарли, открывая дверцу водителя.

При виде Рэймонда глаза Сюзанны изумленно расширились, и она вопросительно посмотрела на Чарли. Но он молчал, только указал Рэймонду место рядом с Сюзанной.

— Это машина отца, — сказал Рэймонд. — Внутри у нее... бедненькие сиденья. А снаружи она голубая. Номерной знак — красный, 3021...

— Чарли, одну минуту, — забеспокоилась Сюзанна. — Куда мы его везем?

— На прогулку, — отрезал он, включая зажигание.

Рэймонд смотрел через плечо назад, в сторону Воллбрука.

Его лицо не выражало ничего, но тело сотрясала нервная дрожь, выдавая сильное беспокойство.

— Не бойся, мы вернемся, — успокаивала его Сюзанна.

Чарли молчал.

* * *

— Ты говорил, что я его увижу, — сказал Рэймонд. Его слова обвиняли, но тон оставался бесстрастным, лишенным эмоций.

— Он в земле, — ответил Чарли.

Рэймонд несмело потянулся к холодному мраморному надгробию, но тут же отдернул руку. Он еще раз прочел высеченную на камне надпись:

«Сэнфорд Бэббит. 1918–1988.

Возлюбленный муж и отец»

В земле. Папочка, в земле. Рэймонд посмотрел вниз. Он сидел скрестив ноги на могиле Сэнфорда Бэббита. Но он не увидел ничего, кроме травы. Папочки нет. Он опять протянул руку и, поколебавшись, дотронулся до памятника, затем обернулся к Чарли, растянувшемуся неподалеку на газоне.

— Ты можешь говорить с ним, — сказал Чарли, — он не ответит, но, может быть, услышит тебя.

Рэймонд помедлил несколько мгновений. Затем пронзительно закричал:

— Папочка, это я, Рэймонд!

Ответа не было. Неуклюже нагнувшись, Рэймонд приложил ухо к земле.

— Я же говорил тебе, он не может отвечать. Но не кричи так больше, ладно? Он услышит тебя лучше, если ты будешь говорить шепотом.

Рэймонд с сомнением посмотрел на Чарли. Шепотом? Как это может быть? Но Чарли кивнул, он казался вполне серьезным. Тогда Рэймонд снова нагнулся, почти прижавшись к земле губами, и хрипло прошептал:

— Папочка. Я здесь. С братом Чарли Бэббитом.

Он снова взглянул на Чарли, ища поддержки. Его глаза, казалось, спрашивали: «Он слышит меня?»

И Чарли утвердительно кивнул.

— Рэй, я тут подумал. А ты не хочешь сходить на бейсбол? На настоящую игру? Тебе понравится. — С таким же успехом он мог бы обращаться к каменной стене. Понятия «нравится» и «не нравится» лежали за пределами понимания Рэймонда. — Мы сядем напротив первой базы. На «Доджер-Стэдиум». Мы увидим самого Фернандо. И я куплю тебе пива.

Это вызвало реакцию, но совсем не ту, которой ожидал Чарли. Рэймонд скорчился:

— Ну вот. Я буду идти всю дорогу один. Всю дорогу до Калифорнии совсем... один... Но мне не разрешают.

— Ты пойдешь не один, — весело сказал Чарли, — Ты пойдешь со мной. — Голос его был нарочито беспечен, он старался не напугать Рэймонда еще больше.

Идти. Идти с Чарли Бэббитом. Идти в Калифорнию с Чарли Бэббитом смотреть бейсбол и пить пиво. Это было настолько ново для Рэймонда, что он буквально окаменел, изумленно глядя на Чарли. Он пытался собрать слова вместе, чтобы понять, запомнить, зафиксировать их, но они не слушались. Но, как ни странно, он не боялся.

Глава пятая

«Бьюик» стремительно несся по дороге в Цинциннати со скоростью почти семьдесят миль в час. Теперь Рэймонд сидел на заднем сиденье, наблюдая за дорогой, не упуская ни одного дерева, ни одного столба, ни одного указателя. Глаза его бегали, мозг бессмысленно регистрировал. Кто знает, что на самом деле происходило внутри его поврежденного сознания?

Они не возвратились ни в дом номер один-ноль-девять-шесть-один по Бичкрест-авеню, ни в отель «Бродхем». Вместо этого в мотеле в центре города они сняли двухместный номер для Чарли и Сюзанны и одноместный, соседний и смежный с ним, для Рэймонда.

— Почетный караул построен, сэр, — бодро произнес Чарли, отперев дверь в свою комнату и положив чемоданы на двуспальную кровать, — А вот и свита президента!

Рэймонд, естественно, не понял ни слова. Он неподвижно стоял в центре лежащего на полу выцветшего ковра и глядел на Чарли. Чарли поманил его. Пора бы Рэймонду отправляться в свою комнату. Снова никакой реакции, лишь пустой недоверчивый взгляд. Чарли повторил попытку, на сей раз более решительно. Наконец Рэймонд сделал несколько нерешительных шагов и налетел на столик, стоявший у кровати. Он его не заметил. Столик с грохотом перевернулся, увлекая за собой стоявшую на нем лампу. Рэймонд в ужасе застыл. Это случай для списка серьезных происшествий, настоящая катастрофа.

Он наклонился и схватил лампу. Ничего подобного ему не приходилось делать никогда в жизни, Как ни странно, лампа не разбилась. Он крепко сжал ее, затем, повинувшись внезапному порыву, протянул ее Сюзанне. Подарок.

Пораженная, Сюзанна заколебалась. Их глаза встретились, и она приняла этот неожиданный дар. Она тепло улыбнулась Раймонду, сознавая, какую тяжелую борьбу с собой пришлось ему выдержать.

— Спасибо, Рэймонд.

Он не улыбнулся в ответ, мрачно глядя на Сюзанну. Улыбка была за пределами его способностей.

Чарли начинал раздражаться. Сам он соображал и действовал так быстро, что никак не мог приспособиться к заторможенности Рэймонда, — Заходи! — Он отпер дверь в соседнюю комнату и подтолкнул Рэймонда вперед. Шаркающей походкой Рэймонд медленно зашел внутрь.

— Твоя комната, Рэй, — неосторожно произнес Чарли, Это была ошибка.

Внезапная гримаса страха исказила лицо Рэймонда. Он испуганно озирался, переступая с ноги на ногу.

— Это не... Это не моя комната. Это... определенно не моя комната, — занервничал он.

— Только на эту ночь, — успокаивал его Чарли.

— Пока мы не отвезли тебя домой, — добавила Сюзанна.

Но Рэймонд ничего не воспринимал. Он уже пошел вразнос. Его бормотание все ускорялось, слова вылетали сплошным потоком.

— Ну вот, меня оставят здесь надолго. Очень надолго. Это будет совсем надолго, и я...

— Нет, Рэймонд, поверь! — Сюзанна попыталась остановить этот поток, — Ушел. Я ушел навсегда. Я ушел навсегда из своего дома.

— Нет, Рэймонд. Это только на одну ночь. Я обещаю, Рэймонд.

Сюзанна говорила так убедительно, что Рэймонд мгновенно замолчал. Он наконец услышал ее и немного успокоился. Но не совсем.

— Ну вот, они передвинули мою кровать.

— В самом деле, — сказал Чарли. — Ты любишь спать у окна, да? Нет проблем, брат. — Пока он передвигал кровать, Рэймонд с тревогой наблюдал за ним. Наконец кровать была поставлена на место, и Рэймонд почувствовал себя немного лучше. Но не надолго.

— Они взяли... Они взяли книги. Они взяли все книги, — занервничал он.

— Не все, Рэй. Чарли выдвинул ящик стола и достал оттуда Библию, которой для духовного утешения одиноких путников Братство Гедсона снабжает каждую комнату в американских отелях.

— Вот, Рэймонд вцепился в книгу, но держал ее неловко, в вытянутых руках, и его темные глаза продолжали блуждать по комнате. Проблемы умножались с каждой секундой.

— Они взяли полки.

— Тебе не нужны полки, — сказал Чарли в легком нетерпении. — Ведь они положили книгу в стол.

Никакая другая логика, кроме его собственной, не производила на Рэймонда впечатления. Он посмотрел на люстру. Люстра для него была местом для хранения книг. Дома в Воллбруке он держал книги в плафонах, значит, так и должно быть. Ему никогда бы не пришло в голову — просто не могло прийти, — что эта люстра и та, которая была в Воллбруке, чем-то отличаются. Туда можно класть книги — это все, что он знал. Встав на цыпочки, он положил книгу в плафон. Через несколько мгновений книга выпала и со стуком ударилась об пол. Еще одна катастрофа, достойная его блокнота.

Это было последней каплей. Как это могло случиться? Оцепенев от страха, Рэймонд устоял на упавшую Библию. Его била дрожь, и он неразборчиво бормотал себе под нос. Бормотал, бормотал, бормоталбормоталбормотал... Ни Сюзанна, ни Чарли не могли разобрать ни слова.

— Что ты говоришь, Рэй? — спросил Чарли. — Я ничего не понимаю.

Но Рэймонд был далеко, наглухо замкнувшись в своем собственном мирке. По спине Сюзанны поползли мурашки.

Она была по-настоящему расстроена. Рэймонд заблудился в тупиках своего сознания. Именно этого она и боялась. Слишком много впечатлений для него, слишком много нового и пугающего. Им не следовало привозить его сюда. Если бы только Чарли хоть иногда прислушивался к ней!

Чарли подошел вплотную к Рэймонду, почти коснувшись лицом его лица, так близко, что Рэймонду ничего не оставалось, как увидеть и услышать его.

— Я не смогу помочь тебе, если не буду слышать тебя, — жестко произнес Чарли. — Какого черта ты бормочешь?

Наконец Рэймонд оторвал глаза от книги, лежащей на полу. Но он продолжал дергаться, как марионетка со спутанными веревочками. Не отрывая взгляда от Чарли, он попятился назад, нервно потирая руки и судорожно трясая головой.

— Чарли, давай отвезем его домой, — взмолилась Сюзанна. Сердце ее разрывалось, она опустилась на колени, чтобы поднять с пола Библию.

— Он в порядке. — Чарли отрицательно покачал головой. — Ты любишь пиццу, Рэй?

— Ты любишь пиццу, Чарли Бэббит, — как эхо отозвался Рэймонд. Его беспокойство стало меньше. Слово «пицца» — это понятное, знакомое, воллбрукское слово.

Сюзанна шагнула к Чарли:

— Мне кажется, он имеет в виду...

— Я знаю, что он имеет в виду, мы же братья. Он любит пиццу. Я люблю пиццу. Мы любим пиццу. Мы любим пепперони и лук, правда, Рэй?

Любим? Пепперони? Любим? Рэймонд не знал, что ответить.

Чарли направился в свою комнату, чтобы сделать заказ.

— Я закажу побольше. Ты будешь пиво, Рэй? — Он обернулся. — Или, может быть, молоко?

Рэймонд и Сюзанна остались одни, но девушки будто не существовало. Рэймонд сконцентрировал свое внимание на кровати. Что-то... было... не так... Что-то не в порядке. Он подвинул кровать на несколько дюймов вправо и принялся пристально изучать ее. Еще два дюйма. Все-таки что-то не то. Рэймонда охватила паника.

— В-Е-Р-Н... В-Е-Р-Н... — с тревогой в голосе позвал он. Подвинув кровать на фут влево, он пристально посмотрел на нее. Нет, не так. Все было не так. Паника нарастала, грозя охватить его целиком.

— В-Е-Р-Н-, Мой Верн! — закричал Рэймонд.

Но Верна здесь не было. Некому было поставить все не свои места.

— Чарли, он испуган, — тихо сказала Сюзанна. — Лучше нам...

Крик прекратился так же внезапно, как и начался. Рэймонд наконец поставил кровать на место, туда, где ей было положено стоять, и страх улетучился столь же быстро, как и появился. Чарли вернулся и проверил, все ли в порядке с кроватью.

— Вот и отлично, Рэй, — одобрил он. — Когда закончишь со своей комнатой, можешь прийти и привести в порядок мою.

Привести в порядок?

— Что там у нас по телевизору? — приветливо спросил Чарли. — «Правосудие для народа»? Судья Вапнер? Ну-ка, посмотри на часы.

Рэймонд посмотрел на часы. Затем заговорил с ними.

— «Колесо Фортуны», — сказал он, обращаясь к циферблату. — Сегодняшние... сегодняшние участники... выиграют... выиграют... потрясающие призы.

— Великолепно. Сядь. Я включу.

Послушавшись Чарли, Рэймонд покорно сел на край кровати, чувствуя себя здесь неудобно от того, что не было привычного кресла. Чарли кивнул и включил телевизор. «Колесо Фортуны». Как и говорил Рэймонд.

— Потрясающе, — засмеялся Чарли. — Ты будешь у меня вместо телепрограммы.

Успокоенный, Рэймонд смотрел телеигру, и действие, разворачивающееся на маленьком экране, было для него куда более реальным, чем то, что он видел за его пределами. Чарли самоуверенно ухмыльнулся Сюзанне. Вот видишь? Я был прав. Я точно знаю, как обращаться с Рэймондом. Нет ничего проще. Забрав у Сюзанны Библию, он нагнулся к Рэймонду и положил книгу ему на колени.

— Вот твой телевизор. Вот твоя книга. Сейчас будет пицца. Жизнь прекрасна, а?

Они посмотрели друг на друга. Взгляд Рэймонда, как всегда, был тусклым и невыразительным.

— Ты когда-нибудь улыбаешься? — поинтересовался Чарли.

— Я когда-нибудь улыбаюсь, — ответил Рэймонд, не отводя взгляда.

— Докажи, — подзадорил его Чарли.

Он улыбнулся брату одной из самых своих обворожительных улыбок. Рэймонд несколько секунд смотрел на него, а потом улыбнулся в ответ. Это не было настоящей улыбкой. Это была механическая имитация. Так он однажды уже подражал Сюзанне, прощаясь с ней и помахав ей рукой. Он улыбался, как манекен в витрине. Но все же это была улыбка. Первая улыбка Рэймонда Бэббита.

— А он мо-ожет, — рассмеялся Чарли.

* * *

Сидя на краю кровати, Рэймонд посмотрел «Колесо Фортуны», «Заслуженную награду», «Как делать бизнес», «Правосудие для народа», «Голливудские кварталы». Принесли пиццу, и Рэймонд съел три порции. Он не воспользовался ни одним из трех традиционных способов поглощения пиццы: ни от корочки внутрь, ни от центра к корочке, ни откусывая от краев, чтобы сыр остался внутри. Он вообще не притронулся к ней до тех пор, пока Чарли не разрезал ее на крохотные кусочки, абсолютно одинаковые по размеру, такие крохотные, что каждый из них можно было наколоть на зубочистку. Рэймонд медленно и методично поглощал их по одному, в каком-то только ему известном порядке. Казалось, он не замечает, что пицца абсолютно холодная, соус застыл, сыр задубел, тонкие кусочки пепперони засохли и свернулись в трубочку.

Когда пицца кончилась, Рэймонд принялся за пакетик с сырными палочками, поедая их по одной, с одинаковой скоростью, как автомат. Было уже поздно. Чарли с Сюзанной давно ушли в свою комнату есть пиццу, смотреть телевизор и заниматься любовью, а Рэймонд все глядел в экран, продолжая жевать сырны палочки.

Шла программа «Для тех, кто не спит», и хотя он не смотрел ее раньше, все же не отрывался от экрана. Телевизор стоял у него прямо перед носом, и это было самое главное. Показывали маленького мальчика, смотревшего по телевизору мультфильмы. Его мать зашла в комнату.

— Джонни Петерс, — начала она браниться. — Ты сказал отцу, что делаешь уроки! Сейчас же выключи телевизор!

Рэймонд покорно подошел к телевизору и выключил его. В комнате стало темно. Он вернулся к кровати и сел на то самое место, где в неподвижности провел несколько часов. Рэймонд посмотрел на экран. Экран не светился.

Делать было совершенно нечего. Рэймонд немного почитал, потом закрыл книгу. Ему нужен был телевизор.

Из соседней комнаты доносились приглушенные звуки — тяжелое дыхание, всхлипы, протяжные стоны. Рэймонд никогда не слышал ничего подобного, но не встревожился, ведь он мог различить и другой, знакомый звук — бормотание включенного телевизора. У Чарли есть телевизор. У Рэймонда нет телевизора. Он прихватил пакетик с палочками и открыл дверь в соседнюю комнату.

Чарли и Сюзанна тесно сплелись в жаркой любовной схватке. Они были настолько поглощены сексом, что не заметили появления Рэймонда. А Рэймонд, загипнотизированный мерцанием экрана, даже не посмотрел в их сторону. Дэвид Леттерман, ведущий ночной развлекательной программы, принимал гостей в студии.

Рэймонд присел на край кровати и положил пакетик рядом с собой, на смятые простыни. Пакетик начал подпрыгивать, но Рэймонд был полностью поглощен Леттерманом. Он раз за разом опускал руку в пакетик, доставая очередной кусочек, и не отрывал глаз от экрана. Вдруг Рэймонд, протянувший руку за очередной порцией, ухватил чью-то ногу. Это была нога Сюзанны.

Сюзанна вздрогнула и остановилась. Медленно оглянувшись, она увидела Рэймонда. Он, не переставая жевать, смотрел на нее своим обычным, ничего не выражающим взглядом.

Сюзанна смущенно хихикнула и широко улыбнулась, чтобы скрыть от него свой испуг. Рэймонд ответил гримасой, той самой, которой они его научили: тебе показывают зубы — ты показываешь им свои.

Из-под смятых простыней раздался приглушенный голос Чарли:

— Рэй, ты здесь?

— Я здесь, — ответил Рэймонд.

Чарли глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

— Уйди, пожалуйста.

Рэймонд послушно встал и потянулся за пакетиком. Его глаза встретились со взглядом Сюзанны, но он промолчал и зашаркал в свою комнату. Дверь за ним закрылась.

— Сходи к нему, — попросила Сюзанна.

— Чего ради?

Девушка включила свет. Чарли негодуяще заворчал и закрыл глаза руками.

— Я сказала, сходи к нему, Чарли, — повторила Сюзанна настойчиво. — Он испуган. Он никогда не покидал клиники, к тому же ты обидел его.

Черт возьми, Чарли сознавал справедливость ее слов, но это не улучшало его самочувствия. Прервать секс в самый неподходящий момент! Чертыхаясь, он натянул джинсы и отправился в комнату

брата. Сюзанна тоже поднялась с кровати, пошла в ванную и открыла теплую воду.

— По-моему, я велел тебе смотреть телевизор. — Чарли сердито смотрел на брата.

— Мой выключился. Я смотрел ваш, — отозвался Рэймонд.

— Не делай так больше, ладно? Мы заняты. — Он огляделся вокруг в поисках Библии. — Вот, почитай свою книгу.

— Я уже, — ответил Рэймонд.

Чарли вздохнул и еще раз внимательно осмотрелся. Его глаза остановились на пачке рекламных проспектов.

— Это ты тоже прочел?

Рэймонд кивнул. Чарли почувствовал прилив раздражения. Он не верил, что Рэймонд действительно прочел все это, хотя допускал, что его брат просто перелистал страницы, разглядывая буквы и цифры. Но будь он проклят, если он будет нянчиться с этим сорокалетним младенцем, бросив Сюзанну, обнаженную и соблазнительную, одну в соседней комнате. Отчаявшись, он схватил телефонный справочник Цинциннати и помахал им перед носом Рэймонда.

— Ну, а как насчет этого?

— Нет, — признался Рэймонд.

— Прекрасно. — Чарли бросил справочник Рэймонду на колени. — Делай что хочешь. Только оставайся здесь. Понял?

Ответа не было. Рэймонд переводил взгляд со своих коленей на стены, на пол, куда угодно, только не на Чарли.

— Отвечай! Не сиди как идиот! — прогремел Чарли. — Понятно или нет?

— Мне понятно или нет, — еле слышно пробормотал Рэймонд.

— Ну ладно. — Смягчившись, Чарли отворил неплотно закрытую дверь и вернулся в свою комнату. Сюзанны там не было. Он нашел ее в ванной. Ее вьющиеся черные волосы были собраны и заколоты кверху, розовые плечи соблазнительно выглядывали из пены. Но взгляд ее был каким угодно, только не манящим.

— Ты сейчас пойдешь обратно и извинишься, — потребовала она, сверкая глазами.

На лице Чарли отразилось недоумение.

— Что? — возмущенно прокричал он. — Укладывать его в кроватку как младенца? Я ему не мамочка, избави Бог!

— Нет! — возразила Сюзанна. — Ты его брат. Младший брат.

— И что это должно означать?

— Ты должен о нем заботиться.

Заботиться? Об этом идиоте Рэймонде? Она это серьезно? Ну и чокнутые эти итальянцы! Чарли внимательно посмотрел на Сюзанну. Да, она действительно помешана на Рэймонде.

— Каким бы он ни был, он в этом не виноват, Чарли. О большинстве из нас этого не скажешь.

Чарли пытался сдержать свое бешенство. Поведение Сюзанны вывело его из себя. Он не привык получать удары от женщин.

— Ты же знаешь, Чарли, — серьезно продолжала Сюзанна, — какие у него способности. Он мог бы быть выдающимся человеком. Необыкновенным человеком! — В ее голосе послышалась жалость. — Он мог бы быть твоим старшим братом, твоим наставником...

Чарли жестом прервал ее. Примирительным тоном он произнес:

— Не надо, малыш. Все это мелочи.

Мелочи! Разве он хоть раз послушал ее? Сюзанна взорвалась.

— Какого черта ты называешь своего брата идиотом? — кричала она на Чарли. — Если ты привез его сюда только для того, чтобы оскорблять, верни его назад прямо сейчас!

Чарли задержал дыхание. Мысли проносились в голове с огромной скоростью. Он ждал чего-то подобного, но не знал, нужно ли ему сейчас рисковать. Наконец Чарли решился:

— А что, если, что, если он не вернется обратно?

— Что это, черт возьми, значит? — Сюзанна открыла рот от удивления. Глаза ее расширились.

— Это значит... — Он заглянул ей в глаза. — Это значит, что я забрал его. Он останется со мной.

Неожиданное признание Чарли ошеломило Сюзанну. Она почувствовала неладное.

— Зачем, в конце концов, ты это сделал? — допытывалась она.

— Я не знаю, — произнес Чарли. — Я был... очень зол на него.

— На Рэймонда?

— На моего отца.

Сюзанна была окончательно сбита с толку. Она не видела связи. Чарли не объяснил ей.

— Ты сердит на отца и поэтому будешь держать у себя Рэймонда?

Чарли прикусил губу, избегая взгляда Сюзанны.

— Только до тех пор, пока... — он поколебался, потом тихим голосом закончил, — пока не получу свое.

Глаза Сюзанны расширились, но по мере того, как Чарли объяснял, они становились все уже.

— Свое? — повторила она. — Что свое?

— Понимаешь, отец оставил Рэю... Он оставил ему деньги.

Ах, деньги! Теперь она начинала понимать. Понимать и приходить в бешенство.

— Правда? Сколько? — сурово спросила она.

Чарли молча смотрел в сторону.

— Чарли. Сколько денег... оставил... ему... твой... отец? — очень медленно и отчетливо произнесла она.

Чарли тяжело вздохнул и, набравшись мужества, проговорил:

— Три миллиона. Все до последнего цента.

Сюзанна, словно подброшенная взрывом, в ярости выскочила из ванны, взметнув фонтан воды. Вода окатила все вокруг. Вода капала с потолка, текла по стенам, Чарли был весь мокрый. Отжав волосы, Сюзанна схватила блузку и натянула ее прямо на мокрое тело, яростно сражаясь с пуговицами, выскользывавшими из ее влажных пальцев.

— Дерьмо! — заорал Чарли. — Что ты думаешь, ты...

Но Сюзанна проскочила мимо и вихрем влетела в спальню. Она судорожно натянула одежду и яростно втиснула ноги в туфли.

Отряхнувшись как мокрый пес, расстроенный Чарли, спотыкаясь, последовал за ней в спальню.

— Послушай, милая. Это смеш... Что ты делаешь, черт подери? — Обескураженный, он остановился на полуслове.

Сюзанна собирала вещи. Она вытащила свой чемодан из стенного шкафа и беспорядочно швыряла в него вещи.

— Как? Ты сбегаешь посреди ночи? — Он засмеялся, надеясь, что она рассмеется вместе с ним, осознав всю абсурдность того, что собирается делать. Какое ее собачье дело до того, что он хочет подержать своего дефективного брата у себя еще пару деньков? Ни черта с ним не сделается! К тому же, когда он заполучит деньги, какая у них начнется жизнь! Чарли Бэббит не жмот. Он знает, что нужно девушке для счастья. Все, что требуется, это слегка привести ее в

чувство. Если она его выслушает, она с ним согласится, никаких сомнений. Она останется с ним.

Но Сюзанна ничего не хотела слушать, не желала принимать в его планах никакого участия и продолжала яростно собирать вещи. Швырнув в чемодан косметичку, она хлопнула крышкой. Щелчок прозвучал как приговор, не подлежащий обжалованию.

— Эй, послушай, — протестовал Чарли, — я не могу без тебя.

Девушка смерила его взглядом. Глаза ее опасно заблестели.

— Зачем я тебе нужна? — воскликнула она. — Как нянька? Как девка на ночь? У меня нет трех миллионов, Чарли! Вот кто тебе нужен! — Она показала на полуприкрытую дверь в комнату Рэймонда, который, сидя на кровати, в ужасе строчил что-то в тетрадке, украдкой бросая на них испуганные взгляды.

Это зрелище кольнуло сердце Сюзанны. Но она превозмогла жалость. Подхватив чемодан, она потянулась к сумке, но Чарли опередил ее. Сюзанна вцепилась в сумку, стараясь вырвать ее у Чарли.

— Что я такого сделал? — настаивал Чарли. — Подожди минуту....

— Дай... мне... эту... сумку, — процедила Сюзанна сквозь сжатые зубы.

— Что я такого сделал? В чем я, черт возьми, провинился?

Чарли чуть ослабил хватку, и Сюзанне удалось вырвать сумку.

— Ты используешь Рэймонда! — заорала она. — Ты используешь меня! Ты всех используешь!

Вот это удар! Чарли прирос к полу.

— Я тебя использую? — потребовал он ответа у Рэймонда.

— Да, — ответил Рэймонд.

— Заткнись! — свирепо рявкнул Чарли. Он повернулся к Сюзанне: — Этот идиот отвечает на вопрос, заданный час назад!

Бросившись к двери, он широко распахнул ее. Настал его черед приходить в бешенство. Сдерживать нарастающую боль было выше его сил.

— Смотри на него! — крикнул он Сюзанне, пока Рэймонд, перепуганный до смерти, зажал уши руками и начал отчаянно бормотать. — Что ему толку от трех миллионов? Ему некуда их девать! Он даже не знает, что это такое!

Сюзанна поставила чемодан и бросилась к Рэймонду, чтобы успокоить его, но Чарли преградил ей путь. Его карие глаза сверкали, полные губы кривились.

— Эти деньги будут лежать у этого чертового доктора, пока Рэй не сдохнет!

Сюзанна, опомнившись, остановилась. Она пронзила Чарли взглядом, способным заморозить извергающийся вулкан.

— Оправдываешь свое воровство, да? — спросила она ледяным голосом.

Попался... Чарли замолчал, не находя слов для ответа. В этом обвинении была доля правды, и доля немалая.

Сюзанна проскользнула в комнату Рэймонда, Чарли последовал за ней.

— А что будет с ним потом? — спросила Сюзанна все тем же угрожающе-спокойным тоном.

Чарли опустил глаза:

— Он вернется в Воллбрук. Или в какое-нибудь другое место, получше. Он будет... продолжать жить, как и раньше. — Даже для него самого слова звучали неубедительно.

Брови Сюзанны взлетели вверх.

— Да, только ты заберешь его деньги, — Какие, к черту, его деньги! — Чарли взорвался. Его притворное, тщательно сохраняемое спокойствие улетучилось в мгновение ока. Он полностью потерял контроль над собой..

— Какие, к черту, его долбаные деньги? Этот ублюдок был и моим отцом! Он оставил мне половину? Где мая долбаная половина?

— Рэймонд, ты пойдешь со мной, — решительно сказала Сюзанна, протягивая ему руку.

Но Чарли схватил Рэймонда за руку и сильно рванул на себя, оттаскивая его от Сюзанны. Лево́й, сжатой в кулак, он грозил девушке.

Сюзанна похолодела. Она переводила взгляд с кулака Чарли на его глаза и обратно. Все ясно. Ей нельзя оставаться ни минуты, даже для того, чтобы спасти Рэймонда от этого подонка. Резко развернувшись, она подхватила чемодан и без единого слова, пошла к двери. Чарли отпустил Рэймонда и бросился за ней.

— Проклятье, я имею на эти деньги не меньше прав! — взвыл он, — Они мои!

У двери Сюзанна обернулась.

— Ты придурок, — сказала она. — Ты похитил этого человека! Ты это понимаешь?

Чарли в ошеломлении остановился:

— Как я мог похитить его? Это мой брат!

— Ты думаешь, Брунер это проглотит?

Но Чарли было наплевать на доктора Брунера и на то, что он может проглотить. Все, чего он хотел, это оправдаться перед Сюзанной. Чтобы она хотя бы поняла его. Зная ее слабое место, Чарли попытался вызвать ее жалость:

— Ты права, я придурок. Вот и папа мне вдалбливал это в голову всю жизнь! Чего же ты от меня хочешь?

Сюзанна открыла дверь номера.

— Уйти, — сказала она и вышла вон.

Чарли стоял, в оцепенении глядя на дверь. Он не мог поверить, что это не сон. Затем, полный ярости и отчаяния, он злобно пнул дверь ногой, а потом снова захлопнул ее с такой силой, что чуть не вышиб косяк. Он тяжело дышал, все тело его дрожало.

Пропади все пропадом! Все плохо, все просто отвратительно! Он должен собраться. Чарли схватил со стола пачку неизменных «Лаки Страйк» без фильтра. С трудом вытащив сигарету трясущимися руками, он закурил, глубоко затягиваясь дымом. Вскоре ему стало лучше.

Ну что ж, ладно. Сюзанна смылась. Великолепно. Теперь они с Рэймондом остались вдвоем, и Рэймонд в его полной власти. Превосходно!

Он лгал себе, пытаясь заглушить стыд и чувство вины перед Сюзанной. Наконец, невероятным усилием воли, он взял себя в руки.

Рэймонд. Надо посмотреть, все ли с ним в порядке. Все это могло сильно повредить ему. Серьезное нарушение порядка.

Чарли вернулся в комнату Рэймонда с широкой улыбкой на лице, готовый проявить заботу. То, что он увидел, заставило его остановиться и только наблюдать. В центре комнаты Рэймонд Бэббит, стоя на несуществующем бейсбольном поле, сжимал воображаемый мяч. Он полностью отключился от окружающего мира, находясь во власти спасавших его ритуальных фантазий. Для него это было, как сигарета для Чарли, с той разницей, что от этого зависела его жизнь.

Для того чтобы уцелеть, он должен был отключиться. И он перенесся в другой мир. Он был бейсболистом высшей лиги. Его лицо было свирепым. Его глаза щурились и косили.

— Подача, — буркнул Рэймонд, делая движение, соответствующее его словам. Но плохо координированное тело не слушалось его, движения были замедленными и неровными. Губы сосредоточенно сжались, когда он провожал глазами полет воображаемого мяча. Услышав воображаемый звук удара о воображаемую биту, он сделал было шаг вперед, но передумал и вернулся.

— Мяч не засчитан.

Чарли молча наблюдал происходящее, понимая, что Рэймонд находится там, куда ему попасть не дано.

— Похищение, а? — Он говорил спокойно, зная, что Рэймонд не услышит даже его крика. — Было бы проще, Рэй, если бы ты мог выписать мне чек.

Рэймонд проверил базы. Ужасная ситуация для него, питчера высшей лиги, бейсбольной звезды! Заняты первая и третья. Три подачи, два мяча отбиты. И все из-за него, Рэймонда Бэббита, лучшего игрока «Цинциннати Рэдз» образца 1955 года. Он должен собраться... собраться...

— Мяч не засчитан, — в ужасе прошептал Рэймонд.

Глава шестая

Чарли так и не узнал, когда и чем закончилась игра, победой или поражением. Не прошло и часа после бегства Сюзанны, как он, вымотанный до крайней степени, уснул. Из комнаты Рэймонда не доносилось ни звука, и Чарли надеялся, что он наконец улегся. Если, конечно, он не отдыхает перед тридцатым иннингом.

Когда Чарли, проснувшись рано утром, отправился проведать его, Рэймонд, полностью одетый, уже сидел на краю кровати. Его волосы были мокры и взъерошены. Он казался вполне спокойным, хотя голова клонилась вбок, а шея была неестественно вывернута. Чарли отметил про себя, что Рэймонд может сам менять рубашки и белье, умеет причесываться и чистить зубы. Ну и что из этого? Вскоре он вернется в Воллбрук, может быть, даже сегодня, если все пойдет как задумано. Нужно лишь дождаться, пока психиатр придет в свой рабочий кабинет и сядет за стол. Потом позвонить и выложить свои карты.

Он не собирался задерживаться в Цинциннати больше чем на день-два. Он только уладит дела с психиатром, вернет Рэймонда и подобру-поздорову унесет задницу в Лос-Анджелес. Слишком много нитей тянуло его назад, чтобы он мог здесь расслаживаться. Кредиторы, наверное, уже разыскивают его с полицией.

Но всему свое время, и первым вопросом на повестке дня был завтрак. В паре кварталов от отеля была самая обыкновенная забегаловка, где можно было перекусить быстро и без затей. Рэймонд вошел вслед за Чарли своей обычной шаркающей походкой, и они устроились за чистым столиком у окна. Было еще слишком рано, и помещение было почти пустым, лишь за стойкой сидели двое шоферов, макая пончики в горячий кофе.

— Доброе утро, — сказала миловидная светловолосая официантка, подходя к их столику с салфетками и столовыми приборами. Ее большие голубые глаза с интересом задержались на Чарли.

Чарли взглянул на нее. Она была очень молоденькая и выглядела весьма аппетитно. Для начала Чарли одарил ее Улыбкой Номер Четыре, Мальчишеской.

— Действительно, прекрасное утро, — ответил он и со значением подмигнул.

Официантка, перегнувшись через столик, чтобы подать им меню, продемонстрировала Чарли свой пышный бюст во всем его великолепии.

Рэймонд тоже изучал ее грудь, скосив глаза, чтобы лучше видеть, но она, увлеченная Чарли, не заметила этого. Улыбнувшись еще шире, Чарли взял у нее меню.

— Благодарю вас, — многозначительно промурлыкал он. — Ну что у вас сегодня вкусенького?

— Ну, например, я, — ответила она со смешком. Ее голубые глаза заблестели.

— О-о. — Глаза Чарли путешествовали вверх-вниз по стройному телу девушки. Сально ухмыльнувшись, он произнес: — А мы как раз гадали, кто здесь сможет нас поразвлечь? Вечерком?

— Салли Диббс, — внезапно сказал Рэймонд. Он прочел пластиковую табличку с ее именем, прикрепленную к кармашку на груди. — Четыре-шесть-один-ноль-один-девять-два.

Глаза девушки изумленно расширились, и она недоверчиво посмотрела на Рэймонда.

— Откуда... Откуда вы узнали номер моего телефона? — запинаясь, спросила она.

Чарли удивленно переводил глаза с Салли на Рэймонда. Какого черта? Поймав его взгляд, Рэймонд забеспокоился. Опять он сделал что-то не то. Он опустил голову.

— Телефонная книга, — промямлил он, — ты велел мне читать ее.

Официантка в недоумении крутила головой, не зная, на кого из них смотреть и что думать. Чарли вымучил улыбку, надеясь, что она достаточно беспечна:

— Он... Ну... у него хорошая память.

— Я сейчас вернусь, — нервно сказала официантка и поспешно ретировалась. Этот маленький — явно чокнутый.

Теперь Чарли Бэббит кое-что вспомнил. «Замечательные способности, — говорил доктор Брунер, — аутистичный феномен». Чарли вспомнил, как пренебрежительно он тогда, в Воллбруке, отнесся к декламации Рэймонда. Но там был Шекспир. А это — другое дело.

Это номера. Способность запомнить номера может оказаться полезной, весьма полезной. Чарли закурил «Лаки» и, глубоко затянувшись, внимательно посмотрел на Рэймонда. Он увидел его в новом свете — в свете возможной выгоды.

— Как ты это делаешь?

— Я это делаю, — робко ответил Рэймонд. Он все еще был испуган, все еще думал, что брат зол на него, что он опять сделал что-то не то. Его глаза перебежали с солонки на салфетку, он старательно избегал взгляда Чарли.

И Чарли понял это. Впервые он осознал, что должно твориться в голове Рэймонда. Он сказал мягко, ободряюще.

— Здорово. Мне понравилось. Ты запомнил всю книгу?

— Нет, — ответил Рэймонд, но Чарли уже знал, что так он говорит «да». Чарли успел уже многому научиться. Он широко улыбнулся брату. Рэймонд ответил гримасой, которой накануне научил его Чарли. Я делаю так, как делаешь ты. Паника оставила его. Он был прощен.

— Ты голоден? — спросил Чарли, открывая меню.

Рэймонд кивнул.

— Чего ты хочешь?

Хочешь? Понятие «хочешь» относится к той же категории, что и «нравится» и «не нравится». Оно предполагает выбор, предпочтение. «Предпочтение» ничего не означает для аутиста. Рэймонд не знал, что значит «хотеть», механизм, ответственный за желания, у него отсутствовал. То, чего он действительно хотел, было необходимо для его выживания. Это были кирпичики, необходимые для строительства его защитных сооружений, — его телевизионные программы, или установка кровати, или что-то подобное. Но он никогда бы не сказал, что он этого хочет. Не находя подходящего ответа в своем сложном, но ограниченном арсенале, Рэймонд сидел молча.

— Рэй, — доброжелательно произнес Чарли. — Что ты хочешь?

Ему предстояло еще многому научиться.

— Сегодня вторник, — сказал Раймонд, вспоминая обычный воллбрукский распорядок. — На завтрак олады... с кленовым сиропом.

— Нет проблем, — улыбнулся Чарли.

Рэймонду понравились эти слова.

— Нет проблем, — эхом отозвался он.

Но вдруг на него накатил страх. Он начал испуганно озираться, черты его лица исказились.

— Они взяли... Они взяли зубочистки, — дрожащим голосом произнес он.

— Слушай, зубочистки были в мотеле. Вместе с пиццей. А в кафе надо есть обычной вилкой.

Его лекция о хороших манерах пропала даром.

— Они взяли зубочистки, — повторил Рэймонд. Стало ясно, что надвигается очередной кризис. Чарли поспешил предотвратить его.

— Для оладьев не нужны зубочистки, — настаивал он. — Оладьи будут соскальзывать, Но привести Рэймонда в чувство было не так-то просто.

Он изменил тактику.

— Мне не дали мой кленовый сироп, — объявил он гнусаво и монотонно.

— Расслабься, — парировал Чарли. — Ведь ты еще не видишь оладьев, правда?

Он еще не осознал, что обычная логика дает здесь обратный результат, что Рэймонд признает лишь собственную логику.

— Это обещанный кленовый сироп... это.... — Рэймонд начал заикаться, заводя один из своих бредовых монологов.

Чарли понемногу терял спокойствие.

— Мы еще ничего не заказали, мать твою, — огрызнулся он. — Ты перепугал официантку.

— Ну вот, мы пробудем здесь все утро без кленового сиропа и без...

Внезапно на Чарли накатило. Вот он, хитроумный Чарли Бэббит, который должен Христа ради вымалывать этот долбаный завтрак! Он приперся в Цинциннати с этим психом, с которым невозможно справиться, тогда как каждая потерянная минута может стоить ему жизни. Сюзанна ушла от него. У него нет ни цента. Его жизнь в Лос-Анджелесе накрылась медным тазом, и, вдобавок ко всему, он чувствовал, что доктор Брунер не жаждет возвращения Рэймонда.

Внезапно его охватила ненависть к брату, настоящая ненависть. Это он виноват во всех его неудачах — Рэймонд, жизнь которого полностью устроена, вокруг которого все прыгают, а он не способен

даже отвечать за свои действия! Рэймонд, которому отец оставил три миллиона долларов, а ему, Чарли, ни цента, За это Чарли ненавидел брата особенно остро. Ему отец всегда говорил «нет», а в конце жизни сказал «да» этому чокнутому. Он оставил свои деньги идиоту, не понимающему значения слова «деньги», лишь для того, чтобы они не достались Чарли.

Чарли потянулся через стол, в бешенстве вцепился в руку Рэймонда и, крепко сжимая ее, заговорил тихим, хриплым голосом так, чтобы никто, кроме брата, не мог услышать его:

— На нас смотрят, понял? А ты ведешь себя как придурок. Заткни... свою... гнусную... пасть!

Рэймонд немедленно замолчал. Довольный, Чарли отпустил его руку, и Рэймонд начал яростно растирать ее, уставясь на брата, потом он достал из своего ранца красный блокнот, которого Чарли никогда раньше не видел, и начал строчить, строчить, строчить, переводя глаза с него на Чарли и обратно.

— Отсутствие кленового сиропа не является ужасным событием, — саркастически произнес Чарли. Его сарказма оценить было некому.

— Это Список Серьезных Происшествий. 15 июля 1988 года. Чарли Бэббит схватил меня за руку и причинил боль.

Острое чувство вины пронзило Чарли, разозлив его еще больше, но, поборов эту злость, он протянул руку к красной тетрадке.

— Дай посмотреть.

— Ни за что на свете. — Рэймонд резко отстранился, передвинув тетрадку на противоположный конец стола, пряча свою драгоценность от любопытных глаз и рук Чарли.

— Ну хорошо, не буду больше! Ха! Ха! Ха! — Чарли воспользовался оружием из арсенала Рэймонда, но Рэймонд не испугался. Он уже благополучно заперся в своем мирке и остался наедине со Списком Серьезных Происшествий. Он низко склонился над тетрадкой, заслонив ее от Чарли левой рукой, чтобы тот не мог прочесть таинственных слов, и продолжал писать.

— Ну вот, номер восемнадцать. Список Серьезных Происшествий. 1988 год.

Было уже больше половины десятого утра. Наверное, доктор Брунер уже сидит за своим рабочим столом. С полной пригоршней мелочи Чарли подошел к телефону-автомату. Позади него за столом сидел Рэймонд и ел оладьи, накалывая их мелкими кусочками на зубочистку. Теперь он будет есть целую вечность. Чарли оказался прав, оладьи действительно соскакивали с зубочистки.

Чарли набрал номер и встал так, чтобы держать Рэймонда в поле зрения. Он ощущал какую-то непонятную боль и волнение. В горле пересохло, ладони были влажные. С тех пор как десять лет назад шестнадцатилетним мальчиком он покинул дом, Чарли Бэббит сам заботился о себе, но никогда он не справлялся с делом так плохо, никогда его не постигала такая неудача в делах.

Конечно, до сих пор он ни в чем не был кровно заинтересован, но все-таки это была борьба за выживание. И ему удалось выжить. Даже более чем.

Но Чарли Бэббиту никогда не приходилось делать ничего подобного. Разящие слова Сюзанны, как назойливые мухи вертелись у него в голове. «Похищение». «Отношение». «Использование в своих целях». Он почувствовал себя очень неудобно. Похищение — это преступление, которое карается пожизненным заключением. А считается ли киднеппингом похищение собственного брата?

Трубку подняли быстро. Ответила секретарша, и Чарли попросил к телефону доктора Брунера. Через несколько секунд он услышал знакомый голос.

— Доктор Брунер слушает.

— Доктор Брунер, это Чарли Бэббит.

После небольшой паузы голос холодно поинтересовался:

— Где вы?

— Это неважно, — выразительно произнес Чарли. — Спросите лучше, с кем я.

Он снова взглянул на Рэймонда. Тот только что уронил на пол свою зубочистку, и она укатилась под стол. Рэймонд нагнулся и принялся искать ее.

— Вы должны вернуть его назад, мистер Бэббит, — сказал психиатр.

— Да, нет проблем, — согласился Чарли. — Как только получу то, что мне причитается.

— И что же это?

В это время Рэймонд принял решение. Он медленно сполз со стула, встал на колени и начал ползать по полу в поисках драгоценной зубочистки.

— Полтора миллиона долларов, сэр. Я не жадный. Мне нужна только моя законная половина. Рэй сможет коллекционировать зубочистки из чистого золота.

— Это невозможно, мистер Бэббит. Вы же знаете.

Рэймонд вылез из-под стола, сжимая в руке свою вожаделенную награду, зубочистку, на которую поверх масла и сиропа налипло неопишное количество грязи, собранной с пола. Таким счастливым Чарли его никогда не видел.

— Рэй, она грязная! — закричал Чарли. — Ее нельзя использовать!

— Верните его, мистер Бэббит. — Мягкий и спокойный голос доктора Брунера стал настойчивым и властным. Верните его сейчас же.

Дело оказалось труднее, чем Чарли предполагал.

— Я ведь не похитил его, — сказал Чарли, затаив дыхание.

Рэймонд жалобно смотрел на брата, сжимая в руке желанную зубочистку. С одной стороны, ему отчаянно хотелось есть, с другой — он не мог воспользоваться зубочисткой без одобрения Чарли. А Чарли отрицательно качал головой. Выхода не было.

— Я это знаю, — ответил доктор Брунер. — Он всегда был здесь добровольным пациентом.

Чарли почувствовал облегчение, разливающееся по всему телу. Ему больше не грозит провести остаток жизни в тюрьма.

— Но дело не в этом. Дело в том, что здесь, в Воллбруке, знают, как с ним обращаться. Мы знаем, что ему нужно, а вы — нет.

Чарли потерял терпение, и в голосе его послышалась злость.

— Давайте закончим с этой ерундой. Мне причитается часть наследства отца, — сказал он психиатру ледяным тоном. — Если вы не хотите честно обойтись со мной, я возьму Рэймонда в Лос-Анджелес. Я помешу его там в какую-нибудь клинику и буду судиться с вами за право опеки.

Рука Рэймонда, сжимавшая зубочистку, нечаянно разжалась, Чарли запретил пользоваться ею. Но ему так хотелось есть, что он не

мог отпустить ее совсем. Он побрел к стойке за другой зубочисткой и тихо попросил безнадежным голосом, вытянув вперед руку. Но никто не обратил на него внимания, и он начал шарить вокруг, пытаясь сам найти, где лежат зубочистки.

— Я его единственный родственник, — чеканя слова, продолжал Чарли. Одним глазом он беспокойно следил за Рэймондом, который снова ставил его в неловкое положение. — Вы хотите таскаться по судам или покончим со всем этим прямо сейчас?

Теперь взгляды всех присутствующих обратились к Рэймонду, но никто не осмеливался подойти к нему. Официантка Салли прикрыла рот рукой, пытаясь подавить смех. Это взбесило Чарли. Кто она такая, чтобы смеяться над Рэймондом Бэббитом?

— Это не ваши деньги, мистер Бэббит, — говорил доктор Брунер, но Чарли полностью переключился на то, что происходило в кафе. Он выкрикнул:

— Зубочистка! Ему нужна другая зубочистка!

— Это невозможно, мистер Бэббит, — жестко продолжал психиатр. — Я не могу этого сделать.

Салли вручила Рэймонду полную коробку зубочисток. Прижав ее к груди, он зашаркал обратно к своему столику, чтобы закончить с оладьями.

— В таком случае увидимся в суде! — прорычал Чарли, бросая трубку. Он был зол как черт, когда вернулся к столику, где Рэймонд нанизывал кусочки оладьев на зубочистки, взятые из коробочки.

— Все, пошли, — потребовал Чарли, жестом приказывая Рэймонду встать. Его тон не терпел возражений.

Рэймонд неловко поднялся, уронив на пол коробку. Коробка была открыта, и зубочистки рассыпались по всему полу.

— Проклятье! — взорвался Чарли.

Но Рэймонд не обратил на него внимание, глядя вниз на раскатывающиеся зубочистки.

— Восемьдесят две, — тихо произнес он. — Восемьдесят две, восемьдесят две.

— Что это значит? — потребовал объяснения Чарли.

— Зубочистки, — сказал Рэймонд.

Чарли раздраженно покачал головой:

— Рэй, там их намного больше.

Лицо Рэймонда не изменилось, оно, как обычно, ничего не выражало.

— Восемьдесят две, восемьдесят две, восемьдесят две. Ну вот, вообще их там двести сорок шесть. Зубочисток.

Чарли изумленно посмотрел на пол. Двести сорок шесть. Он обратился к Салли Диббс:

— Сколько зубочисток в коробке?

Девушка взяла коробочку и прочитала надпись на ней:

— Двести пятьдесят.

Чарли улыбнулся Рэймонду:

— Достаточно точно. Все, пошли. У нас нет времени.

Когда они направились к выходу, Салли Диббс окликнула их:

— Эй, тут в коробочке осталось четыре зубочистки.

* * *

Всю дорогу до городского аэропорта Рэймонд, сидя на переднем сиденье «бьюика», внимательно осматривал окрестности и по обыкновению бормотал себе под нос какую-то белиберду. Это были позывные радиостанции, на волну которой был настроен автомобильный приемник. Снова и снова он повторял их как заклинание, которое защищало его от опасности. Чарли был угрюм и не прерывал его. Пусть этот несчастный аутистичный феномен, или кто он там, бормочет все, что ему заблагорассудится. У Чарли Бэббита свои проблемы.

В Лос-Анджелесе его ждут «ламборгини». Дело горит, а он потерял тут столько драгоценного времени. Бог знает, что там могло случиться в его отсутствие. Оставив «бьюик» на стоянке в аэропорту, Чарли припарковал и Рэймонда. Он купил ему картофельных чипсов, сырных палочек и кукурузных хлопьев. Он усадил Рэймонда в зале ожидания в кресло с вмонтированным в ручку мини-телевизором и оставил его есть чипсы и смотреть бесконечные телепрограммы, а сам отправился звонить в офис «коллекционных моделей».

Чарли связался с Ленни Баришем, просто чтобы удостовериться, насколько ухудшилось положение дел за эти два будних дня. Действительно, все еще больше осложнилось. Услышав голос Чарли,

Ленни чуть не расплакался от радости. Он оборонял форт в одиночку, и апачи подобрались уже совсем близко.

Ленни тут же начал выкладывать Чарли последние новости, сплошь состоявшие из бед и несчастий, свалившихся на их головы.

— Да, механики по воскресеньям не работают, — полным сарказма тоном произнес Чарли. — Скажи ему, что он найдет адаптеры. Он найдет их сегодня, или я ему выпущу кишки.

Еще пятнадцать секунд он слушал хныканье Ленни, одновременно его карие глаза шарили по залу ожидания в поисках Рэймонда. Он был на месте, все в том же кресле, продолжая смотреть телевизор и уплетать соленые, жирные чипсы.

— Ленни, черт с ним, с заимодавцем. Вайят не сможет найти машины. Как только адаптеры будут на месте, все тут же успокоятся, даже...

Блеяние Ленни снова послышалось в трубке, на сей раз он говорил о покупателях, которые насели на него со всех сторон.

— Ленни, ты не должен их упустить, — согласился Чарли. — Если они пойдут на попятный, как я смогу расплатиться с Вайятом? И как я смогу вернуть им задатки? Эти денежки уже тью-тью, Лен.

Еще немного послушав жалобы Ленни Бариша, Чарли прислонил голову к металлической панели телефонного аппарата, чтобы немного охладить разгоряченный лоб. В раздражении он начал постукивать по панели кулаком. О Боже! Кто подскажет, что здесь можно придумать? Его бедная голова отказывалась служить ему.

— Ты должен их продать, — пролаял он в трубку. — Думай! Говори! Проси! — Пульсирующая боль переместилась от затылка к надбровью, и Чарли сморщился, пытаясь найти выход.

— Скажи им, что они получают десятипроцентную скидку, — наконец произнес он. — Это половина нашей прибыли. Скажи им, что это вся наша прибыль, понял?! — Чарли посмотрел на часы: скоро самолет. — Слушай, через три часа я буду в Лос-Анджелесе. И сам им позвоню. Да, из аэропорта. Я обещаю, Хорошо. Хорошо. Ну пока, друг. Не вешай носа.

Он повесил трубку и снова взглянул на часы. До самолета оставалось меньше десяти минут. А Рэймонд ходит медленно. Если его торопить, он совсем остановится. Подскочив к брату, все так же увлеченному мини-телевизором, Чарли спросил:

— Как Вапнер? Кто выиграл процесс?

Рэймонд не отрывался от экрана:

— Истец. Ущерб в триста девяносто семь долларов. Суд подсчитал.

— Грандиозно, — с поддельной сердечностью в голосе произнес Чарли, — Мне понравилось его лицо, Рэймонд поднял на него смущенный и подозрительный взгляд:

— «Он» — это девушка. Рамона Куигтли.

— Осталось шесть минут, — бодро сказал Чарли. — Надо торопиться. — Схватив чемодан, он направился через зал к выходу. Рэймонд семенил сзади. Руки его неуклюже болтались, голова свесилась набок, как у собаки.

Чарли уже догадался, что такое положение головы говорит о том, что брат находится в состоянии «отсутствия страха», как называл это доктор Брунер. Это означает, что сейчас с ним все в порядке, хотя в любую минуту может возникнуть новая опасность, которая тут же вызовет панику.

Именно так и случилось.

Из окон аэропорта открывался вид на взлетную полосу, так что отправляющиеся пассажиры могли наблюдать, как взлетали и садились самолеты. Чарли обратился к шедшему сзади Рэймонду, указывая на самолет, стоящий прямо напротив окна.

— Вот наш самолет. Один из этих. Правда, красивый? Ты никогда не...

Что-то, какая-то смутная догадка заставила Чарли обернуться. Рэймонд прирос к полу, уставясь на лайнер. Он уже начал монотонно бормотать. Верный признак тот, что он охвачен ужасом.

— Катастрофа, — бормотал Рэймонд. — Ну вот, этот... этот самолет разбился в августе. 16 августа 1987 года. Сто пятьдесят шесть человек. Они все...

— Это был другой самолет, Рэй, — торопливо произнес Чарли. — А это — замечательный самолет. Он не разобьется.

— Разбился и сгорел, — еле слышно сказал Рэймонд.

О Боже! Почему сейчас? Чарли снова посмотрел на часы. Если они пошевелиются и им повезет, то эти четыре минуты могут их спасти.

— Нам нужно лететь домой, Рэй, — Он говорил быстро, надеясь донести до брата свою мысль. — Это очень важно. А как ты думаешь,

зачем мы здесь? Это аэропорт. Отсюда улетают самолеты.

Но Рэймонд стоял неподвижно, глядя в окно. Слова Чарли его не убедили. Казалось, он парализован и не может ступить ни шагу. Чарли пытался соображать быстро.

— Та катастрофа произошла с самолетом этой же авиакомпании?

— Да, — ответил Рэймонд.

— Я никогда не любил эту авиакомпанию, — согласился Чарли. Он поискал глазами на мониторе другой рейс в Лос-Анджелес. — А как тебе нравится рейс «Американ» в 18.53?

— Разбился. — В голосе Рэймонд сквозил страх. Он потянулся к ранцу, чтобы достать тетрадку со Списком Ужасных Событий, доказательство его правоты, но Чарли решительным движением остановил его.

— Не надо. Я верю тебе на слово. — Чарли снова обратился к монитору. — Может быть... «Континентал», а?

— Разбил...

— И сгорел, да. Рэй, гляди, на каждой авиалинии произошла хотя бы одна авария. Но ведь все остальные самолеты вполне... — Чарли остановился, понимая, что все его попытки тщетны. Это все равно, что объяснять брату квантовую физику. Он сменил тактику.

— Есть ли хоть один рейс, на котором никогда не случалось катастроф?

— «Квонтэс», — ту же ответил Рэймонд.

Чарли невесело усмехнулся:

— Великолепно! Мы полетим в Лос-Анджелес через Австралию!

С него довольно. Он больше не выдержит. Он снова будто бы услышал тиканье счетчика, отсчитывающего минуты его жизни, пока он стоит здесь и пытается логическими доводами убедить сумасшедшего. Замечательно! Единственное, что ему оставалось, это взгромоздить умирающего и орущего Рэймонда на плечи и отнести в самолет. Другие средства были бессильны. А когда самолет взлетит, брат уже не сможет ничего изменить. А телевизор и пакетик с жареным арахисом за три часа полета до Лос-Анджелеса смогут привести его в норму.

— Нет! Ты полетишь! — Чарли схватил Рэймонда за рукав и потащил. Рэймонд мгновенно оцепенел, словно у него началось трупное окоченение. Он энергично замотал головой, глаза его дико

вращались, как будто у него внутри включилась какая-то таинственная сигнализация. Казалось, его путал факт его собственного существования. Разбился и сгорел. Разбился и сгорел.

Рэймонд имел такой жуткий вид, что Чарли отпустил его и отступил на шаг. Его брат так глубоко забился в свою скорлупу, что достучаться до него было невозможно. Никакими увещаниями и сырными палочками. Секунды на часах Чарли прибавлялись к минутам. Скоро они будут прибавляться к часам. Ситуация требовала отчаянных, насильственных мер. Чарли снова приблизился к Рэймонду, крепко схватил его за руку и потащил.

— Рэй, ты убиваешь меня, — хрипло шептал Чарли сквозь стиснутые зубы. — Моя проклятая жизнь висит на волоске. Ты полетишь!

Рэймонд продолжал мотать головой. Нет. Нет-нет-нет. Он стоял неподвижно, как будто окаменел и прирос к полу. Он уже начал свое неистовое бормотание, что свидетельствовало об охватившем его ужасе. В отчаянии Чарли сгреб брата медвежьей хваткой, пытаясь оторвать от земли. Боже, для такого маленького и тощего человечка он весил слишком много. Убийственный вес.

Извиваясь, Рэймонд сумел освободить одну руку. Он поднес ее ко рту и яростно вцепился в нее зубами, как будто это была не его собственная рука, а рука его смертельного врага.

— Прекрати! — заорал Чарли. — Прекрати! — Его затошнило. Чарли никогда в жизни не сталкивался ни с чем подобным.

Но Рэймонд не хотел или не мог его услышать. Он изо всех сил вцепился зубами в свою руку, свирепо глядя на Чарли, как будто он кусал Чарли, а не самого себя. Смотреть на это было страшно. Взбешенный до крайности, Чарли полностью потерял контроль над собой. Он поднял кулак и стал размахивать им перед Рэймондом. Но тот стоял на месте, глядя на него и вцепившись в свою руку. Все было напрасно.

Вздыхнув, Чарли опустил кулак. Плечи его поникли, он отступил с поля битвы. Он потерпел фиаско, это ясно.

— Ладно, ну ладно, — тихо сказал он брату. — Мы поедем на машине, идет? Возьмем «бьюик» и поедем. Рэймонд! Ладно?

Рэймонд не ответил, но Чарли чувствовал, что он немного расслабился. Рука была у него все еще во рту, но было видно, что зубы

он уже не сжимает.

Из груди Чарли вырвался глубокий прерывистый вздох.

— Я же сказал, все хорошо. — Он говорил так тихо, что слышать его мог только Рэймонд. — Никаких самолетов. — Он замялся. — Прости. Ладно? Ладно, Рэймонд?

Очень медленно руки Рэймонда опустились, и безумие потихоньку покинуло его взгляд. Два брата долго смотрели друг на друга, потом Чарли повернулся и пошел в обратном направлении. Секунду спустя Рэймонд уже семенил сзади, голова его по-собачьи свешивалась набок.

Глава седьмая

— Можно мне порулить, Чарли Бэббит?

Ровное шоссе уходило на запад, и «бьюик» пожирал километр за километром. Чарли небрежно правил, держа руль одной рукой, его локоть лежал на дверце. Набегавший ветерок трепал его темные волосы, в машине играло радио, и все в конце концов было не так уж плохо. Машина была в полном порядке, да и Рэймонд вел себя на удивление хорошо.

Если бы Чарли не успел узнать брата получше, он бы решил, что ему нравится ездить на машина. Хотя, быть может, именно в этом «бьюике», вызывавшем столько воспоминаний и ассоциаций с отцом, Рэймонд чувствовал себя в безопасности.

— А ты умеешь водить машину? — Чарли, от души забавляясь, взглянул на Рэймонда.

— Нет. Можно мне порулить?

Чарли не ответил, и Рэймонд медленно-медленно потянулся к рулю, пока не коснулся его кончиками пальцев. Чарли сел прямо и нахмурился.

— Никогда, никогда не трогай руль! — скомандовал он. — Или коробку передач. — Чарли показал ее брату. Он ожидал, что Рэймонд забормочет и задергается, но тот лишь вжался в сиденье. Его лицо, как обычно, ничего не выражало.

Путь до Лос-Анджелеса долог, и у Чарли было вдоволь времени, чтобы подумать. Теперь, когда он знал, что обвинение в похищении не висит над его головой, он мог сделать следующий шаг. То есть связаться со своим адвокатом в Лос-Анджелесе и обрисовать ему ситуацию.

Все складывается неплохо, даже лучше, чем он ожидал. Безусловно, его адвокат докажет, что Рэймонд не в состоянии — и никогда не будет в состоянии — распоряжаться тремя миллионами. Итак, первый шаг — это официально объявить Рэймонда недееспособным. Владея его медицинской картой, это будет несложно. Следующим шагом будет признание его, Чарли, опекуном. Ибо тот, кто

опекает Рэймонда, опекает и его деньги. А кто может быть лучшим опекуном Рэймонда Бэббита, как не его любимый брат?

Короче говоря, конечной целью является получение официального контроля над Рэймондом Бэббитом. И все, что для этого нужно — одно-единственное слушание дела об опекунстве, на котором в поддержку Чарли должен выступить уважаемый психиатр. Кто-то, кто документально подтвердит, что Чарли будет лучшим опекуном. Эта задача посложнее, но Чарли рассчитывал на свое незаурядное обаяние.

За несколько миль до Талсы, штат Оклахома, Чарли остановился у бензоколонки, где был телефон-автомат, и набил карман мелочью. Он опасался оставить Рэймонда одного в машине и втиснулся в телефонную будку вместе с ним.

Двоим здесь было слишком тесно, и Рэймонд начал испуганно озираться, но Чарли уже погрузился в изучение телефонного справочника.

— Это слишком маленькое, — нервно сказал Рэймонд.

Черт! Того, что нужно, в справочнике нет. Уголком глаза Чарли заметил, что Рэймонд приоткрыл дверь, и раздраженно ее захлопнул.

— Это слишком маленькое, — сказал Рэймонд, начиная дрожать, — Одну минуту, Рэй.

Чарли набрал номер справочной:

— Алло, справочная Талсы? У вас есть телефоны психиатров?

Теперь Рэймонд боролся со своим ранцем. В будке было так тесно, что он никак не мог снять его, и это приводило его в ужас.

— Нет, но это крайне необходимо, — настойчиво говорил Чарли. — Мне нужен лучший психиатр в Талсе.

Рэймонд наконец содрал со спины ранец и отчаянно рылся в нем, прижав его телом к прозрачной стенке, чтобы он не упал. Вещи одна за другой сыпались на пол. Беда... Опять беда. Непредвиденный случай. Нарушение порядка.

— Может быть, по районам? — попросил Чарли оператора. — Вы не могли бы отыскать кого-нибудь в престижном районе? — Чарли вложил в голос всю свою убедительность:

— Не хочу пугать вас, мадам, но дело идет о спасении человеческой жизни! — Моей, черт возьми! — Огромное вам спасибо...

Наконец Рэймонд нашел столь нужный ему голубой блокнот и немедленно принялся писать.

— Шиллинг! — радостно воскликнул Чарли. — Вот это фамилия! Одну минуту, только возьму карандаш.

У Рэймонда в руках было то, что нужно — карандаш и бумага. Очень кстати. Чарли забрал их из непослушных рук Рэймонда, и начал записывать в блокноте телефон врача. Задохнувшись, Рэймонд попытался отобрать свой блокнот, но Чарли просто повернулся к нему спиной.

— Четыре-один-девять-три? Записал. Тысяча благодарностей.

Он повесил трубку, оторвал клочок бумаги с телефоном и спрятал в карман, вручая оскверненный блокнот брату так, словно ничего не произошло. Лицо Рэймонда выражало такое отчаяние, будто этот кусочек вырван из его собственного тала, но Чарли не обращал внимания. Получив свою драгоценность назад, Рэймонд немедленно начал строчить в ней, поглядывая на Чарли. Взгляд — запись, взгляд — запись. Чарли покачал головой:

— Надеюсь, это не Список Серьезных Происшествий?

— Тот блокнот красный, а этот — синий.

— Прости меня. Я потерял мой секретный шифр, — улыбнулся Чарли.

С телефоном, надежно спрятанным в кармане, он чувствовал себя превосходно.

— Ну вот, у тебя уже есть номер, — мрачно начал Рэймонд.

— Восемнадцать. Я знаю.

— В 1988 году, — закончил Рэймонд.

Чарли опять повернулся к телефону, достал бумажку с номером и опустил четвертак.

— Это слишком маленькое, — опять запротестовал Рэймонд.

— Маленькое, но безопасное, — дружелюбно ответил Чарли, не обращая внимания на панические нотки в голосе Рэймонда. — Снаружи ты можешь пораниться. И к тому же ты ведь не хочешь пропустить представления? — Он взглянул на Рэймонда, который подозрительно косился на него. — Да, да. Маленькое представление в твою честь. Маленькое дельце об опекунстве. Наш адвокат уже взялся за него. — Он приложил трубку к уху. Порядок: линия свободна. — А знаешь, почему оно в твою честь?

Рэймонд покачал головой.

— Потому, что ты стоишь три миллиона. И поэтому..

На другом конце провода сняли трубку, и Чарли мгновенно переключился.

— Да. Могу я попросить доктора Шиллинга? Я звоню издалека. Из Баммера. Миссури. Экстренный случай.

Сзади раздался панический голос Рэймонда:

— О! Это... Это...

Чарли обернулся. Рэймонд смотрел на часы. Глаза его буквально выпрыгивали из орбит. От возбуждения он не мог говорить, только бессмысленно вскрикивал. Но голос в трубке требовал внимания. Как бы там ни было, но Рэймонду придется подождать.

— Мэм, мы будем в городе к вечеру. — Чарли говорил быстро, настойчиво. — Нам нужна консультация. Это очень важно.

Мир Рэймонда рушился. Он заперт в телефонной будке, и брат не слушает его.

— Это... это... одиннадцать! — промямлил он наконец. — Одиннадцать минут до начала передачи судьбы Вапнера.

Рэймонд не верил свои глазам. Одиннадцать минут до начала, и ни одного телевизора в поле зрения. Ничего, кроме бензиновых насосов, автоматов с напитками и сэндвичами и этой чудовищной будки, где его держит Чарли.

Он в отчаянии начал метаться по будке. Он был похож на маленького зверька, пытающегося найти выход из клетки. Но со всех сторон его окружали стеклянные стены. Если бы его нога попала в капкан, он отгрыз бы ее зубами, как лисица или ласка.

О Боже! Рэймонд опять начал съезжать с катушек, а Чарли никак не мог добиться у долбаной регистраторши разговора с этим долбаным доктором. Как ужасно, когда твоя долбаная жизнь зависит от какой-то регистраторши!

— Не мог бы он задержаться ради одного особого случая? Если можно, прямо сегодня?

Он вложил в голос всю убедительность, на которую был способен.

Теперь Рэймонд бормотал, расширив глаза от ужаса. Его сознание занимала только одна мысль. Вапнер. Ему нужен был Вапнер. Если он не увидит его, все пропало. Вапнер был частью многосложной

защитной системы, которую он тщательно разрабатывал многие годы. Вапнера он не боялся.

— Осталось одиннадцать минут до Вапнера. Если мы не найдем телевизор, будет уже... уже... — Слова «слишком поздно» он выговорить не мог. Эти два слова способны его убить.

— Я знаю. Я понимаю. — Чарли чуть не плакал, наблюдая, как личность Рэймонда разрушается прямо на его глазах. — Но он же врач! Вы не можете себе представить, как это необходимо.

— Мы заперты в этой будке. Заперты навсегда. Без телевизора и это... это... это... — Глаза Рэймонда дико вращались, и Чарли боялся, что он потеряет сознание. Рэймонд напоминал птичку, бьющуюся о прутья своей клетки до тех пор, пока в ее маленькой груди не разорвется сердца.

— Я вас умоляю, — просил Чарли. — Человек стоит перед вами на коленях.

— Ооо... О-о-о... — завизжал Рэймонд.

— Хорошо, — отчаявшись, Чарли решился, — с вами будет разговаривать пациент. — Он поднес трубку поближе к лицу Рэймонда.

— О-о-о... — кричал Рэймонд. — Будет... будет... будет... О-о-о! Чарли вернул трубку.

— Мэ-эм? Да, я продержусь.

Отличная работа, Рэймонд!

— И... они не актеры... Они настоящие... настоящие... истцы и ответчики... и дела у них настоящие...

— Да, мэм, в шесть часов. Мы приедем без опоздания. Нет, я обещаю, мы не опоздаем. Ни на минуту. Благослови вас Бог! — Чарли повесил трубку, и по телу его прокатилось облегчение. Теперь все свое внимание он обратил на брата. Рэймонд почти потерял сознание, но все еще вжимался в стенку, пытаясь вырваться наружу. Он полностью отключился от действительности и не мог дышать.

— Рэй, как ты относишься к тому, чтобы пойти поискать телевизор?

Глубокий вздох вырвался из груди брата. Он смог лишь кивнуть в знак согласия. Чарли распахнул дверь телефонной будки, взял Рэймонда за руку и повел к «бьюику».

— Ну вот, теперь до Вапнера осталось десять минут.

В довершение всех бед, они находились в глухой провинции, в стране ферм, где разделенные полями дома отстояли друг от друга на несколько акров. Вокруг не было видно ни строения, ни мотеля, ни даже забегаловки. Чарли напряженно вглядывался в пространство, ища телевизионную антенну, но не видел даже крыши, на которой могла бы быть укреплена эта антенна.

Беспокойство Рэймонда возрастало, он впился глазами в свои наручные часы, которые неизменно отсчитывали минуту за минутой. Девять минут до Вапнера. Восемь. Его тревога начала передаваться Чарли, тщательно изучавшему обе стороны дороги.

Наконец-то. Это ферма. Это домик. Свет в окнах и некоторые другие признаки свидетельствовали о том, что дом обитаем.

Спасены. Они спасены... почти. Буквально ворвавшись в ворота, «бьюик» резко взвизгнул тормозами. Они остановились прямо перед крыльцом. Но как попасть в дом? Рэймонд, казалось, уже был готов на самоубийство. Чарли уже виделась картина, как брат выпускает дух только потому, что он пропустил эпизод «Правосудия для народа».

Яростно соображая, Чарли быстро подвел Рэймонда к крыльцу.

— Ну вот, осталось четыре минуты, — страшным голосом объявил Рэймонд.

Чарли схватил его за плечи, заставив смотреть прямо на него.

— Хочешь попасть внутрь и посмотреть свою передачу? — жестко спросил он.

Ответа не было. Рэймонд был так напутан, что не мог произнести ни слова. Лишь голова его кивнула в знак согласия, в то время как остальные части тела сотрясала судорожная дрожь.

— Тогда слушай меня, — требовательным тоном сказал Чарли. — Другой фермы здесь нет, понял? Это твой единственный шанс. Если у тебя будет такой вид, тебя не впустят. Ты слушаешь?

Рэймонд слушал. Он выглядел ужаснее, чем когда-либо. Прозвучавшая угроза целиком заполнила его сознание «Тебя не впустят», «последний шанс» — Чарли произнес рискованные слова.

— Стой здесь, — приказал Чарли, — приведи себя в норму. Ты понимаешь, что я говорю?

Бросив на Рэймонда быстрый строгий взгляд, Чарли расстегнул ремень на брюках брата, спустил их до талии, как носят все нормальные люди, и снова застегнул пряжку ремня.

— И не задирай их больше! — проворчал он. — Стой спокойно! И заткни свою пасть!

Для примера Чарли открыл свой собственный рот и тут же захлопнул его. Рэймонд в точности повторил его движение. Открыл. Закрыл. Вот так.

Чарли выровнял дыхание и изобразил на лице свою Улыбку Номер Пять, Искреннюю, Дружелюбную. Мелочь, но сделать это было необходимо. Затем он постучал в дверь. Он услышал, как Рэймонд за его спиной начал подпрыгивать на месте, как ребенок, которого ведут купаться. Чарли показал ему кулак.

Дверь открыла хозяйка, молодая женщина с ребенком на руках. Двое других детей держались за ее юбку. Она увидела перед собой необыкновенно симпатичного, дружелюбно улыбающегося молодого человека, а позади него — ничем не примечательного мужчину лет сорока. Он выглядел совершенно обыкновенно.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Чарли. — Я Дональд Клеменс, мэм, из компании А. С. Нильсона. Вы знаете, чем мы занимаемся?

— Нильсон, — повторила она, — вы имеете в виду компанию по изучению общественного мнения? О телепрограммах?

— Именно так, — одобрительно кивнул Чарли и произнес тоном учителя, вручающего лучшему ученику золотую медаль. — Мы выбрали вас из других семей фермеров. В качестве возможной кандидатуры на звание «Нильсон фэмили». В будущем году.

Глаза женщины раскрылись в радостном изумлении, но потом лицо вдруг переменялось.

— Да, но моего мужа нет дома... — неуверенно произнесла она.

Но Чарли был начеку.

— Если вас выберут, — быстро произнес он, — вы сможете принять участие в составлении телепрограмм, которые будет смотреть вся нация. За это ваша семья будет получать чек на двести восемьдесят шесть долларов. Ежемесячно.

Двести восемьдесят шесть долларов? На лице женщины читалась внутренняя борьба. Время между тем истекало, Вапнер вот-вот должен

был появиться на экране. Интересно, надолго ли еще хватит Рэймонда?

— Может быть, когда мой муж...

Чарли отрицательно покачал головой, перебивая ее:

— Мы больше не приедем в этот район, мэм. — Слова его звучали, как окончательный приговор. — Если вы так заняты, что не можете уделить нам внимания, мы поедем к другим кандидатам.

Раздираемая противоречивыми чувствами, женщина прикусила губу. Двести восемьдесят шесть долларов — это очень соблазнительное предложение, особенно при том, что на полях от засухи вянет урожай. Но если ее Дрейк узнает, что она пустила в дом чужих, он будет зол как черт.

— Все, что нам нужно, — бодро заверил ее Чарли, — это проверить исправность вашего телевизора. И посмотреть какую-нибудь программу. Это совсем недолго.

— Насколько недолго?

Чарли услышал за спиной угрожающие звуки.

— Недолго, — повторил он.

— Насколько недолго? — снова спросила она.

Звуки стали громче.

— Тридцать минут. Этого требу...

Теперь женщина смотрела поверх его плеча, пытаясь разглядеть, что происходит за его спиной. Чарли поспешно подвинулся в сторону, чтобы загородить Рэймонда. Он сам не знал, что за чертовщина происходит сзади, но, чтобы там ни было, вряд ли это было нормально.

— Кто он? — поинтересовалась домохозяйка.

Чарли не рискнул обернуться, просто не смог себя заставить. Он почувствовал, что покрывается холодным потом.

— А, это мой партнер, мистер Бэйнбридж. Он занимается показательными просмотрами.

Выражение любопытства на лице женщины тем временем сменилось тревогой. Чарли понял, что Рэймонд за его спиной выкинул что-то особенно выдающееся.

— Он делает это для... — Он запнулся. Поздно. Женщина, как зачарованная, не отрывала глаз от Рэймонда, наблюдая за каждым его движением. Вздохнув, Чарли неохотно обернулся.

Рэймонд спасался от ужасающей реальности, в которой за девяносто секунд до Вапнера у них еще не было телевизора, на воображаемом бейсбольном поле. Рэймонд Бэббит снова был бейсбольной звездой. Его неловкие руки сжимали мяч, его глаза перебегали с базы на базу, контролируя игроков. Три и два не засчитаны. Как в прошлый раз.

— Мяч не засчитан, — шептал он.

Чарли беспомощно поглядел на Рэймонда. Дерьмо! Он повернулся, но хозяйка захлопнула дверь перед его носом. Он не винил ее. Он сам поступил бы так же, увидев, как псих вроде Рэймонда, играет в бейсбол у его крыльца. Но, помимо раздражения, он вдруг почувствовал острую жалость к Рэймонду. И это взбесило его еще больше.

— Все! Игра окончена! Приплыли! — злобно заорал он на Рэймонда. — Не посмотришь ты свою передачу!

Тусклые глаза Рэймонда вращались, вылезая из орбит, он подпрыгивал на месте, попеременно поджимая ноги. Он не мог поверить тому, что сказал Чарли. Не будет Вапнера? Это же конец света! Нет, это невозможно. — Он посмотрел на часы:

— Ну вот, это... это...

— Одна минута до Вапнера, — подтвердил Чарли. — И ты сам все изгадил. Ты сам во всем виноват, приятель. Я все сделал. Ты бы уже сидел у телевизора, жевал бы кукурузные хлопья и любовался на своих истцов и ответчиков. А теперь ты остался с носом, потому что...

Но Рэймонд был уже не в состоянии что-либо слушать. Он понял только, что он не посмотрит Вапнера, что Вапнера не будет, и полностью потерял контроль, забившись, как раненый зверь в нору, в темные глубины своего сознания. Он продолжал бормотать, сам не понимая что:

— Это... будет... будет... будет...

Не в силах пробиться наружу, не в силах объяснить Чарли ужас всего происходящего, что весь его мир рушится и он вместе с ним, Рэймонд вытянул руки и хлопнул в ладоши. Один раз, два, три... Взбесившийся тюлень. Он хлопал и хлопал не в силах остановиться.

Чарли понял, что надо действовать, и немедленно. Его брат погибал прямо на глазах, раздираемый на клочки острыми зубами безумия. Чарли повернулся к двери и постучал. Дверь немедленно

открылась. Видимо, женщина стояла за дверью, наблюдая за Рэймондом в глазок.

— Я соврал вам, мэм, — быстро сказал Чарли. — Я очень сожалею. Этот человек... Этот человек, ну... Он мой брат.

Женщина переводила взгляд с обезумевшего тюленя на симпатичного парня, стоящего перед ней.

— Ваш брат? — подозрительно переспросила она.

Чарли кивнул.

— И если через тридцать секунд он не увидит «Правосудие для народа», с ним будет припадок. Прямо на вашем крыльце. Помогите нам, или это будет на вашей совести.

Женщина подумала.

— Мы сами любим «Колесо Фортуны», — сказала она наконец. — Вы думаете, это ему поможет?

Через пятнадцать секунд Рэймонд, как и было обещано, сидел перед телевизором, и председательствующий судья Вапнер вершил суд на настоящем процессе, и мир опять собрался воедино. И черт с этим «Колесом Фортуны».

Чарли облегченно вздохнул. Катастрофа была предотвращена, и он получил незабываемый урок. Никогда, никогда, НИКОГДА не позволять Рэймонду Бэббиту отходить от работающего телевизора, если до выхода в эфир «Правосудия для народа» осталось меньше пятнадцати минут. Меньше всего на свете Чарли хотел бы увидеть еще раз нечто подобное.

Пока Рэймонд Бэббит, уютно устроившись перед телевизором, поглощал соленые сухарики (кукурузных хлопьев в доме не нашлось) и восхищенно смотрел на Вапнера, и пока мать, которую, как оказалось, звали Ева, и ее трое детей, рассеявшиеся на диване, так же восхищенно смотрели на Рэймонда, смотрящего на Вапнера и делающего пометки в зеленом блокноте, Чарли Бэббит пошел на кухню заняться делами.

Он должен был быть в Лос-Анджелесе через три часа после своего последнего звонка. Но это было два дня назад, а он добрался только до Оклахомы. В одиночку ему было бы проще. Но Рэймонд требовал больше остановок, чем четырехлетнее дитя, — он хотел то есть, то пить, то смотреть телевизор. Чарли потерял всякую связь с Лос-Анджелесом, и сейчас ему позарез нужен был Элдорф, его

механик. Кредиторы подождут. Ленни сможет еще немного поводить их за нос. Что касается Сюзанны, рана еще слишком свежа, с этим он разберется позже.

Чарли набрал номер Элдорфа. Механик долго не подходил к телефону, и Чарли занервничал.

Наконец Элдорф взял трубку. Новости была хуже некуда. Топливных адаптеров для «ламборгини» еще не было.

— Черт бы побрал эти вонючие адаптеры! — орал Чарли в трубку, меряя шагами кухню. — Это же копеечная деталь! И из-за них я теряю денег больше, чем ты когда-нибудь...

Элдорф принялся многословно оправдываться.

Чарли вздохнул. Это дело требовало его присутствия. Он взглянул на свой «ролекс». До встречи с доктором Шиллингом оставалось чуть больше тридцати минут и добрых полчаса езды до Талсы. Если они опоздают, психиатр не будет ждать. А Чарли жизненно необходима его консультация, ведь его адвокат в Лос-Анджелесе уже предпринимает необходимые шаги.

— Короче, ты позвонишь в справочную, понял? Узнаешь телефоны каждого долбаного механика в Штатах и Канаде, если понадобится. Заплати сколько потребуется. У кого-нибудь они найдутся.

Дерьмо! Он должен был сплавить эти машины в Орегон неделю назад. Тогда у него еще был шанс. Теперь он спекся.

Теперь не хватало только опоздать на прием к доктору Шиллингу. Тогда ему придется совсем солоно. Из гостиной донесся голос судьи Вапнера, выносящего последний на сегодня приговор:

— Взыскать в пользу истца, в соответствии с его заявлением, четыреста пятьдесят девять долларов.

Стук судейского молотка музыкой отозвался в ушах Чарли. Прекрасно. Эта чертова передача заканчивается, и им нельзя терять ни минуты. Чарли напоследок пригрозил:

— Сделай это. Или я убью тебя. — Он швырнул трубку и бросился в гостиную.

— Я использовал свою кредитную карточку, ничего? — солгал он Еве.

Когда она получит счет от телефонной компании, Чарли Бэббит будет наслаждаться папочкиными денежками далеко-далеко отсюда.

— Прекрасный приговор, — сердечно сказал он Рэймонду. — Спасибо, Ева. Спасибо, дети. Пойдем, Рэй, скажи спа...

— Ну вот, — неожиданно произнес Рэймонд, — после рекламной паузы мы возьмем интервью у участников процесса.

Чарли замотал головой:

— Уже все, Рэй. Она выиграла. Парень оказался подонком. Он заплатит за это. Все ясно.

Рэймонд молча посмотрел на Чарли. Чарли уже запомнил, что означает этот взгляд. Он был чреват тяжелыми последствиями.

— Мы опоздаем в Талсу, Рэй, — быстро заговорил Чарли. — Это очень важно. Доктор не будет ждать...

— Мы попросим... попросим... участников процесса... прокомментировать...

Чарли услышал глухое рокотание подземного вулкана и, закрыв глаза, живо представил себе картину предстоящего извержения.

— Рэй, — почти умолял он. — Я нашел телевизор. Ты посмотрел передачу. Я прошу тебя о маленьком одолжении. Маленький компромисс...

— Прокомментировать сегодняшнее... заседание, — с трудом закончил Рэймонд. Глаза его косили.

Чарли понял, что извержение может разразиться в любую минуту.

— Конечно, — холодно сказал он.

Он ненавидел Рэймонда в эту минуту, ненавидел так, как никого и никогда раньше. Он был беспомощен и знал это. А сейчас он догадался, что Рэймонд также это знает.

— Смотри сколько влезет.

Рэймонд подвинулся к телевизору, чтобы лучше видеть, положил очередной сухарик в рот и разгрыз его с победным хрустом.

* * *

Все тридцать пять миль до Талсы Чарли вжимал педаль газа в пол. Они доехали за двадцать две минуты. Благодарение Богу, что они не налетели на дорожный патруль и не подвел «бьюик».

Чарли резко затормозил напротив входа в больницу и выскочил из машины. Обежав ее, он распахнул дверцу и вытащил Рэймонда, —

Быстро через дорогу! Доктор ждет!

Рэймонд поплелся через дорогу своей обычной шаркающей походкой. Внезапно Чарли остановил его.

— Стой. Подойди сюда, Рэй.

Чарли расстегнул ремень на его брюках и подтянул их вверх, так, как обычно носил Рэймонд.

— Так гораздо лучше. Пошли.

Глава восьмая

Доктор Шиллинг еще ждал их. Было всего три минуты седьмого — вряд ли это можно назвать серьезным опозданием. Чарли и врач представились и пожали друг другу руки.

Тем временем Рэймонд бродил по кабинету, разглядывая его со своей обычной безучастностью. Бог знает, что именно привлекало его внимание, что именно запечатлевалось в его бездонной памяти?

Когда Рэймонд дошел до большого стеклянного аквариума, в котором плавали сиамские бойцовые рыбки, он остановился, достал тетрадку, на этот раз черную, и замер, пристально глядя на рыбок и занося наблюдения в блокнот.

— Это мой брат, — сказал Чарли. — Он аутист.

Он чуть не сказал аутистичный феномен, но что-то — он не знал точно что — заставило его удержаться. Он не слишком много знал об этой стороне жизни своего брата, о его способностях, но чувствовал, что именно гениальность брата заинтересует доктора Шиллинга больше, чем Чарли того бы хотел. Ему нужно лишь получить ответы на пару вопросов, и они сразу же уедут. У Чарли нет времени слоняться по Талсе, пока Рэймонд, утыканный электродами с ног до головы, будет проходить обследование.

Но он рассказал психиатру почти все, что знал о Рэймонде — о его припадках, когда он играет в бейсбол, о записях в многочисленных блокнотах, о том, как он ест, насаживая крохотные кусочки пищи на зубочистки, о судорожной дрожи и паническом бормотании, и о том, что Рэймонд не может жить без программы «Правосудие для народа».

Маститый, аккуратно подстриженный и очень хорошо одетый, доктор Шиллинг выглядел весьма профессиональным врачом. Но в его глазах таилось нечто, не внушавшее Чарли доверия, и голос его был чересчур уж вкрадчивым.

— Рэймонд, тебе нравятся рыбки? — спросил он.

— Бедняжки, — отозвался Рэймонд, не отрываясь от записей.

— Рэй...

Но психиатр быстрым жестом прервал Чарли. Пусть Рэй говорит то, что хочет. Что бы ни пришло ему в голову. Иначе зачем они здесь?

— И чем я могу вам помочь? — Врач обращался к Чарли, но взгляд его был направлен на Рэймонда.

Глаза Чарли сузились, он на мгновение задумался. Насколько он должен быть откровенен? Видимо, больше, чем ему хотелось бы.

— Мой адвокат сказал, что все эти дела об опекунстве... короче, все зависит от того, что некий психиатр рекомендует суду.

Чарли старался выглядеть, как заблудившийся в лесу ребенок, юный и очаровательный, невинный и безобидный.

Мгновенно все поняв, Шиллинг кивнул. Вряд ли речь идет о братской любви. Здесь замешаны деньги, возможно, очень большие деньги.

— Ну и?.

— Я заплачу вам. За консультацию.

— За консультацию, — повторил психиатр, пристально глядя на Чарли ничего не выражающим взглядом.

— Да. — Чарли решил идти ва-банк, даже если это плохо кончится. — Скажите, о чем его будет спрашивать эксперт, чего следует избегать?

Доктор Шиллинг пожал плечами и улыбнулся:

— Откуда мне знать?

— А о чем бы вы его спросили? — настаивал Чарли.

— Нравятся ли ему рыбки?

— И что это вам даст?

— Он их жалеет... Послушайте, здесь нет готовых рецептов, мистер Бэббит. Что вы еще хотите узнать?

Чарли глубоко вздохнул и решился. Он выложит карты на стол.

— Как выиграть процесс?

— Ты веришь в чудеса, сынок? — мягко спросил психиатр.

Это было совсем не то, чего ждал Чарли Бэббит.

— Послушайте, время дорого. И оно уходит.

Доктор Шиллинг кивнул и улыбнулся, но улыбка его не была ни теплой, ни дружелюбной.

— Да, у вашего брата бывают эти... проявления беспокойства. Вроде того, что вы сейчас делаете со своими ногтями.

Чарли немедленно отдернул руку. Он опять, забывшись, начал грызть ногти и чувствовал себя неловко из-за того, что вновь попался

на этом. Он ненавидел эту идиотскую привычку, разрушающую его тщательно создаваемый имидж супермена.

— Его блокноты, игра в бейсбол, все эти ритуалы... Все это защищает его от приступов страха...

— Это я знаю, — раздраженно перебил Чарли. — Что дальше?

— Только в том случае, если он избавится от этих проявлений, эксперт может признать, что его состояние улучшилось. И решить, что...

— ... я хорошо на него влияю, — задумчиво закончил Чарли.

Врач снова кивнул:

— Вам надо доказать, что он стал более здоровым, нормальным и счастливым вне клиники. С вами.

— Значит, надо заставить его избавиться от этих дурацких штучек, да? — Задача не показалась Чарли такой уж сложной.

Психиатр язвительно рассмеялся.

— Если вам это удастся, — сказал он, — если вы за пару дней избавите его хотя бы от одного синдрома, я выдвину вас на соискание Нобелевской премии.

Чарли было ошетинилось, но решил не обращать внимания на колкости врача. У него не было на это времени.

— Ладно. Я попробую.

— Ну что ж, как будет угодно, — мягко согласился доктор. — Начните с простого. Пусть он хотя бы вставит... стержень.

Сексуальная метафора совершенно сбила Чарли с толку. Вставит? Рэймонд?! Шокированный, он оглянулся на Рэймонда. Его брат все еще увлеченно писал, не отрывая глаз от аквариума. Но страница оставалась чистой — в его ручке кончился стержень.

— Вы никогда не поверите, что мне пришло в голову, — улыбнулся Чарли психиатру.

Но доктор Шиллинг понял.

— Вы имеете в виду секс? — спросил он, скупно усмехнувшись. — Это представляет наибольшую сложность.

* * *

На долгом, утомительном пути от Талсы до мотеля в Техасе, где они в конце концов остановились, — по шоссе номер сорок четыре до Оклахома-Сити и по сороковому до Амарильо, — Чарли вновь и вновь обдумывал возникшую перед ним проблему. Дано: аутист Рэймонд. Требуется: изменить глубоко укоренившиеся в нем модели поведения. На первый взгляд не так уж страшно, но как вы будете менять то, чего не понимаете? У него было уже некоторое представление о том, как его брат реагирует на определенные ситуации, и он уже начал распознавать некоторые из ситуаций, вызывающих у Рэймонда психотическое состояние, но Чарли не имел ни малейшего понятия о том, почему Рэймонд ведет себя именно так.

Он припомнил, что рассказывал ему в Воллбруке доктор Брунер. Нет контакта. Вы не можете воздействовать на Рэймонда, потому что не имеете с ним связи. Механизмы, необходимые для формирования контактов с окружающими, у Рэймонда просто отсутствовали. Теперь Чарли начинал понимать, что все это значит. А если у вас с человеком нет элементарного контакта, как вы можете влиять на него?

День выдался долгим, утомительным даже для Рэймонда, который по пути частенько задремывал, да и вообще никогда не казался усталым.

Рэймонд даже сам выключил телевизор, не дожидаясь сеанса для полуночников, и собрался спать. Он чистил зубы в ванной комнате, когда Чарли вошел туда же, собираясь принять ванну — в этом дешевом мотеле не было даже душа.

Рэймонд извел уже полтюбика пасты, и пена капала с его рта, как у бешеной собаки. Но он продолжал взбивать, взбивать, взбивать пену щеткой, пока она не покрыла все вокруг. Его лицо, уши, даже брови скрылись под толстым белым слоем. Пена покрыла ручку зубной щетки, залила раковину, пятна пасты расплывались по полу у его ног. Рэймонд смотрел в зеркало, получая несомненное удовольствие от зрелища растекающейся, пузырящейся пены.

— Рэй, — запротестовал Чарли, почувствовав, как его желудок выворачивается наизнанку.

Но Рэймонд не обращал внимания. Он выдавил очередную порцию пасты и принялся орудовать щеткой с еще большим остервенением.

— Тебе нравится чистить зубы, — заметил Чарли, встряхивая головой.

Никакой реакции. Рэймонд с головой ушел в свое занятие.

Это было больше, чем Чарли мог вынести. Длинный, трудный день за рулем, жирный гамбургер, который он съел за обедом, да еще это отвратительное зрелище. Чарли стало дурно.

— Прекрати, пожалуйста, — не выдержал он, — ты выглядишь как законченный психопат. Если эксперт в Калифорнии увидит это, он запрет тебя в дурдом и выбросит ключ.

Но Рэймонд лишь увеличил темп.

— Я сказал, прекрати! — злобно заорал Чарли. — Ты что, не понял?

Рэймонд не остановился, но промямлил что-то набитым пастой ртом. Чарли с трудом разобрал слова.

— Тебе это нравится, Чарли Бэббит.

— Черта с два!

— Ты говоришь: «Смешной Рэйн Мэн... Смешные зубы».

Чарли похолодел. Неужели он не ослышался? Смешной Рэйн Мен... Смешные зубы... Рэйн Мен? Человек Дождя?!

— Что ты сказал? — настойчиво спросил он, пристально глядя на Рэймонда.

— Смешной, — мямлил Чарли сквозь слой пены.

— Ага, кто смешной?

— Смешные зубы.

— Нет, — твердо сказал Чарли, — не зубы. То, что перед этим.

Но внимание Рэймонда уже переключилось на его собственные зубы. Он снова разглядывал себя в зеркале, взбивая и взбивая пену. Чарли подошел к раковине, нашел в аптечке пару неизбежных «гигиенических» стаканчиков, распечатал упаковку одного из них, наполнил его водой и протянул Рэймонду:

— Держи.

Рэймонд посмотрел на него так, словно в жизни не видел стакана с водой.

— Прополощи! — скомандовал Чарли. — И сплюнь!

Всучив стакан Рэймонду, он отобрал у него перепачканную зубную щетку. Рэймонд стоял, сжимая стакан, как врага, который может в любую минуту вырваться.

— Ну! — рявкнул Чарли.

Судорожно хлебнув воды, Рэймонд с трудом проглотил ее и посмотрел на Чарли, ожидая одобрения. Не зная, плакать ему или смеяться, Чарли кивнул. Это лучше, чем ничего. Рэймонд снова глотнул. Его рот и подбородок стали чистыми, хотя остальное лицо было по-прежнему в пасте.

Очень осторожно Чарли отобрал у Рэймонда стакан и аккуратно поставил его на край раковины. Он не хотел пугать брата, во всяком случае сейчас.

— Мне нравится... когда ты чистишь зубы, — подсказал он. — Я говорю...

Но Рэймонд не подхватил реплику. Он молчал.

— Смешной Рэймонд — почти прошептал Чарли, не отрывая взгляда от его лица.

— Ты не умеешь говорить Рэймонд. — Его брат произнес это, как нечто само собой разумеющееся. — Ты еще маленький. Ты говоришь Рэйн Мен. Смешной Рэйн Мен.

Воспоминания захлестнули Чарли Бэббита. Воспоминания не о происшествиях и событиях, а о чувствах и ощущениях, давно забытых ощущениях. Ощущениях любви и душевного комфорта, которых он не испытывал вот уже более двадцати лет. Он стоял в ванной, оглушенный как обухом по голове.

— Ты... ты Человек Дождя? — наконец выдавил он. Чарли не знал, что думать. Человек Дождя не существует, это всего лишь выдумка маленького Чарли.

Порывшись в кармане, Рэймонд вытащил свой бумажник. Самодельный, из тех, что так часто мастерят на бесконечных занятиях трудовой терапией. Два кусочка искусственной кожи с дырочками по краям, скрепленные неровными стежками непослушных рук.

Бережно и осторожно Рэймонд вытащил из бумажника свое самое ценное сокровище и благоговейно протянул его Чарли.

Это была фотография. Потрескавшаяся и потрепанная по краям, словно от того, что ее постоянно носили с собой. Собственно, так оно и было.

Чарли взял ее и стал рассматривать. На фотографии был изображен молодой человек лет восемнадцати, аккуратно

подстриженный и темноглазый. Лицо его было строгим. Он пристально смотрел в камеру. Чарли узнал его.

На коленях молодого человека сидел пухлый карапуз, закутанный в одеяло. Не могло быть никаких сомнений. Ребенком был Чарли Бэббит, молодым человеком — Рэймонд Бэббит. Братья.

— Это папа подарил. Сам, — гордо сказал Рэймонд.

Чарли не мог оторвать глаз от фотографии. От изумления он почти лишился дара речи. Он и Рэймонд. Чарли и Рэйн Мен. Чарли и Человек Дождя.

— А ты... жил с нами? Тогда?

— Это ты жил с нами, — ответил Рэймонд, то ли передразнивая Чарли, то ли понимая, что он, как старший брат, имеет законное превосходство.

Опустившись на край ванны, Чарли продолжал рассматривать снимок, пытаясь навести порядок в собственной голове.

— Когда., когда ты уехал? — спросил он внезапно севшим голосом.

— Это был четверг, — сказал Рэймонд, словно подсказывая.

Четверг? Чарли удивленно посмотрел на брата.

— На улице шел снег. На завтрак был сливочный пудинг. Ты выплюнул свой кусочек, и Мария дала тебе бананов и молока. И она осталась с тобой, когда папа повез меня домой. Двадцать первое января. 1965 год, Четверг.

— Господи, — выдохнул Чарли. — Это же когда умерла мама. Сразу после Нового года.

— У тебя было одеяло. И ты махал мне из окна. До свидания, Человек Дождя. До свидания, Человек Дождя. Вот так. Четверг.

Из глубины его памяти эхом пришел слабый отклик. Он увидел... он вспомнил... снег. И такой знакомый и уютный запах старого одеяла. И то, как он махал из окна, и то, как потом плакал. Горько плакал из-за Человека Дождя. Он ждал его, но Человек Дождя все не приходил. Он никогда больше не вернулся, и Чарли вырос и решил, что он его сам придумал.

Чарли посмотрел на Рэймонда, словно впервые увидел его. Да так оно и было. И он увидел на его лице черты другого, давно забытого лица восемнадцатилетнего юноши, черты, когда-то дорогие и

любимые, теперь искаженные до абсурда слоем зубной пасты и отсутствием выражения.

— Ты закутывал меня, — прошептал Чарли, вспоминая, — в это одеяло. И пел мне.

Мгновение Рэймонд смотрел на Чарли, словно не понимая, о чем идет речь. Затем очень тихо, но почти совсем правильно он начал напевать:

She was just seventeen.
You know, what I mean.
And the way she looked was way beyond compare...

So how could I dance with another... —

подхватил Чарли.

— У-у-у, — тянул Рэймонд, неуклюже копируя фальцет Джона Леннона.

When I saw her standing there, — закончили они вместе.

Ты понимаешь, что я имею в виду.

И она была несравненна.

Так как же я могу танцевать с другой, Когда я видел ее, стоящей там?

Группа «The Beatles», песня «I saw her standing there», альбом «The taste of honey»...

Песня оборвалась. Чарли, все еще не пришедший в себя от изумления, молчал. Он смотрел на своего брата, прошедшего двадцать четыре года в лечебнице, брата, которого он когда-то так любил всем своим детским сердцем, а потом забыл и превратил во что-то воображаемое.

— Мне нравилось, когда ты пел, — просто сказал он Рэймонду.

Рэймонд посмотрел в его глаза, и Чарли вдруг почувствовал, что он пробился к нему, что был момент истинного контакта и понимания... Но Рэймонд отвернулся к раковине, взял щетку и стал выдавливать на нее пасту. Контакт был утрачен, словно его и не было.

Чарли бережно положил фотографию на край ванны и повернул кран. Он заткнул пробкой сливное отверстие, и ванна начала наполняться.

— Нет, нет, нет, нет, нет! — Испуганный голос Рэймонда прерывался от какого-то непонятного, невыразимого ужаса.

Чарли быстро обернулся.

Рэймонд уставился на прибывающую воду, его глаза расширились от страха.

— Нет! Нет! — продолжал выкрикивать он.

— Успокойся, Рэй, — приказал Чарли. — Что «нет»?

— Потому что нет. — Рэймонд сцепил руки, его тело задергалось.

Чарли распознал все признаки надвигающейся паники. Нужно погасить припадок, пока Рэймонд не пошел вразнос.

— Что «потому что»? — настаивал он. — Рэй, скажи мне, что «потому что»?

— Потому... потому... потому... — блеял Рэймонд. Затем внезапно изменившимся голосом, низким и угрожающим, он прорычал: — Что ты делаешь?

Рэймонд испустил долгий, леденящий душу, отчаянный крик и прыгнул прямо в ванну, пытаясь руками остановить поток воды, в панике забыв о том, что можно закрыть кран. Струи воды били во все стороны, окатывая стены, потолок, Чарли, насквозь вымочив Рэймонда.

Мгновение Чарли стоял как парализованный, затем опомнился и попытался оттащить Рэймонда от крана.

Но Рэймонд внезапно стал невероятно силен. Он вырвался и схватил Чарли за рубашку. В его глазах сверкало бешенство.

Незнакомым, пугающим голосом он кричал:

— Нет! Нет! Это кипяток! Ты обожжешь его!

Рэймонд стал трясти Чарли с такой силой, что его рубаха начала трещать по швам.

Рэймонд встряхивал его снова и снова, пока голова Чарли не начала мотаться, как у тряпичной куклы, взад и вперед. И все это время он рычал изменившимся, исполненным ненависти голосом:

— Никогда! Никогда! Что ты делаешь? Ты хочешь убить своего брата? Я говорил тебе... я говорил тебе... я говорил тебе... я говорил...

Голос его слабел, рывки прекратились. Испуганно глядя на Чарли, он легко отпустил его рубаху. Его сотрясала мелкая дрожь, гнев полностью оставил его, и он выглядел как перепутанный ребенок.

Какую-то минуту он не был Рэймондом, он был своим отцом. Это обвиняющий голос Сэнфорда Бэббита рвался из его горла. И Чарли, открывший воду, был не Чарли, а Рэймондом, Рэймондом в тот ужасный день двадцать четыре года назад, когда «это» произошло. А в ванне, невидимый, но от этого не менее реальный, сидел маленький ребенок, Чарли, которому было всего два года. А вода была горячая, слишком горячая.

Теперь Чарли все это понял. Все это вспомнил. Восемнадцатилетний юноша, который хотел искупать маленького брата, но не знал, как регулировать воду. Который не имел понятия о том, что воду надо сначала пробовать. Аутист, который не имел никакого злого умысла, а хотел только воспроизвести действия своей матери Элеоноры, только что вознесшейся на небо. Элеонора сажала маленького Чарли в ванну. Открывала воду... Но вода была горячей, слишком горячей. Недостаточно горячей, чтобы обжечь его, но достаточно горячей, чтобы маленький Чарли закричал.

А отец, вбежав на крик и увидев все это, пришел в бешенство. Отец, который только что потерял жену, чей первый сын страдал аутизмом и был полностью оторван от реальности, чей второй сын был еще ребенком, ребенком, который плакал, потому что Человек Дождя пустил в ванну воду, слишком горячую для его нежной кожи.

И Рэймонд, чьим благословением и проклятием была феноменальная память, запомнил до последнего слова ужасные слова, которые выкрикивал в тот день его отец. И теперь, двадцать четыре года спустя, они всплыли из глубин его несчастного больного мозга при виде этой страшной картины — Чарли Бэббит и наполняющаяся водой ванна.

И Чарли, который всегда презирал неудачников, никогда никого не жалел, поняв все это, почувствовал острую жалость к брату. Он осторожно протянул руку и погладил Рэймонда по голове.

— Все в порядке, — ласково сказал он, — все в порядке. Я не обжегся. Со мной все в порядке.

От прикосновения Чарли Рэймонд окаменел. Нельзя его трогать. Ни в коем случае нельзя его трогать. Чарли поспешно отдернул руку.

— Ты обжегся, — сказал Рэймонд тихим, придушенным голосом. — И ты был... маленький ребенок. Обжегся. И я уехал... в мой дом. — Он отворачивался от Чарли, глядя поверх его плеча.

— Нет, Рэй, — с силой сказал Чарли, пытаясь поймать взгляд Рэймонда, пытаясь установить контакт. — Я не обжегся. Он был просто дерьмом. Посмотри на меня. Посмотри на меня. Пожалуйста. Это случилось, когда умерла мама. И поэтому этот ублюдок выгнал тебя.

Но Рэймонд все также глядел через плечо Чарли остановившимся взглядом.

Чарли обернулся и увидел, что вода продолжает течь. Пугающая струя воды, заполняющей ванну. Чарли бросился к крану и закрыл воду.

Когда он обернулся, то увидел, что Рэймонд стоит на коленях на мокром кафельном полу. Руки его были прижаты к груди, глаза пусто смотрели на кран, теперь закрытый.

— Рэй? Рэй? Я ее выключил. Все в порядке.

Но Рэймонд был словно в другом измерении. Вновь воскрешенная травма двадцатичетырехлетней давности оказалась слишком тяжелым испытанием, и он выключил себя так же, как Чарли — воду, погрузившись в ледяной мир своего безумия. Он дрожал, его зубы стучали, он раскачивался взад-вперед, взад-вперед, словно пытался согреться. Взгляд его застыл на кране.

— О Боже! — воскликнул Чарли, встревожившись. — Тебе холодно, Рэй? Одну секунду.

Он метнулся в спальню и огляделся в поисках чего-нибудь подходящего, затем сорвал одеяло с кровати и бросился обратно в ванную комнату. Опустившись на колени рядом с Рэймондом, он бережно укутал его.

Когда Рэймонд почувствовал грубую, теплую шерстяную материю, укрывшую его со всех сторон, ему стало немного легче. Дрожь прекратилась. Затем, чуть позже, он перестал качаться. Но он по-прежнему не отрываясь смотрел на водопроводный кран, словно этот кран обладал какой-то недоброй магической силой, околдовавшей его. Через несколько секунд началось его бормотание. Бормотание. Бормотание. Бормотаниебормотаниебормотаниебормотание. Мантра безумия.

— Что ты шепчешь, Рэй? — мягко спросил Чарли. — Секретные мысли? — Он придвинулся к брату еще ближе, чтобы лучше слышать.

— Ч-а-р... л-и... — шептал Рэймонд по слогам, — Ч-а-р... л-и...

Снова и снова. Спасительная молитва. Волшебное имя. Чарли замер, пораженный прямо в сердце острым приступом жалости. Ему хотелось обнять брата и прижать к себе, но он знал, что подобные жесты очень путают Рэймонда.

Не трогать. Ни в коем случае нельзя его трогать. Но он должен что-то делать, он должен как-то привести его в порядок. Чарли начал петь:

She was just seventeen.
You know, what I mean.
And the way she looked was way beyond compare.
So how could I dance with another...

Рэймонд перестал бормотать, его глаза наконец оторвались от крана.

When I saw her standing there, —

допел Чарли.

Он внимательно посмотрел на брата, и ему показалось, что напряжение отпускает Рэймонда, хотя он по-прежнему был заперт в собственном мире, за пределами досягаемости.

«Господи, — мелькнуло в голове у Чарли, — какая ирония! Кто из нас теперь Человек Дождя? И кто ребенок, завернутый в одеяло, которому он поет песни? Человек Дождя, Человек Дождя... я люблю тебя».

Только Рэймонд не умеет любить. И никогда не научится любить. Вот и вся разница.

* * *

Было уже поздно, очень поздно. Рэймонд храпел в своей кровати, а Чарли лежал без сна, курил и думал. Точнее, не столько думал, сколько старался прогнать свои мысли. Чарли никогда в жизни так не уставал. У него болело все тело. Ощущение было такое, как будто его избили не только снаружи, но и изнутри и все его внутренности теперь в синяках. Это была самая тяжелая ночь в его жизни, даже тяжелее тех самых первых ночей, когда он только что покинул родительский дом и чувствовал себя таким испуганным, каким только может быть ребенок, у которого нет дома, мамы и папы.

Ему было больно и одиноко. Он нуждался в чем-либо сочувствии. Чарли Бэббит никогда ни в ком не нуждался, у него не было постоянных привязанностей, он пользовался людьми как вещами, он заказывал музыку и объявлял танец, но никогда не расплачивался с музыкантами. И теперь этот самый Чарли Бэббит признался себе, что ему нужен кто-то, кого он мог бы любить и кто любил бы его. Ему нужна была Сюзанна.

Действительно поздно, но в Санта-Монике сейчас на час меньше. Чарли придвинул к себе телефон и набрал номер Сюзанны.

В трубке раздались длинные гудки, и сердце Чарли забилося сильнее.

— Да?

— Это я, — тихо сказал он.

Ответа не было.

— Ты не повесила трубку. Значит ли это, что мы желанны?

Сюзанна не торопилась проглатывать наживку.

— Как твой брат? — спросила она наконец.

— Ну, ты же знаешь Рэя. Это просто праздник какой-то.

На это Сюзанна не ответила. Если он не желает быть серьезным...

— Я... я просто хотел услышать, что еще не все потеряно, — сказал Чарли в трубку.

Если бы только встретиться с ней лицом к лицу, поговорить, не завися от этих проклятых проводов. Если бы только он мог обнять ее, ему бы удалось уговорить ее вернуться. Сюзанна молчала, и он добавил:

— Я боюсь... Я очень боюсь этого. — Затаив дыхание, Чарли сильнее прижал трубку к уху, чтобы не пропустить ни звука.

Сюзанна вздохнула:

— Не спрашивай меня сегодня, Чарли. Тебе не понравится мой ответ. Пусть все это уляжется.

Чарли горько усмехнулся:

— Не очень-то я умею ждать, пока все уляжется.

— Ты многого не умеешь, — отрезала Сюзанна с той же горечью.

Она была обижена, обижена всерьез, и вовсе не рвалась обратно на ринг, чтобы провести еще один раунд с этим чемпионом-костоломом. По крайней мере, пока она не исцелится от страха.

— Ага, понятно, — с трудом выговорил Чарли. — Я возьму у Рэя блокнот. Начну вести список.

Он ждал, что Сюзанна отреагирует на эту жалкую шутку, но она вновь промолчала, и он внезапно выпалил:

— Я... хочу стать опекуном Рэя. Через суд. Для начала мы пройдем медицинскую экспертизу. Как только приедем.

В своем ли он уме?!

— Чарли, ты не сможешь выиграть процесс. Ни одного шанса на миллиард.

— Я выиграю. Я должен.

— Доктор Брунер наблюдает его более двадцати лет. Ты знаешь его четыре дня. Ты понимаешь, как по-идиотски все это звучит? — Она замолчала, не зная, кого больше жалеть, Рэймонда или Чарли. Но голос ее стал более доброжелательным. — Ты понимаешь это, милый? — грустно добавила она.

Она не поняла. Никто не понимает.

— Слушай, я позвоню тебе, как приеду. Хорошо?

Сюзанна не сказала «да», но не сказала и «нет». Чарли вдруг осознал, насколько это его радует.

— До встречи, — прошептал он и, положив трубку, убрал аппарат обратно на ночной столик.

Откинувшись на спину, Чарли поставил на грудь пепельницу. Он спокойно курил и смотрел в темноту.

В ванной комнате, на поверхности наполнявшей ванну воды, плавала фотография. Она была поблекшей и потрескавшейся, но изображение оставалось четким. Серьезный молодой человек лет восемнадцати и завернутый в одеяло ребенок. Братья.

Глава девятая

Пора было купить Рэймонду что-нибудь новое из одежды. Его единственные брюки и рубашка сильно загрязнились, а белье приобрело непривлекательный серый цвет. Но деньги кончались.

Чарли экономил изо всех сил. Однако «бьюик», сделанный в 1949 году, пожирал бензин, как и в старые добрые доОПЕКовские времена. Номера в мотелях тоже не дешевы. Но дороге всего обходилось питание и постоянно поглощаемые Рэймондом лакомства. Рэймонд выглядел просто счастливым, если это можно так назвать, когда открывал очередной пакетик чипсов или сырных палочек. Банковский счет Чарли катастрофически уменьшался, и, когда он в последний раз воспользовался своей электронной карточкой, автомат отказался давать ему деньги. В следующий раз автомат, пожалуй, выплюнет карточку ему в лицо и посадит под арест.

Сейчас они жили на кредитную карточку «Голд Американ Экспресс», но Чарли не платил по счетам уже два месяца, так что и с кредитом дела обстояли хуже некуда. В любой момент карточку могли аннулировать, и что они тогда будут делать? Конечно, Чарли не обсуждал эти проблемы с братом. Даже если Рэймонд не поймет, а он наверняка не поймет, он все равно перепугается и замкнется.

В торговых рядах на окраине Альбукерке они нашли небольшой магазинчик, где одели Рэймонда с головы до ног. Новое белье и носки, модные хлопчатобумажные брюки и рубашка. Новая одежда, казалось, обрадовала его. Во всяком случае, примеряя вещи, он не уходил в себя и не устраивал сцен.

Отчасти чтобы порадовать брата, а отчасти чтобы предотвратить повторение ужасной сцены на крыльце фермерского дома, Чарли разорился на «Вотчмен», маленький телевизор фирмы «Сони», на кожаном ремешке, так что Рэймонд мог носить его с собой. Теперь, сказал Чарли, Вапнер у них всегда «в руках». Хотя Рэймонд не понял шутки, «Вотчмен» был воспринят с таким энтузиазмом, которого Чарли никогда не замечал за братом. Он почувствовал радость от того, что может доставить Рэймонду небольшое удовольствие.

Рэймонд вышел из магазинчика, одетый во все новое. Затем они зашли в расположенную неподалеку автоматическую прачечную, чтобы постирать старую одежду Рэймонда и кое-что из вещей Чарли. Усадив брата на скамейку перед стиральными машинами с пакетом чипсов в руках, Чарли отправился заправлять «бьюик». Когда он вернулся, Рэймонд сидел на том же месте, где он его оставил, и смотрел, как вещи крутятся в сушильном барабана. Снова и снова. Снова и снова. Чарли подошел и сел на скамейку рядом с братом. Рэймонд не оглянулся. Его взгляд был прикован к барабану.

— Слушай, ты должен избегать такого оцепенения, когда мы встретимся с медицинским экспертом, — отчитал его Чарли. — И такого взгляда. Если он увидит тебя таким, он снова запрет тебя в зверинец.

Но Рэймонд не слушал. Его мысли были где-то далеко.

— Посмотри на красную, — сказал он без всякого выражения, — она всегда падает одинаково.

Чарли посмотрел на крутящееся белье и заметил среди остальных вещей свою красную рубашку. Но он не увидел того, что было так ясно Рэймонду. Для Чарли белье было просто бельем, ни больше ни меньше. Он покачал головой, увидев маленький телевизор, стоящий рядом с Рэймондом на скамейке. Он был включен, экран светился, но звука не было. Чарли протянул к нему руку и выключил.

— Ты должен выключать эту штуку, когда не пользуешься ею, — увещевал он Рэймонда. — Если ты посадишь батарейки, что будет с Вапнером, а?

Рэймонд совершенно не слушал.

— Мамочка стирала наше белье, а мы смотрели на это, как сейчас. — Его голос был мягким, им овладели добрые воспоминания. Воспоминания, не вызывающие страха.

Мамочка...

Я не могу вспомнить ее, — тихо сказал Чарли. — Я пытаюсь. Иногда мне кажется, что мне почти удается, но я, наверное, просто вспоминаю ее фотографии.

— Я читал ей. Потихоньку. Каждый рассказ, — сказал Рэймонд.

Он все еще смотрел на барабан, не отрываясь от красной рубашки.

— Наверное, ты пел ей, да?

— Нет. Она пела мне. Я пел тебе.

Глаза Рэймонда следили за каждым оборотом. Снова и снова, — У-у-у, — затаил Чарли своим лучшим битловским фальцетом, пытаясь отвлечь Рэймонда от барабана, чтобы он подхватил песню. Если он не попытается изменить поведение брата, он может даже не надеяться на то, что эксперт поддержит его на судебном процессе. Но Рэймонда песня не заинтересовала. Он был занят только красной рубашкой, которая всегда падала на одно и то же место в барабане стиральной машины.

Чарли подвинулся к брату так близко, что почти касался его лица.

— Улыбнись мне. Убийственной улыбкой, — скомандовал он, улыбаясь сам.

Рэймонд поколебался, затем изобразил широкую улыбку, обнажившую зубы.

— Отлично, — аплодировал Чарли. — Теперь рассмейся. Своим лучшим смехом.

На этот раз Рэймонд колебался дольше, но в конце концов продемонстрировал свою версию смеха:

— Хе-хе-хе.

— Получается, Рэй! У тебя получается! — Чарли широко улыбнулся брату.

Рэймонд действительно делал успехи, и Чарли был чертовски доволен собой. Так держать!

— У тебя получается, Чарли Бэббит. Папа сказал.

Лицо Чарли исказилось от непрошенных воспоминаний об отце. Вновь его настиг непререкаемый авторитет отца... Получается. Как он ненавидел это слово, когда отец произносил его своим безапелляционным тоном.

— Да, — ответил он безучастно. — И еще одна маленькая просьба. Называй меня Чарли, ладно? Просто Чарли. Без Бэббита.

Рэймонд не ответил. Его глаза вернулись к барабану, его вниманием опять завладело вращающееся белье. Снова и снова.

— Красная, да? — Чарли подпер щеку левой рукой и посмотрел на крутящиеся в барабане вещи. Рэймонд точно так же поднял свою левую руку к щеке, и несколько минут они мирно сидели бок о бок на скамейке в прачечной, наблюдая за красной рубашкой, которая снова и снова, снова и снова падала на то же место.

Но у Чарли не было столько свободного времени, как у Рэймонда. Он бизнесмен, и его дело требует внимания. Оставив Рэймонда в одиночку наблюдать за рубашкой, Чарли зашел в телефонную будку на улице и набрал номер своего офиса.

— Ленни, это я.

— Я сижу здесь у телефона уже три часа, — обиженно заныл Ленни.

— Да, я прошу прощения. Я был... занят.

Как рассказать Ленни о Рэймонде?

— Мне пришлось купить... кое-что из одежды, и я задержался.

— Чарли, все пропало, — перебил Ленни. — Все пропало.

— Будь проще, парень. Я в Альбукерке. Я буду через...

— Вайят нашел машины. Он нашел их. Он забрал их. Они уплыли.

Чарли открыл рот и снова закрыл его. Что можно сказать, когда наступает конец света? Он чувствовал, как кровь стынет у него в жилах, а сердце превращается в гигантскую ледяную глыбу. Ленни был прав. Все кончено. Он закрыл глаза, не в состоянии думать ни о чем. Это все-таки случилось, а в голове было абсолютно пусто.

— Бэйтмен хочет назад свой задаток. Они все хотят. — Ленни пустился расписывать подробности катастрофы. — Это девяносто штук, Чарли.

Как будто ему нужно было об этом напоминать. Шесть раз по пятнадцать тысяч будет девяносто. Девяносто тысяч долларов. С таким же успехом это могли бы быть и девяносто миллионов. Даже девяносто миллиардов. Что из этого? У него нет этих денег. У него нет даже девяноста центов. Он был разорен, убит, обмыт и похоронен. Чарли Бэббит был мертвецом.

— Он сказал, что тебе не видать «ламборгини» как собственных ушей, — продолжал Ленни, делая на это особый акцент.

Чарли бросил его в этом аду, сбежал из города и находился вне пределов досягаемости, оставив его одного сражаться с огнем. Теперь настала очередь Чарли обжигаться, и Ленни не сказал бы, что был этим особенно расстроен.

— Он сказал, до пятницы. Что мне ему ответить?

Чарли словно услышал раскаты глухого хохота. Какая, к черту, разница, что Ленни теперь скажет Вайяту? Вайят поставил крест на

жизни Чарли. Дернул ручку и спустил его в унитаз.

— Скажи ему, что чеки отосланы, — сказал он и повесил трубку. Он живо представил себе свое будущее. Оно было безрадостным.

* * *

Чарли сидел, мрачно уставясь на тарелку с остывающей едой. Он слегка поковырял ее вилкой, но кусок не лез в горло. Он не был голоден. Он никогда больше не будет голоден. Мертвецы не едят. Он воткнул окурок в середину тарелки с жареным мясом и снова вздохнул.

В противоположность Чарли Рэймонд ел с удовольствием. Чарли разрезал ему гамбургер на крохотные кусочки, и он поглощал их один за другим, гораздо быстрее, чем обычно. У Рэймонда был хороший день. Новая одежда и «Вотчмен», чтобы смотреть Вапнера. Восхитительно долгая поездка на папиной машине по пустынному шоссе из Альбукерка в Джозеф-Сити в Аризоне. А сейчас они сидели в комфортабельной гостинице для шоферов, в большой современной столовой, и он поглощал прекрасно приготовленный гамбургер, к которому к тому же подали картофель «фри».

Чарли разрезал ему гамбургер и полил кетчупом. Рэймонду нравился вкус кетчупа, особенно с жареной картошкой.

Как раз неподалеку от их столика стоял небольшой музыкальный автомат. Там было много песен, сто сорок. Песни были записаны на четырнадцати пластиковых карточках, и чтобы послушать нужную песню, надо было опустить четвертак. Рэймонд, очарованный, быстро пробежал глазами пластиковые карточки.

Должно быть, кто-то опустил четвертак, потому что Рэймонд услышал пение. Женский голос. Пэтси Клайн пела «Сладкие грезы».

— E-19, — сказал Рэймонд.

Не понимая, Чарли посмотрел на брата. Пэтси Клайн. Ну и что? Потом до него дошло.

— Номер песни. B-19.

— E-19, — поправил Рэймонд.

Как это возможно? Рэймонд просмотрел карточки так быстро, что не должен был бы даже успеть прочесть их, не говоря уже о том, чтобы

запомнить. Никто не мог бы сделать это.

— Это та песня, которую мы слушаем?

— Эта песня. Которую мы слушаем.

Чарли смотрел на Рэймонда, кусая ногти, пока ему в голову не пришла идея, а в сердце не зародилась надежда.

— Закрой глаза руками. — Он показал как.

Рэймонд, который мог повторить любой простой жест, закрыл глаза руками. Чарли быстро просмотрел пластиковые карточки.

— «Игрок». Кенни Роджерс, — наобум назвал он.

— Г-12, — быстро и верно ответил Раймонд.

— «Разбитое сердце». Хенк Вильямс.

— «Твое разбитое сердце», — с серьезным видом поправил Рэймонд. — Хенк Вильямс-младший.

— Ладно, ладно. Какой номер?

— L-4, — Потрясающе! — Плохое настроение Чарли растаяло, как кубик льда на горячей плите. Широкая улыбка засверкала на его лице. — «Голубая луна Кентукки». Билл Монро.

— И «Блю грасс бойз». P-11, — быстро ответил Рэймонд.

Охренеть можно! И все это с закрытыми глазами! Он просто гений. Рэймонд Бэббит просто долбаный гений. «Замечательные способности, — говорил доктор Брунер. — Аутистический феномен». «За это надо выпить», — счастливо подумал Чарли. Эти «замечательные способности» спасут его бедную задницу.

— Рэй, братишка, давай немного повеселимся, — предложил он брату. — Ты когда-нибудь играл в карты?

Чарли купил три колоды покерных карт и вытащил из них джокеров. Используя капот «бьюика» как карточный столик, он разложил карты и показал Рэймонду картинки, чтобы познакомить его с мастями и достоинствами. Затем он перетасовал все три колоды вместе, сделав большую стопку карт, в которой было всего по двенадцать: двенадцать тузов, двенадцать двоек, двенадцать троек и так далее. Рэймонд смотрел на него восхищенным взглядом, очень серьезно.

— Ты смотришь внимательно? — требовательно спросил Чарли.

Рэймонд кивнул. Он смотрел внимательно.

— Ты готов?

Еще кивок. Рэймонд был готов. Тогда Чарли взял эту пухлую тройную колоду и начал бросать карты на капот машины лицом вверх с невероятной быстротой. Каждая карта была видна буквально секунду, ее немедленно прикрывала следующая сданная карта. Стопка карт росла. Сбросив чуть больше половины колоды, Чарли взглянул на Рэймонда и положил оставшиеся лицом вниз на капот.

— Итак, что осталось?

Рэймонд не колебался ни секунды:

— Девять тузов, семь королей, десять дам, восемь валетов, семь десятков..

Чарли поднял руку, и поток слов остановился. Невероятно. Черт побери, он же настоящий игрок! Гроза столов для игры в очко! Игорные дома будут поставлены на колени! Способности Рэймонда Бэббита приведут их хозяев в трепет. Они будут удерживать его подальше от столов, рассылать его фотографии в каждое казино Америки: «Вам известен этот человек?» А он, Чарли, сидел на золотой жиле и даже не догадывался об этом.

— Может, — счастливо промурлыкал Чарли, осознав его возможности. — Человек может. Ты сможешь повторить это? — спросил он Рэймонда.

— Сможешь повторить. Это.

— Тогда вперед? Садись в машину!

Когда Рэймонд устроился в «бьюике», Чарли утопил педаль газа в пол и они сорвались с места, как испугнутая птица. Карты, лежавшие на капоте, разлетелись по дороге. Они по-прежнему едут в Лос-Анджелес, но сначала небольшой крюк. Визит в Лас-Вегас, игорную столицу США, где Рэймонд Бэббит сможет быть «феноменом», а не «аутистичным феноменом».

* * *

Джозеф-Сити в Аризоне был не далее чем в ста милях от Лас-Вегаса. Меньше двух часов езды. Бьюик покинул сороковое шоссе и перебрался на девяносто третье, ведущее прямо в Вегас. Пока они ехали, Чарли объяснил Рэймонду правила игры. Он не боялся, что

Рэймонд с одного раза не запомнит, зная, что он не в состоянии забыть ничего из того, что когда-либо слышал или читал.

— Двадцать одно, запомни это. Это название игры. Они сдают карты из «башмака», но это только так называется. Это совсем не то, что надето у тебя на ноги. Так что не ожидай увидеть что-нибудь подобное. Самая важная вещь, которую нужно запомнить, это то, что казино обязано останавливаться на семнадцати. Банкомат не может прикупать карту, если он показал семнадцать. Если у банкомата семнадцать, а у тебя больше семнадцати, но меньше двадцати одного, ты выиграл. Понял?

— Понял.

— Если ты прикупил слишком большую карту и набрал больше двадцати одного, у тебя перебор. Ты проиграл. Деньги. Понял?

— Понял.

— Если ты прикупишь любую карту в десять очков — десятку, валета, даму, короля — к тузу, ты выиграл. Очко. Понял?

— Понял.

— Если ты хочешь, чтобы банкомат дал тебе еще одну карту, ты должен постучать по столу — вот так — или сказать: «Еще». Если ты не хочешь карту, тогда ты должен покачать головой или сказать: «Пас». Если ты набрал восемнадцать, ты пасуешь. Не пытайся даже прикупать, если у тебя восемнадцать или больше. Понял?

— Понял.

— И если ты будешь считать, какие карты уже сыграны, то узнаешь, что осталось в «башмаке», и сможешь определить, чем он набит — десятками или маленькими картами и поймешь, пасовать тебе или прикупать. Лучше прикупать и брать большие карты, чем пасовать с маленькими. То есть лучше, когда «в башмаке» много десятков. Понял?

— Понял.

— «В башмаке» будет одновременно, как минимум, три колоды. Может быть, четыре или даже пять колод. Ты должен сосчитать их все, вне зависимости от того, сколько там колод. Понял?

— Понял. Можно мне порулить, Чарли Бэббит?

— Нет. Слушай меня. И когда там останется много десятков и картинок, это хорошо. Для нас.

Чарли не спросил: «Понял?» — и Рэймонд не ответил.

— А ну-ка, повтори, — нетерпеливо сказал Чарли.

— Десятки — это хорошо. Десятки — это хорошо. Десятки — это хорошо. Десятки — это хорошо.

Рэймонд выглядел крайне довольным собой, может быть, потому, что Чарли был так доволен им.

— Точно. И ты должен поставить...

— Один, если плохо. Два, если хорошо.

— И, — пригласил Чарли, ожидая услышать самое важное из того, чем он прожужжал Рэймонду уши на протяжении последних десяти миль.

— Держать пасть закрытой. — Рэймонд открыл рот и, резко захлопнув его, посмотрел на Чарли, ожидая его одобрения.

Чарли кивнул.

— У игорных домов свои собственные законы. И самое главное то, что они не любят проигрывать. Так что ни в коем случае не показывай, что ты считаешь.

Рэймонд повернулся к брату и сказал:

— Я считаю, я считаю, я считаю, я считаю, ха!

— Если ты скажешь это в Вегасе, где любой тебя может услышать, мы никогда больше не увидимся. Никогда.

Рэймонд вжался в сиденье, обдумывая это. Приподнятое настроение улетучивалось из него, как из проткнутого воздушного шарика. Он выглядел таким пристыженным, что Чарли улыбнулся ему своей лучшей улыбкой, и Рэймонд, словно подхватив реплику, растянул губы в ответ.

— Чар... ли, — осторожно позвал он. — Чар... ли. — На этот раз это сильно отличалось от его маниакального бормотания.

* * *

Кто угодно может играть в лото или на игровых автоматах. Вы можете быть одеты в лохмотья, из ваших волос могут торчать перья. Вы можете быть безумны, как Болванщик и Мартовский Заяц, вместе взятые, — и вы все равно сможете играть в лото или на автоматах. Но если вы переступили порог казино и сели за стол, предназначенный для игры в очко, или баккара, или в одну из других джентльменских

игр с высокими ставками, вам не мешает выглядеть получше, выглядеть победителем, который может себе позволить проигрыш. В казино всюду есть глаза, и любые проявления ненормальности не приветствуются. Рэймонда могут раскусить с первого взгляда. Он не только ведет себя как пациент дурдома, он не так одет.

Ну что ж, одежда делает человека. И пока кредитная карточка Чарли действительна, он может поработать над внешним видом Рэймонда. Приличная стрижка и маникюр для начала. Новый костюм вместо мешковатой одежды из магазинчика готового платья. Начищенные туфли, И Рэймонд превратится из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

Но лебедь будет не меньшим шизофреником, чем утенок, поэтому будущее их было покрыто мраком. Достаточно одного взгляда в его глаза, пустые и пристальные, или, еще того хуже, вращающиеся и вылезавшие из орбит. Что тогда? Что, если Рэй устроит припадок прямо за карточным столом? Добрый, старый, непредсказуемый Рэй. С ним нужно держать ухо востро. Но у Чарли есть шанс. Пара приличных выигрышей, и они немедленно уедут. Он должен выиграть по крайней мере столько, чтобы отдать долг Вайяту и вернуть задатки покупателям. Иначе он никогда не сможет больше работать в Лос-Анджелесе. Может быть, ему удастся спасти сделку с машинами. Может быть, он даже вернется в Лос-Анджелес с набитыми карманами. Почему бы и нет? У многих это получалось. Все зависит от Рэймонда.

Когда они добрались до Вегаса, на город опустилась ночь и главная улица, Стрип, была залита огнями, милями и милями неона. Вращающиеся кости, вагонные колеса, фламинго. Неоновые буквы: «М-Джи-М Грант», «Сахара», «Дезертинн». Рэймонд никогда не видел ничего подобного, и его глаза почти выпрыгивали из орбит, он крутил головой из стороны в сторону, чтобы разглядеть все это сверкающее великолепие.

Ночь в дешевом отеле. Завтра они наведут на Рэймонда последний глянец, чтобы он в большом казино выглядел прилично. Затем завтрашняя ночь. Это будет большая ночь. Они отправятся в казино «Цезарь-Палас», и Рэймонд покажет себя.

Чарли вздохнул и покачал головой. Как жалко, что он не верит в Бога. Сейчас самое время помолиться.

Глава десятая

Чудеса все-таки случаются. То, что на следующее утро кредитная карточка Чарли оказалась действительной, было настоящим чудом. Она не только не была аннулирована, но с легкостью выдержала новое грандиозное испытание. В ателье полуфабрикатов Чарли подобрал два костюма новомодного итальянского покроя, похожих, как два близнеца — приталенных, двубортных, с высокими узкими лацканами, из лучшего английского сукна. Конечно, убийственно дорого, но совершенно необходимо.

Вместе с костюмами они приобрели две кремовые льняные сорочки и пару одинаковых зеленых галстуков: один для Рэймонда, другой для Чарли. Казалось, больше всего Рэймонду понравились галстуки, в особенности то, что его галстук был точно такой же, как у брата. Пока Рэймонд был поглощен внутренней борьбой, вызванной тем, что снова придется подпоясаться на талии, Чарли вырвал у портного обещание, что оба костюма будут полностью готовы в пять вечера, и ни минутой позже.

Нетрудно себе представить, какие чувства охватили Чарли, когда номер его кредитной карточки был введен в компьютер и он стоял, ожидая приговора. Денег оставалось ровно столько, сколько ему нужно для сегодняшней игры. Если кредитная карточка будет отвергнута или, хуже того, изъята, конец Чарли Бэббиту и его надеждам.

Но чудеса случаются. Все обошлось, карточка была пропущена. Уф! Дальше путь их лежал в классный мужской салон, где на облик Рэймонда были нанесены заключительные штриха. Дорогая стрижка, массаж лица, чистка ботинок. Рэймонд зачарованно наблюдал за процессом своего преображения, не произнося ни слова и не выказывая никаких признаков внезапной неуместной тревоги. Лишь горячее полотенце привело его в состояние, близкое к панике. Когда Рэймонд увидел его, сырое и испускающее пар, он весь вжался в сиденье, и один Бог знает, что произошло бы дальше, если бы Чарли не поспешил вмешаться.

— Не надо горячего полотенца.

— Но, сэр, это необходимо, чтобы открыть поры...

— Слушайте, что я говорю. Не надо горячего полотенца.

Рэймонд пришел в себя и терпел, когда его стригли, приводили в порядок ногти и полировали до блеска его ботинки.

То, что явилось результатом этих долгих и дорогостоящих усилий, удивило даже Чарли, который все это затеял. Рэймонд выглядел нормально. Даже лучше чем нормально — почти великолепно. Если ему удастся сохранить такой вид, особенно в новом итальянском костюме, то ни одно казино в стране не завернет его.

Им нужно было как-то убить время, и Чарли повез Рэймонда посмотреть город. Днем Лас-Вегас был похож на шлюху, уснувшую, не смыв косметики. Здания, сверкающие неонами и освещенные тысячами огней, выглядели вызывающе в ярком солнечном свете невадской пустыни. Но Рэймонд, казалось, не обращал на это внимания. Он таранился вокруг, на Стрип с огромными, высоко возвышающимися отелями с их псевдоарабскими или древнеримскими мотивами. На открытые концертные площадки, зазывающие на выступления звезд. На дешевые церквушки, освящающие скороспелые браки. На мотели, где игральные автоматы стояли не только в жилых комнатах, но и в каждой ванной.

Несколько десятилетий назад Лас-Вегас представлял собой небольшую станцию на дороге в Калифорнию, последнюю точку, где можно было заправить машину и подкрепиться перед длинной дорогой по западной пустыне. Потом какой-то сообразительный человек легализовал в Неваде азартные игры. И словно за одну ночь здесь, среди пустыни, вырос город, где люди занимались только одним — игрой. Развлечением, служившим для очищения ваших карманов. В Лас-Вегасе везде, где бы ты ни находился, можно потерять несколько долларов, а то и куда больше.

В небольшом кафе, где они остановились пообедать, на настенных ковриках и на запачканных жирными пятнами книжечках меню была изображена пара игровых костей — «счастливых семерок». На каждом столике лежали карточки для лото. Вдоль дальней стены в ряд стояли игральные автоматы. Официантка здесь вместе с заказом может одновременно принять у вас карточку для лото и доллары, предназначенные для игры. Выкрикиваемые номера перекрывали мелодии в стиле кантри, доносившиеся из музыкального автомата.

Лото очаровало Рэймонда. Он мог с легкостью провести целый день, глядя на пронумерованные шарики, весело подпрыгивающие в вакуумной камере и время от времени выскакивающие, чтобы определить выигравший номер. Это было похоже на разглядывание и пересчет белья в сушилке. Наблюдая за ним, Чарли подумал, что если возможно научиться выигрывать в лото, то Рэймонд на это способен. Без сомнения, его изобретательный ум феномена уже уловил повторяющуюся последовательность, казалось бы, беспорядочно выпадающих выигрышных номеров и старался вычислить вероятность следующего выигрыша. Но лото — это несерьезная игра для дам с крашеными волосами, которые целый день корпели над парой карточек, ставя по два бакса, как будто пили из соски. Мелкая рыбка.

Чарли охотился за большой рыбой, которую можно поймать серьезной игрой в казино с самыми большими ставками. Очко в «Цезарь-Паласе». Большой выигрыш был бы даже большим чудом, чем приобретение двух дорогих костюмов по неоплаченной кредитной карточке. Но Чарли рассчитывал на это чудо, хотя время от времени ощущал приливы беспокойства. Все зависело от комбинации нескольких карт, от причудливой способности Рэймонда угадать эти карты, не выдав себя и не разыграв одну из тех саморазоблачительных сцен, с которыми Чарли успел так хорошо познакомиться.

«Бьюик» остановился у светофора на перекрестке. Рэймонд как зачарованный смотрел на один из больших отелей на Стрипе, на светящиеся на нем гирлянды из множества лампочек.

— Много светящихся лампочек, правда? — улыбнулся Чарли.

— Много лампочек, правда, — ответил Рэймонд.

— Сколько лампочек, Рэй?

— Двести семьдесят восемь.

— Человек Дождя сказал свое слово, — засмеялся Чарли.

У них был шанс выиграть бой.

* * *

Еще чудо. Костюмы были готовы вовремя и, что самое удивительное, отлично пригнаны. Рэймонд будет великолепен, если не задерет ремень к подбородку. Чарли видел, как у него чесались руки

сделать это. Но все же они выглядели на миллион долларов мелкими купюрами. Как два восточных шейха, они подкатили к дверям таинственного «Цезарь-Паласа», вручили ключи служащему автостоянки и вошли внутрь.

Рэймонд никогда не видел такого великолепия. Он шел следом за Чарли, то и дело поворачивая голову, чтобы поглядеть на разноцветные брызги мраморного фонтана, на огромные статуи римских императоров и на выставку новых моделей одежды в дальнем конце вестибюля. Там были игральные автоматы и лото, и это тоже очаровало Рэймонда. Когда Рэймонд подошел к игровому автомату и попробовал поиграть, Чарли чуть было не упустил его из виду. Ничего не произошло, так как он не усвоил основного принципа этих «одноруких бандитов»: сначала деньги, потом можете нажимать на рычаг. Он безуспешно дергал за рычаг, когда Чарли отыскал его и бросил двадцать пять центов в ячейку. Механизмы завертелись. Голова Рэймонда завертелась тоже. Наконец автомат остановился. Картинки на дисках не совпадали. Проигрыш. Но даже после этого Рэймонд не хотел уходить, возбужденный «однорукими бандитами» и лото, но Чарли пообещал:

— Чем быстрее мы пойдем играть в карты, тем быстрее вернемся сюда.

Когда они шли по вестибюлю по направлению к казино, сзади послышались громкие звуки. Они обернулись. В одном из автоматов выпал крупный выигрыш. Автомат громко звенел, и серебряные доллары падали в корзину. Счастливчик, полная миловидная седоволосая женщина по имени Митци, подпрыгивала и кричала от радости. Все стоящие вокруг сгрудились вокруг, чтобы поздравить ее с удачей.

— Видишь? Огромный выигрыш! — Чарли извлек мораль. — Она выиграла. Она счастлива. Все обнимают ее.

Вдруг Рэймонд отвлекся от сцены торжества и взглянул Чарли в глаза. Немного позже Чарли сообразил, что Рэймонд не переносит, когда до него дотрагиваются. Даже вероятность того, что его будут трогать, насторожила его.

— Нет, когда выигрываешь в карты, тебя никто не обнимает.

Тем не менее, привлеченный звуками победы, Рэймонд попятился назад к автоматам, как будто ноги сами повели его. Он хотел снова у

видеть вращающиеся диски, увидеть картинки, услышать колокольчики, звенящие для него. Чарли пришлось остановить его, и остановить быстро.

— Если мы не сыграем в карты и не выиграем деньги, тебя снова посадят в сумасшедший дом, — тихо сказал он брату. — Ты ведь знаешь, как это бывает?

Рэймонд не ответил, но пристально взглянул на ожидающего ответа Чарли. Расставив руки в стороны, Чарли изобразил самолет. Он начал урчать, подражая звуку мотора и имитируя полет:

— Р-р-р-р...

Намек был жестокий, но достаточно громкий и ясный, чтобы Рэймонд понял его. Оставив мысль об игровых автоматах, он последовал за Чарли в направлении казино. Гордой походкой шикарно одетые братья Бэббиты бок о бок зашагали вниз в большой круглый зал. Здесь, в полумраке этого зала, происходили настоящие события. Вся их внешность — Рэймонд в точности копировал облик Чарли — как будто говорила: «Прибыли настоящие игроки. Начинается большая игра. Дорогу человеку, сорвавшему банк в Монте-Карло, и его брату».

В казино нет ни дня, ни ночи. Игра идет сутки напролет, каждый день. В казино темно, лишь каждый карточный столик освещен низко висящей лампой, так что становится похож на остров, изолированный от остальных и целиком занятый сам собой. Так игроки меньше отвлекаются, и владельцы казино могут лучше отслеживать ситуацию. Единственное движение в бескрайнем океане вокруг этих островов — порхание хорошеньких официанток, разносящих напитки. Жаждающие игроки не должны покидать своих столов никогда.

Для их игры Чарли разработал простую систему ставок. Рэймонд поставит одну фишку, если ситуация складывается неблагоприятно, и две фишки, если «башмак» наполнен десятками и он совершенно уверен, что они выиграют. Настоящие ставки будет делать Чарли: маленькие, когда Рэймонд ставит одну, большие, когда Рэймонд ставит две.

В заначке у Чарли было достаточно денег, чтобы купить горсть фишек, не пятидесятидолларовых красных или стадолларовых черных, а солидную пригоршню зеленых, стоивших по двадцать пять долларов. Если повезет, они с Рэймондом смогут обратить зеленые в черные и белые — белые фишки стоили пять сотен. Если им необыкновенно

повезет, они получают желтые фишки ценой в тысячу, а может быть, даже самые лучшие из всех — пурпурные, каждая из которых стоит пять тысяч чудных хрустящих бумажек.

Народу было много. Игра шла полным ходом. Оценив ситуацию, Чарли потащил Рэймонда мимо столов для игры в кости и рулетки. Нужно было как можно быстрее увести Рэймонда от ее вращающегося колеса к расположенным в глубине зала столам для игры в очко.

— Во что мы играем? — шепотом спросил он Рэймонда. Просто проверка.

— Карты. Двадцать одно.

— Это название игры, Рэй.

Вокруг столов для игры в очко люди столпились так, что братьям потребовалось несколько минут, чтобы найти два места рядом. Чарли поставил маленький столбик зеленых фишек перед собой и маленький столбик перед Рэймондом. Затем он закрыл глаза, глубоко вздохнул и скрестил пальцы.

Часом позже они все еще сидели здесь, и два маленьких столбика заметно выросли, и не только за счет зеленых фишек. В них уже встречались черные и даже пара желтых. Феноменальные способности Рэймонда были поистине устрашающими. Голубая мечта Чарли становилась реальностью прямо на глазах.

Чего Чарли не мог знать о своем брате и об аутистических феноменах вообще, это то, как долго и глубоко они могут концентрироваться, как долго их может удерживать что-то, что целиком завладело их вниманием. В последние несколько дней, когда они ехали вместе, Чарли видел лишь изнанку этой концентрации. К примеру, Вапнер. Когда Рэймонд собирался смотреть «Правосудие для народа», его не смогло бы отвлечь и землетрясение. Как только что-то начинало занимать его сознание, — даже такая элементарная вещь, как лакомство, — ничто не могло оторвать его от этого.

Неотъемлемой частью аутистической личности Рэймонда, естественной для его поврежденного сознания, было то, что все имело для него равное значение. Жизнь и смерть значили для Рэймонда Бэббита не больше, чем сырные палочки и Вапнер. Этот его моноидеизм Чарли привык считать простым упрямством. Он всегда повергал Чарли в отчаяние. Но сейчас они пожинали этот богатый

урожай только благодаря чудесным способностям Рэймонда к концентрации.

Еще один плюс: Рэймонд был слишком сосредоточен, чтобы устраивать припадки. Он не обращал внимания ни на что вокруг, следовательно, ничто не угрожало их безопасности. Все его внимание было поглощено тремя колодами карт в «башмаке». Он был занят своими вычислениями.

Однако не все шло так гладко.

В последнюю сдачу Рэймонд набрал восемнадцать. Чарли прикупил шестерку к четырем. Прекрасно. Он не мог проиграть, взяв еще одну карту. Но ему нужна была десятка, чтобы набрать двадцать — верный выигрыш. Рэймонд постучал по столу, требуя еще одну карту. Чарли раскрыл рот, чтобы возразить. Нельзя прикупать к восемнадцати. Основной закон. Разве он не говорил Рэймонду, что нельзя прикупать к восемнадцати!? При восемнадцати надо пасовать, — Вы хотите карту? — удивленно спросил банкомет.

— Он не хочет карту. Рэй, у тебя восемнадцать, — быстро вклинился в разговор Чарли.

— Я хочу карту, — настаивал Рэймонд.

Слегка пожав плечами, банкомет сдал карту из «башмака». Это была десятка пик. У Рэймонда перебор. И что еще хуже, эта карта была десяткой, так нужной Чарли. Рэймонд должен был запасовать, и Чарли получил бы свои двадцать. Вполне достаточно для того, чтобы выиграть у казино — банкомет показал пятнадцать. Оба они могли бы выиграть. Но у Рэймонда в голове что-то щелкнуло, и теперь оба они должны были проиграть.

— Смотри, ты взял мою карту, — сказал Чарли, нахмурившись и не в силах скрыть огорчения.

Ошибка. Поняв буквально его слова, Рэймонд поднял десятку пик и аккуратно переложил ее из своих карт в стопку Чарли и даже подровнял ее, чтобы она выглядела лучше.

— Я не могу взять твою, — сказал Чарли, возвращая Рэймонду карту. — Мне нужна моя собственная.

Ошибка номер два..

— Здесь их много, — доверительно сказал Рэймонд.

При этих словах глаза банкмета сверкнули. Совсем чуть-чуть, но Чарли заметил это и начал беспокоиться.

Несмотря на это, он удвоил ставку. Разложил свои карты и поднял ставку до двух сотен вместо одной. Банкомет бросил на него взгляд. Сдача на мгновение остановилась.

— Их там много-много, — сказал Рэймонд.

«Башмак» снова двинулся вокруг стола, выбрасывая карты. Даму мужчине, сидевшему во главе стола, десятку женщине, сидящей рядом с ним Чарли получил валета. Себе банкомет сдал еще одну даму. Казино проиграло, и Чарли получил большую кучу фишек.

— Много-много, — снова сказал Рэймонд. Снова взгляд банкомета. На этот раз более пристальный. Много-много десятков. Считает ли карты этот парень? Лучше добавить еще одну колоду в «башмак».

Следующей картой выпал белый маркер, извещавший о том, что пора перетасовать карты. Наступила очередь Рэймонда класть маркер в «башмак», и банкомет вежливо поставил «башмак» на зеленое сукно стола перед ним.

Это совершенно сбило Рэймонда с толку. Чарли ничего не говорил ему об этом. Когда банкомет выжидающе посмотрел на него, он нерешительно повернулся к брату.

— Положи маркер в карты, Рэй.

— Куда?

— Куда хотите, сэр, — сказал банкомет.

Непослушными пальцами Рэймонд поднял белый маркер и обернулся к Чарли за моральной поддержкой. Чарли ободряюще кивнул. Но Рэймонд зажал карту в руке, не в силах выпустить ее. Он смотрел то на маркер в руке, то на полный карт «башмак», стоящий перед ним. Вперед-назад, вперед-назад, в то время как все смотрели на него, не понимая, что происходит. Чарли снова кивнул, более решительно. Он испугался, что на Рэймонда обратят внимание, тем более что его концентрация ослабла.

— Сегодня, — сказал Чарли.

Рэймонд поднял глаза. Его взгляд выражал вопрос.

— Сделай это сегодня, — раздраженно сказал ему Чарли.

— Четверг, — сказал Рэймонд и снова занялся неразрешимой дилеммой маркера и «башмака». Он заносил белую карту над «башмаком», потом отдергивал ее, туда-обратно, туда-обратно.

— Не мог бы ты просто положить ее туда? — резким тоном произнес Чарли, похлопав Рэймонда по плечу, пытаясь вывести его из оцепенения.

Рэймонд вздрогнул. Руки его дернулись, и маркер скрылся среди остальных карт. Барьер был взят. Но каждый из сидевших за столом стал свидетелем разыгравшейся драмы и мог обратить на нее внимание.

— Достоин ли мой поступок записи в твой список? — весело, но лишь наполовину шутя спросил Чарли. Хотя он и не сделал ничего особенного, только похлопал Рэймонда по плечу, все равно он сожалел о нанесенной брату обиде.

Рэймонд обдумал вопрос.

— Это не было серьезным происшествием, — решил, он. — Ну вот, ты записан под номером восемнадцать...

— В 1988 году, — с улыбкой проговорил Чарли. — Скажи, а может ли человек быть исключен из твоего списка? — Он серьезно взглянул на брата.

— Люди включаются в список. Они не исключаются. — Ответ был совершенно определенным.

Чарли немного грустно кивнул, и сам удивился этому чувству. Ему не хотелось, чтобы его имя было в Списке Серьезных Происшествий.

— Делайте ваши ставки, господа, — объявил банкомет.

Вздрогнув, Чарли поднял глаза. На минуту он почти забыл, где он и зачем он сюда пришел. На минуту он оказался наедине с братом, как будто вокруг них никого не существовало. Четыре пары глаз — трех других игроков и банкомета — смотрели на них в недоумении.

Рэймонд поставил один жетон, подавая Чарли знак, что их шанс на успех невелик. Чарли тоже поставил один жетон.

— Ой! — вдруг сказал Рэймонд. Ложный сигнал. Он поставил еще один жетон. Чарли поспешил увеличить ставку.

— Все готовы? — спросил позабавленный банкомет. И начал крутить. Рэймонду выпало девятнадцать, а Чарли...

— Очко, — объявил банкомет. — Казино платит в двойном размере. Остальные игроки потерпели неудачу, но банкомет прикупил пятерку червей к своим шестнадцати очкам. — Двадцать одно. Игра, — объявил он, забрав все жетоны, кроме жетонов Чарли.

Чарли пришел в восторг при виде своего выигрыша. Игрок, сидевший рядом с Рэймондом по другую сторону, сидящий солидный мужчина в дорогом костюме, нагнулся к Рэймонду и заговорил с ним:

— Мне нравится ваш галстук.

— Он зеленый.

— Я заметил.

— У меня дома, — доверительно сказал Рэймонд, — если в день... если в день Святого Пэтти не надеть зеленый галстук, тебя ждет... ждет наказание.

Глаза собеседника расширились от удивления.

— Да, но до дня Святого Патрика еще восемь месяцев.

Игра была приостановлена. Каллоуэй, распорядитель игрового зала, в сопровождении охранников в униформе подошел к их столу. Пришло время забрать выручку — коробку, полную денег, — поместить ее в сейф казино и подсчитать оставшиеся у банкмета жетоны. В руках у распорядителя была планшетка, на которой был закреплен желтый отрывной блокнот. Глаза Рэймонда широко раскрылись. Планшетка! Ему надо завести себе такую же.

— Так держать, — сказал сосед Рэймонда, с завистью указывая на столбик фишек, стоящий перед Чарли. — Ну ребята, денег вам хватит до дня Святого Патрика. Откройте нам секрет. Как вам удастся так выигрывать?

— Мы жульничаем, — небрежно ответил Чарли.

Тем временем распорядитель подсчитывал фишки, занося колонки цифр в блокнот.

Не отрывая от него глаз, Рэймонд тоже принялся делать пометки в своем воображаемом блокноте. Банкмет усмехнулся, глядя на него.

— Он просто подсчитывает мои жетоны, — обратился он к Рэймонду.

Выражение лица Рэймонда не изменилось.

— Белых здесь сто восемьдесят два, зеленых сто пятьдесят девять, красных девяносто четыре и черных семьдесят три, — выпалил он ка одном дыхании.

Пораженный, Кэллоуэй взглянул на него. Когда он закончил подсчет, он выглядел еще более ошеломленным.

— Спасибо, — проговорил он, пристально глядя на Рэймонда, который ответил ему своим ничего не выражающим взглядом.

Брови банкюмета удивленно взлетели.

— Как? Так вы все время считали?

На лице Рэймонда отразилась тревога. Это было то, о чем Чарли его предупреждал. Если откроется, что он считал, то он никогда больше не увидит Чарли. Никогда, никогда, никогда! Он широко раскрыл рот и резко захлопнул его. Держать пасть закрытой!

— Он имеет в виду жетоны, Рэй, — резко вмешался Чарли, пока Рэймонд не успел выдать себя. — Да, — сказал он банкюмету, — он любит это дело.

Беспокойство Чарли усилилось еще больше. Слишком много разговоров вокруг Рэймонда. На его брата обращают слишком много нежелательного внимания.

Управляющий удалился с коробкой для денег, и «башмак» снова пошел по кругу. Рэймонд поставил два жетона, подавая знак, что в «башмаке» осталось много десятков. Чарли сделал максимальную ставку. Тысяча долларов. Пора было рисковать. Пан или пропал.

Старина Рэймонд. У него двадцать. А у Чарли одиннадцать. Замечательно. Еще десятка — и будет очко. Шансы выиграть просто великолепные. Чарли удвоил ставку. Теперь она равнялась двум тысячам долларов. Все теперь зависело от того, какая выпадет карта.

Рэймонд сделал знак банкюмету, требуя еще карту. Тяжелый вздох пронесся над столиком. Он хотел прикупить к двадцати. Когда Рэймонд прикупил к восемнадцати вопреки всем инструкциям Чарли, это было достаточно неприятно. Но к двадцати! Вероятность проигрыша была астрономической, особенно при том, что «башмак» был полон десятков. Кроме того, его двадцать — почти верный выигрыш. У банкюмета шестнадцать.

— Ты не хочешь карту, Рэй, — сказал Чарли очень твердо. — У тебя двадцать.

Но Рэймонд продолжал кивать банкюмету. Да, накажи меня снова!

— Не очень хорошая мысль, Рэй, — сказал его седоватый сосед.

— Рэй, я удвоил на одиннадцать, — отчетливо прорычал Чарли сквозь стиснутые зубы. — Там две тысячи долларов!

Рэймонд не удостоил его взглядом. Чарли нагнулся к брату. Он начинал паниковать.

— Рэй, если ты заберешь мою десятку, я... я задеру твои брюки еще на шесть дюймов вверх. Они будут застегиваться у тебя на ушах.

— Я хочу карту, — снова сказал Рэймонд банкомету. Его лицо абсолютно ничего не выражало.

Банкомет оглядел стол и пожал плечами. Если игрок и чокнутый, его это нисколько не колышет. Он повернул «башмак» к Рэймонду и выбросил карту.

Это был туз. Туз! У Рэймонда двадцать одно.

А теперь карта для Чарли. Дама. У Чарли двадцать одно.

Чарли не верил своим глазам.

Ладони его вспотели, и он сглотнул слюну. А Рэймонд лишь произнес:

— Игра.

* * *

Почти ничего из того, что происходит в казино, не ускользает от его глаз. В каждом казино стены имеют уши. Над игровым залом располагается помещение, из которого служащие казино наблюдают через одностороннее зеркальное стекло за тем, что происходит внизу. Если они видят что-нибудь не то, что-нибудь... необычное, они останавливают на этом свое внимание, следят за развитием событий и решают, что предпринять.

В этом казино стены имели глаза, и в течение последнего часа эти глаза наблюдали за Чарли и Рэймондом Бэббитами. Донахью, охранник с биноклем, следил, как растёт куча фишек перед Чарли. Начальник смены, плотный, крупный мужчина по фамилии Розелли, подошел к нему сзади и заглянул через плечо.

— Те же двое? — спросил он.

— Да. Ребята выигрывают, — ответил Донахью.

— Что ты видишь?

— Он не шулер. Непохоже, что он подтасовывает или помечает карты.

— Остается счет. — Глаза Розелли сузились. — Итак, он считает. Увеличьте количество колод.

Донахью пожал плечами:

— Уже увеличили. До шести колод. Никто в мире не может считать при шести колодах.

— Тогда ему просто везет. — Но Розелли сам не верил в свои слова. Здесь должно быть что-то, что-то важное, что они упустили.

Донахью снова направил свой бинокль вниз, на стол для игры в очко.

— Очень долгое и устойчивое везение. Как у машины. Розелли с минуту подумал. Его брови сошлись у переносицы, лицо посуровело.

— Запишите его на видео, — решил он.

— Келсо уже распорядился, — сказал Донахью.

Глава одиннадцатая

Когда они наконец встали из-за стола для игры в очко, Чарли валился с ног. Силы покинули его. Мозг его был совершенно истощен. Рэймонд, напротив, совсем не выглядел уставшим. Он был все так же бодр и готов провести за карточным столом хоть еще два часа. Подсчитывание карт забавляло его. Он даже получил некоторое удовольствие от выигрыша. Рэймонд чувствовал, что был на высоте, и знал, что Чарли Бэббит им доволен.

Рано, не было еще даже восьми. Тем не менее интуиция подсказывала Чарли, что пора уходить, пока у них все так хорошо. Они выиграли много, очень много. Завтра будет еще день. Еще один день в Вегасе — и они могут покинуть его с видом императоров-завоевателей, которых рабы несут на своих плечах. За этим столом Чарли почувствовал себя немного неуютно. Они с Рэймондом привлекли слишком большое внимание банкмета и других игроков. Этот симпатичный седовласый мужчина, казалось, был очарован Чарли.

Завтра, за другим столом, с другим банкметом, другими игроками, они смогут все повторить, вернее Рэймонд сможет все повторить. Чарли присутствовал тут за компанию, или так ему казалось.

Кроме того, нужно объяснить Рэймонду еще некоторые моменты, некоторые важные детали, о которых он накануне забыл, вроде тех, на которых Рэймонд накололся сегодня и тем привлек к себе внимание. Завтра вечером Рэй будет твердо знать свою роль, а послезавтра их отклонение от маршрута с визитом в Вегас закончится и они, торжествуя победу, продолжат путь в Лос-Анджелес.

Но сначала Чарли должен принять теплую ванну, хорошо выспаться и еще раз поговорить с Сюзанной. С тех пор как она сбежала из Цинциннати, у него внутри как будто образовалось пустое место. Он сильно скучал без нее, хотя ему не приходило в голову признаться в этом ни себе, ни ей. Он скучал отчасти по ее грубоватому житейскому юмору, отчасти по ее телу, но в основном ему не хватало

ее из-за того, что она была духовно близка ему — такая же целеустремленная, такая же здравомыслящая.

Если вам придется путешествовать почти неделю в компании аутистического феномена, то через несколько дней вы будете близки к тому, чтобы у вас появились те же галлюцинации. Еще несколько дней с Рэймондом, и Чарли, возможно, тоже не сможет жить без Вапнера. Кроме того, Чарли начинал беспокоиться по поводу грядущего слушания дела об опекунстве. Ему нужна была моральная поддержка Сюзанны, ему необходимо знать, что она болеет за него, в то время как он сражается с неким психиатром. А еще Чарли хотел доказать Сюзанне, впрочем как и психиатру, что он действительно благотворно влияет на брата. Это стало предметом его гордости, возможно, даже больше. Возможно, ему было важно то, что ему есть что доказывать.

Оставив Рэймонда в баре у небольшого столика, с высоким стаканом имбирного пива и тарелкой свежих картофельных чипсов, Чарли пошел в вестибюль и позвонил Сюзанне. Вместо ее пикантного итальянского акцента он услышал вежливый голос автоответчика и повесил трубку. Он был расстроен. И решил себя хоть как-то вознаградить.

Гордо подойдя к столику портье, Чарли зарегистрировал их с Рэймондом в двухместном номере. Они это заслужили, особенно Рэймонд. Победители имеют право снимать сливки. Пусть проигравшие останавливаются в мотеле. Победители ночуют в двухместных номерах «Цезарь-Паласа». Вернувшись назад с ключами от комнаты в руке, он плюхнулся рядом с Рэймондом и заказал двойное виски.

Рэймонд смотрел на все происходящее вокруг, и глаза его сверкали. Все это было так ново, так чудесно и впечатляюще. Он был так возбужден, что не мог сидеть спокойно и ерзал на стуле.

— Хочешь принять ванну? — спросил Чарли, неверно истолковав движения Рэймонда. Рэймонд ответил ему молчаливым взглядом, который Чарли понял как «нет». Когда Рэймонд действительно говорил слово «нет», он обычно имел в виду «да». Когда он молчал, это скорее всего значило «нет».

— А я хочу, — сказал Чарли утомленно. — Пойдем.

Но Рэймонд смотрел через его плечо, зачарованный тем, что он там увидел. Чарли обернулся и проследил за его взглядом. На высокой

табуретке у стойки сидела ослепительная девушка в блеске своих неполных двадцати лет. Милое личико, прекрасные волосы, великолепное тело. Без сомнения, проститутка.

Сирены из Лас-Вегаса были одними из самых прекрасных девушек в мире, во всяком случае, те, которые работали в роскошных отелях. Девушка сидела вполоборота к ним, почти в профиль, и не замечала, что Рэймонд смотрит на нее.

Рэймонд смотрел на девушку, и Чарли, тронутый и смущенный, смотрел на Рэймонда, смотрящего на девушку.

— Я скоро вернусь, — сказал он улыбаясь. — Побудь здесь. Обещаешь?

Не отрывая глаз от девушки, Рэймонд кивнул. Чарли поднялся и слегка потрепал брата по голове, убрав свою руку до того, как Рэймонд застыл от его прикосновения.

— Будь паинькой.

Когда Чарли удалился в мужскую комнату, девушка обернулась и перехватила взгляд Рэймонда. На ее лице немедленно расцвела яркая профессиональная улыбка. Но в этой улыбке не было искусственности, ведь девушка была еще так молода, так миловидна и так удачлива и еще не успела огрубеть.

Подражая ей, Рэймонд улыбнулся в ответ лучшей улыбкой Чарли, Убийственной. Издали и с улыбкой на лице он выглядел хорошо одетым мужчиной, ищущим маленького приключения. Это заставило ее встать. Прихватив с собой стакан, девушка подошла к столику и села рядом с Рэймондом, глядя ему в глаза.

— Добрый вечер, — сказала она негромко.

Рэймонд поколебался, исследуя свою память в поисках правильного ответа. Ему в голову пришла беседа Чарли с молоденькой официанткой в забегаловке в Цинциннати, той, которая дала ему полную коробку зубочисток.

— Действительно, прекрасное утро, — ответил он, превосходно воспроизводя мимику Чарли и его беззаботный тон. — Ну, что у нас сегодня вкусенького?

— Ну, сладкий, наверное... это я, — прозвучал ожидаемый ответ. Но теперь девушка смотрела на Рэймонда более внимательно. Этот парень выглядел вполне нормальным. Он был опрятен и чисто одет. Его костюм, безусловно, стоил очень дорого, но все же в нем чего-то

не хватало. К примеру, эта улыбка. Прекрасная улыбка, даже убийственная, но она не меняется. Она как будто приклеенная. И его слова...

— А мы, — продолжал Рэймонд воспроизводить слова Чарли и его нагловатый тон, — как раз гадали...

— Мы? — Глаза девушки изумленно расширились, и она огляделась в поисках кого-то или чего-то, чего она не заметила.

— ... кто здесь может нас поразвлечь вечерком?

— Ну, дорогой, наверное, это снова я, — ответила она кокетливо, подвигаясь ближе к Рэймонду.

Но теперь, подобно механической игрушке, у которой кончилась батарейка, Рэймонд замолчал. Он не мог говорить дальше, потому что уже повторил все реплики Чарли, сказанные официантке до того, как Рэймонд напугал ее, заставив унести ноги. В его памяти больше не было ничего. Что касается его собственных возможностей общения, у него их просто не было. Тем не менее что-то привлекало его в этой девушке, что-то не ясное ему самому, но дающее ему ощущение «отсутствия страха». На самом деле, хотя он не мог отдавать себе в этом отчета, это было ее чрезвычайное сходство с Жанной Вайт из телевизионной программы «Колесо Фортуны».

Когда Рэймонд смотрел на Жанну, перебирающую письма, он почти всегда жевал что-нибудь вкусненькое и не испытывал тревоги. А эта девушка даже одета была немного похоже на Жанну, во все блестящее и с голыми плечами.

Теперь она сидела совсем близко к Рэймонду и обворожительно смотрела на него. Разумеется, она ожидала, что он продолжит беседу. Но улыбка исчезла с его лица, уступив место обычному отсутствующему, слегка сбитому с толку выражению. Медленно и с усилием Рэймонд произнес:

— Я Рэймонд. Вы ослепительны.

О Боже! Девушка, нагнувшаяся было ближе, выпрямилась и пристально взглянула на него. Кто он, слабоумный, недоразвитый?

Ока не могла понимать, что представляет собой Рэймонд, и не знала, как обращаться с таким человеком, но она была достаточно проницательна, чтобы догадаться, что рядом с ней кто-то необычный, ущербный. Он похож на человека, плывущего в лодке с одним веслом. Она прониклась сочувствием к Рэймонду, как маленькая девочка к

бездомной собаке. Кроме того, он заинтересовал ее. Она никогда не сидела так близко к человеку вроде Рэймонда, и ее разобрало любопытство. В то же время она была на работе, а потому продолжила начатый разговор.

— Спасибо, Рэймонд, — негромко сказала она. — Меня зовут Айрис.

Он робко кивнул, и девушка продолжала.

— Рэймонд, я тебе нравлюсь? — Он снова кивнул, на этот раз смелее.

— Почему ты говоришь все это? — с любопытством поинтересовалась она, — Про вечер и все такое?

— Ты говоришь ерунду, — серьезно ответил Рэймонд. — А еще хорошенькая девушка. Как Салли Диббс. Я знаю ее номер телефона: четыре-шесть-один-ноль-один-девять-два.

Айрис очень нежно дотронулась до руки Рэймонда. Он тут же оцепенел, хотя и не так, как это бывало с ним обычно, но достаточно для того, чтобы она отняла руку. Это не обидело, не разозлило ее, но разожгло еще большее любопытство. В голове у нее роились вопросы. Действительно ли этот человек такой безобидный, каким кажется? Правда ли, что он ненормальный? И если да, то почему он, одетый в такой дорогой костюм, сидит в баре «Цезарь-Паласа»? И самый важный для Айрис вопрос: может ли она тут чем-нибудь пожить? Может ли он быть ее клиентом?

— У него нет денег, — раздался голос за ее спиной, как будто кто-то читал ее мысли. Айрис обернулась. Красивый молодой человек рассматривал ее враждебным взглядом. Уголки его полных губ были опущены, брови нахмурены.

— Все в порядке, мой сладкий, — ответила Айрис, улыбнувшись своей лучшей профессиональной улыбкой. — Мы просто беседуем.

Чарли нагнулся над столом.

— Пора немного поспать. Скажи даме «спокойной ночи», — коротко сказал он брату.

Рэймонд упрямо замотал головой. Он не был готов уйти. Кроме того, было слишком рано ложиться спать.

— Рэй, пойдем в номер, — приказал Чарли.

— Сам иди спать. Мы просто беседуем. — Губы Рэймонда упрямо, даже вызывающе сжались.

— Какой у вас номер? — нашлась Айрис. — Я приведу его прямо туда.

Чарли обдумывал предложение. С одной стороны, нельзя оставлять эту маленькую шлюшку наедине с братом ни на минуту. Бог знает, какую информацию она сможет вытянуть из него? Кроме того, один неверный шаг, и у Рэймонда может начаться припадок. С другой стороны, Чарли опасался настаивать, потому что видел: это проявление упрямства может положить начало большей неприятности, и произойдет она прямо здесь, в этом баре. В любой момент Рэймонд мог впасть в одно из своих загадочных тревожных состояний. Раньше ему для этого было достаточно гораздо меньшего повода. Было ясно, что эта молодая проститутка оказалась чем-то, без чего Рэймонд обойтись не смог бы, как без судьи Вапнера.

С третьей стороны, разве не говорил ему доктор Шиллинг, что секс для Рэймонда невозможен? Новое чудо? Разве не хотел Чарли доказать суду, что под его влиянием состояние Рэймонда Бэббита изменилось к лучшему? А что, если между Рэймондом и этой девушкой что-то может произойти? Даже если это будет не сам акт, разве это не докажет, что благодаря заботе брата Рэймонд научился общаться с другим человеком?

И, с четвертой стороны, разве не внес Рэймонд свою скромную лепту в его огромный выигрыш за карточным столом?

Чарли решил.

— Все в порядке, — обратился он к Айрис. — Я подожду там. — Он бросил на девушку строгий взгляд и прошел к стойке, откуда он мог наблюдать за ними. Он чувствовал легкую ревность, хотя в том, что произошло, не было ничего сенсационного.

Айрис снова обратилась к Рэймонду:

— Кажется, я не понравилась ему. — Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы это понять, — Он мой брат. Я живу в его комнате.

— Он выглядит слишком молодо, чтобы быть твоим братом. Сколько тебе лет, Рэймонд?

На этот вопрос у Рэймонда ответа не было, и он немного поморщился, как всегда, когда попадал в безвыходное положение.

— Что с тобой? — недоумевающая спросила Айрис.

— Сколько мне лет, Айрис?

Девушка улыбнулась и провела рукой по его волосам, которые Чарли до этого растрепал. Ощувив ее прикосновение, Рэймонд мгновенно напрягся. Но в ее нежной женской ласке было что-то, напоминавшее ему маму, страх исчез, и он снова расслабился.

— Тебе сорок, мой сладкий, — прошептала Айрис, промахнувшись всего на два года. — И ты очень привлекателен. Рэймонд, я... сейчас... можно сказать, на работе, поэтому мне нужно идти. Но я была очень рада познакомиться с тобой. — Она встала, но что-то в лице Рэймонда, что она приняла за немую просьбу, тронуло ее, и девушка снова опустилась в кресло.

Безусловно, у Рэймонда не все в порядке. Он не знал женщины, это мог сказать вам кто угодно. У него нет денег. На этот счет у Айрис не было сомнений. А дело, что ни говори, есть дело. Девушка должна извлекать пользу из своих прелестей, пока она их не растеряла. Профессиональная жизнь проститутки в Лас-Вегасе продолжается не более семи лет. Это максимальный срок, в течение которого администрация шикарного отеля могла позволить ей вертеться здесь. А потом, иногда даже раньше чем ей исполнится тридцать, она будет вынуждена перейти на работу в бары и отели подешевле.

Айрис была в расцвете лет, ее еще не пугали морщины, тело было упругим, кожа нигде не обвисла. Тем не менее время шло, а время — деньги.

Но в облике этого невысокого человечка, который жил в одной комнате со своим младшим братом, не спускавшим с него злого взгляда, была какая-то потерянная и одиночество. К тому же, казалось, она ему нравится. Несколько секунд Айрис колебалась, потом решила.

— Хочешь, у нас с тобой будет свидание?

Рэймонд серьезно кивнул:

— Что это значит?

— Мы будем... разговаривать. Может быть, танцевать. Совсем недолго. Хочешь?

На лице Рэймонда читалось согласие.

— Хорошо, немного позже. Здесь же. Сегодня в десять часов. Перед тем как я начну работать. — Айрис встала, улыбнувшись Рэймонду. — Скажи своему брату. В десять. Здесь.

Уходя, она обернулась и помахала Рэймонду рукой, и он в точности воспроизвел ее жест. Вернувшись к столику, Чарли увидел на лице Рэймонда такое выражение, какого на нем не появлялось с тех пор, как Чарли купил ему «Вотчмен». Это было довольство собой в интерпретации Рэймонда Бэббита.

* * *

В зависимости от вкуса вы могли бы счесть двухместный номер Чарли либо великолепным и роскошным, либо слишком кричащим. Хозяева гостиницы не жалели денег, чтобы предоставить удачливым игрокам шикарные апартаменты. Ковры с длинным ворсом, сверкающие люстры, мягкая, удобная мебель, в верхнем ярусе — две спальни с широченными, как в королевской опочивальне, кроватями, застланными бархатными покрывалами. Все это производило впечатление.

Рэймонд был явно потрясен. Он оглядывался вокруг, как будто впитывал в свой банк памяти детали окружавшей его обстановки. Номер был оснащен всеми новомодными штучками. Он о них слышал по телевизору. Теперь он мог воочию убедиться, как они выглядят.

— Нравится тебе эта комната? — хмуро спросил Чарли. — Мне нет. Здесь нет ничего, что радовало бы глаз. — Он небрежно отшвырнул ключ от номера и направился к бару пропустить глоточек. Чарли Бэббит чувствовал странную пустоту и подавленность. Он много выиграл, карманы были полны денег. Ему надо бы чувствовать себя триумфатором, но вместо этого он был удручен.

— Выигрыш. Выигрыш должен радовать. Но это ты выигрывал, — произнес Чарли упавшим голосом. — Я только наблюдал.

Рэймонд силился понять:

— Как... в прачечной, Чарли Бэббит?

Чарли покачал головой:

— Нет, наблюдая за бельем в прачечной, я не чувствовал себя проигравшим.

Он посмотрел на брата, поднимающегося в свою спальню, чтобы испытать телевизор с тридцатидюймовой трубкой.

— Я наблюдал, как ты спасаешь мою задницу, наверное, это меня немного выбило из колеи. — Он последовал за Рэймондом наверх. Ему вдруг очень захотелось, чтобы брат понял его.

Рэймонд сидел на краешке обширной кровати и экспериментировал с дистанционным управлением. Чарли вздохнул, опустившись на кровать с другой стороны и распластавшись поперек.

— Мы сегодня выиграли много денег, Рэй. Достаточно, чтобы расплатиться со всеми, кому я должен. И спасти мою жизнь.

Чарли начал бормотать себе под нос, точно так же, как это делал Рэймонд, когда был напутан. Чтобы расслышать его слова, Рэймонд на четвереньках подполз к Чарли и приставил ухо к его губам.

— И это плохо, — прошептал Чарли.

Рэймонд никогда не видел, чтобы Чарли был подавлен. Он бывал злым, веселым, насмешливым, надутым, суетным, но выбитым из колеи — никогда. Рэймонд не знал, что значит «пасть духом». Он даже не знал такого слова. Рэймонд никогда не был подавлен. Ему бывало либо страшно, либо не страшно, либо он находился в состоянии перехода от страха к его отсутствию. Он молча посмотрел на брата, озадаченный и немного встревоженный. Чарли Бэббит занял в его жизни место Вернона, человека, ответственного за удовлетворение его насущных нужд. Плохое настроение Чарли привело Рэймонда в беспокойство. Ему нравилось, когда Чарли улыбается. Это приводило его в состояние отсутствия страха. А сейчас Чарли не улыбался.

— Тайные мысли, — пробормотал Чарли, сев и потянувшись. Он не хотел ни перед кем исповедываться, кроме Рэймонда, но не был вполне уверен, насколько Рэймонд способен понять его. Увидев выражение лица брата, Чарли попытался улыбнуться:

— Моя жизнь спасена, Рэй. А я этого не хочу. И я не знаю. — Улыбка погасла и исчезла, и в его карих глазах появилось какое-то новое, странное выражение. — И не знаю, хотел ли я этого когда-нибудь, — тихо закончил он.

Внезапно он почувствовал себя страшно утомленным, потерявшим последние силы. Он так широко зевнул, что из уголков его глаз брызнули слезы. И хотя было еще рано, ему было пора спать. У них был очень насыщенный, долгий день, а завтра снова намечались большие события. Ему хотелось только одного — закрыть глаза и уснуть, прямо сейчас, свернувшись в клубок, не снимая одежды и

ботинок. Но делать этого не следовало. Проснувшись через несколько часов, он будет чувствовать себя ужасно, костюм и рубашка изомнутся, голова заболит и во рту будет неприятный вкус. Лучше лечь как следует.

Заставив себя подняться, Чарли направился в ванную почистить зубы. По дороге он начал сбрасывать на ковер одежду — сначала пиджак, потом рубашку и галстук.

Черт! Если он хочет быть в этой одежде завтра вечером, так с ней обращаться нельзя. Вздохнув, Чарли вернулся и поднял одежду, аккуратно повесил ее на вешалку, чтобы горничная почистила и выгладила ее.

Рэймонд последовал за Чарли в ванную, все еще пытаюсь понять, что же сказал ему брат. Он ясно видел новое выражение лица Чарли и слышал новые нотки в его голосе, но он не мог уяснить себе, что это означает.

Сняв колпачок с тюбика зубной пасты, Чарли взял зубную щетку. Щетки в шикарном номере были с натуральной щетиной. Выдавлив пасту, Чарли внимательно и долго разглядывал свое отражение в зеркале, как будто видел себя впервые.

Вот уже десять лет Чарли Бэббит был один, ведя жестокую борьбу за выживание. А в этом мире трудно выжить, не умея пихаться локтями. Он лишился очень многого за это время — не только дома и того, что осталось от семьи, но также своей юности. Он вынужден был превратиться в мужчину за одну ночь. Он вырос слишком быстро. И теперь, в двадцать шесть лет, чувствовал себя стариком. И что еще хуже, одиноким стариком. Черт возьми! Он был совсем один. Он сам построил себе тюрьму, и теперь был ее пленником. Спасая свою шкуру, он забывал о других, возводя собственные оборонительные укрепления. Он прошелся по многим головам, нажив себе врагов. Он оттолкнул от себя всех и потихоньку начал сходить с ума. Теперь никто, кроме Сюзанны, даже не осмелится приблизиться к нему. Возможно, он потерял и ее. Он несколько раз звонил ей, но ему отвечал автоответчик, и она не перезванивала.

Во многом Чарли был очень похож на Рэймонда. Рэймонд тоже боролся за выживание. Он тоже тщательно разработал механизмы защиты и отгородился ими от мира. Глубоко подсознательно Чарли, совсем как Рэймонд, боялся всякого прикосновения. Как и Рэймонд, он

создал себе собственный мир и был единственным его обитателем. Оба они были центрами вселенной, и их интересовало только то, что могло угрожать их душевному комфорту или безопасности.

Разница была в том, что Рэймонд был рожден неполноценным, в то время как Чарли обрел свою неполноценность ценой тяжелого труда и постоянной тренировки. Рэймонд не мог вступить в контакт с другими людьми потому, что его мозг был поврежден, в нем не хватало маленького винтика, ответственного за связь с внешним миром. Чарли не мог обрести привязанностей потому, что заставил себя забыть, как это делается. Нахлынувшие чувства побудили Чарли остановиться и задуматься. Впервые Чарли Бэббит осознал, что он делал с собой все эти годы, порывая все связи и освободившись от неудобных ему человеческих чувств. Но не только это понял Чарли, а кое-что более важное. У Рэймонда не было привязанностей потому, что он не мог их иметь. У Чарли их не было потому, что он этого не хотел.

Чарли Бэббит был очень ловок. Он мог легко и мастерски манипулировать людьми и событиями. Рэймонд Бэббит не умел пользоваться вилкой, но у него было то преимущество перед Чарли, что он ни разу в жизни сознательно не причинил никому боли.

Какой же он козел! Чарли Бэббит устроил этот идиотский марафон по стране, чтобы получить от своего брата деньги, чтобы запечатлеть в его поврежденном мозгу новые модели поведения, не обращая внимания, насколько они фальшивы, бесполезны или временны, и все это для того, чтобы наложить лапу на большой денежный куш. Грандиозный план и, как показала практика, вполне осуществимый!

И вдруг проклятые деньги потеряли свой вес. Вырвав Рэймонда из привычной безопасной среды, где он вел свою борьбу за выживание почти двадцать лет, Чарли не уделял своему брату даже небольшого внимания. Какое право имел он, Чарли Бэббит, мистер Красивый, мистер Умный... покуситься на права и покой умственно отсталого человека? Вспомнив свои необдуманные поступки, беспечную жестокость, с которой он относился к Рэймонду, Чарли содрогнулся. Он хотел объяснить своему брату, как он теперь жалеет об этом. Но он знал, что Рэймонд не сможет понять его. Кроме того, Чарли чувствовал, что многим обязан Рэймонду, гораздо большим, чем просто выигрышем за карточным столом.

Рэймонд поймал взгляд Чарли в зеркале. В нем все еще читался вопрос — вопрос, на который невозможно ответить. Чарли улыбнулся брату широкой, ободряющей улыбкой.

— Ну, расскажи мне про свою девочку. Симпатичная, правда?

— Девочка?

— Девушка из бара.

— Айрис, — сказал Рэймонд. — У нас свидание. Позже. Сегодня вечером. В десять. Здесь. Скажи своему брату.

— Свидание? — Улыбка Чарли, с зубной щеткой во рту, стала еще шире.

— Мне нужно... танцевать. На свидании, — сказал Рэймонд, и в голосе его прозвучал испуг.

Чарли вынул зубную щетку.

— Ну, танцы — это плевое дело, — заверил он брата. — Я тебе попозже покажу. Дай мне только часок отдохнуть.

Но Рэймонда это не успокоило.

— Сейчас, — настаивал он. — Я сейчас... не знаю, как это делать.

Действительно, это было для него очень важно, и Чарли кивнул в знак согласия. Прополоскав рот, он положил на место зубную щетку и сделал Рэймонду знак следовать за ним. Они вернулись в спальню, Чарли включил радиоприемник, поймал простенькую романтическую мелодию, исполнявшуюся на струнных инструментах.

— Прекрасно. Теперь подойди сюда и встань ко мне лицом. Положи руки вот так. Нет, не отодвигайся. Ты ведь хочешь научиться танцевать? А иначе ничего не получится. Ты должен держать свою партнершу. Нет, не смотри под ноги, — командовал Чарли. — Просто иди туда, куда я тебя веду. Старайся это делать под музыку.

Они медленно и неуклюже передвигались, Чарли вел, Рэймонд исполнял женскую партию. И хотя он был неуклюж и неважно координирован, получалось не так уж плохо. Движения его были угловаты, руки не гнулись, но ноги как-то умудрялись выдерживать ритм.

— У тебя хорошо получается, — сказал Чарли, после того как они пять минут потренировались. — Совсем скоро ты сможешь вести.

Еще через несколько минут Чарли попытался научить его повороту. В первый раз Рэймонд немного запнулся, но все же у него получилось. Они попробовали еще раз, и на этот раз Рэймонд с

успехом преодолел трудности. Они поменяли позицию. Теперь Рэймонд вел и справлялся с этим на удивление хорошо. Лицо его было серьезно, губы сжаты, ему стоило огромных усилий просто помнить о том, что не нужно смотреть под ноги.

— Черт побери! — изумился Чарли. — У тебя получается, правда?

Рэймонд не ответил, вместо этого сделал поворот. Потом еще.

— Так держать, Рэй! — Чарли засмеялся, гордый своим братом и собой тоже. — Черт возьми! Ты сможешь танцевать с этой девушкой, скажи?

— Танцевать... с этой... девушкой! — как эхо отозвался Рэймонд.

Внезапно Чарли ощутил неожиданный прилив любви и на мгновение забылся. Несколько ударов сердца — и он забыл, кем был Рэймонд, помня только, что он ему брат. Его брат — Человек Дождя. Он сжал Рэймонда в крепком объятии.

Рэймонд онемел от ужаса. Его никогда так не душили в объятиях. Рэймонд не мог вдохнуть, и дремавший в нем страх немедленно встрепенулся.

Чарли быстро понял свою оплошность. Это же Рэймонд, а Рэймонд не переносит, когда до него дотрагиваются. Отпустив брата, Чарли отступил назад. Но страх Рэймонда не уменьшился. Он тяжело дышал, почти пыхтел, глаза дико вращались.

— Эй, брат! — воскликнул Чарли, пританцовывая, как боксер. Он попытался привести Рэймонда в чувство. — Братья всегда так обнимаются! В этом нет ничего ужасного. Это по-братски! Ты ведь мне брат?

Но было слишком поздно. Потрясение было глубоким, и Рэймонд ушел в себя. Руки его нервно задвигались, пальцы были сцеплены.

Чарли почувствовал нарастающую внутри необъяснимую злость. Он слишком устал, чтобы соображать. Кроме того, он был обижен, хотя еще не отдавал себе в этом отчета. Чарли не осознавал, что он хочет, невзирая ни на что, пробиться к Рэймонду сквозь стену, отделяющую его от мира, заставить брата ощутить кровное родство между ними. Ведь это же Человек Дождя, который пел песни ему, завернутому в одеяло младенцу. Чарли был уверен, что где-то в сознании брата таится чувство родства и ожидает, пока Чарли разбудит

его. Он был готов, если потребуется, сделать это даже с помощью силы.

— Брат ты мне или не брат, черт подери? — с жаром пытал Рэймонда Чарли.

Рэймонд не мог уяснить, почему Чарли вдруг так разозлился, но вопрос он понял. Брат. Да, он брат. Брат Чарли Бэббита. Он испуганно кивнул, не отрывая глаз от брата, Чарли Бэббита. Слово он знал. Оно означало некую связь, постичь которую он был не в состоянии.

— Ну так давай обнимемся, черт возьми!

Чарли подскочил к Рэймонду и сжал брата в крепком медвежьем объятии. Онемев от страха, Рэймонд толкнул Чарли изо всех сил. Они несколько минут молча боролись, неуклюже двигаясь по комнате в странной схватке.

Но Чарли не хотел сдаваться. В его голове засела сумасшедшая идея. Чарли казалось, что, если объятие будет достаточно крепким и долгим, Рэймонд откликнется. Его любовь и горячее желание по-настоящему братских отношений с Человеком Дождя смогут добраться до глубин сознания Рэймонда, его Рэя, его брата, и восстановить потерянную личность, настоящую личность, которая затаилась у него внутри.

Рэймонд боролся яростно и неистово. В момент крайней опасности у него вдруг проявлялась такая сила, о которой он сам не подозревал. Он дернулся изо всех сил и вырвался из рук Чарли. Страх завладел всем его существом. Рэймонд настолько глубоко ушел в себя, что у него отключились даже все обычные реакции на опасность: он не бормотал, не заламывал рук, не вращал глазами, его тело не одеревенело.

Но Чарли не хотел сдаваться. Он не мог отступить, не мог позволить Человеку Дождя ускользнуть. Доктора ошиблись, они не могли не ошибиться. Что могут знать эти доктора, эти мешки, набитые дерьмом? Рэймонд им никто. А для него он единственный на этом свете родной человек, и Чарли не мог допустить, чтобы его брат жил и умер в своем аутистическом заключении. Он, Чарли Бэббит, должен спасти его. Он сделает то, чего не смогли все эти ублюдки.

— Черт возьми, Рэй! — выдохнул он, продолжал свой упрямый танец вокруг брата. — Ты по-настоящему задел мои чувства! А это самая большая обида, которую только можно нанести.

Рэймонд снова забормотал, когда Чарли, подкравшись, стал загонять его в угол. Он применял тактику шока. Им владела упрямая мысль, что, если он напугает брата достаточно сильно, это может вернуть Рэймонда к норме.

— Я заведу свой Список Серьезных Происшествий, — угрожал Чарли. — И ты там будешь записан под первым номером. Под первым! В одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году.

Он снова набросился на брата, обнял его, держа так крепко, что тот едва мог дышать.

— Давай, обними меня тоже! — требовал он. — Обними меня, Рэй. Только один раз. Давай! Почувствуй наконец, как это здорово! — У него на глазах выступили жгучие слезы. Никогда в жизни он ничего так не хотел. Такого сильного чувства Чарли не испытывал с тех пор, как двадцать четыре года назад Человек Дождя исчез. Тогда он плакал, плакал и теперь Чарли хотел, чтобы Человек Дождя вернулся.

Охваченный страхом и яростью от собственной беспомощности, Рэймонд сунул в рот руку и изо всех сил вцепился в нее зубами. Этот бессознательный акт самоистребления был крайним проявлением его болезни.

Он мгновенно охладил пыл Чарли, вывел его из заблуждения. Он осознал раз и навсегда, что Человека Дождя больше нет, что на самом деле его никогда не существовало нигде, кроме его детской памяти. За глухой стеной болезни внутри его брата не скрывается нормальная личность. Рэймонд Бэббит — «аутистический феномен». И все, и ничего больше. Возможно, в незначительной степени он был способен испытывать удовольствие. Несомненно, он обладал некоторыми выдающимися способностями. Если относиться к нему с любовью и вниманием, проявления его болезни могут быть немного ослаблены. Но Рэймонд Бэббит никогда не будет нормальным. Никогда. Не будет. Нормальным.

На Чарли как будто вылили ушат холодной воды. Он немедленно с покорностью разжал объятия и отступил назад.

— Ну все, Рэй! Пожалуйста, не надо!

Но Рэймонд был не в состоянии отпустить свою руку, он как будто бежал по пустыне своего сознания в поисках спасительного редута. Боли он не чувствовал, а если и чувствовал, то считал ее магической

силой, которая поможет ему остаться в живых. Схватив Рэймонда за руку, Чарли освободил ее, с силой разжав сведенные зубы брата.

На тыльной стороне ладони Рэймонда остались глубокие следы укуса. Чарли чуть не заплакал от острого чувства вины.

— Забудь об этом, забудь об этом, — взмолился он. — Я больше никогда так не буду. Обещаю. Никогда. Никогда.

Медленно, очень медленно Рэймонд начал приходить в себя. Дышать он стал ровнее. Но страх еще оставался в его глазах, в его застывшей позе.

— Я был дураком, — негромко проговорил Чарли. В его голосе звучала безграничная печаль. — Это братья обнимаются, а мы не братья.

* * *

Схватка была яростной, но закончилась быстро, как бурная летняя гроза, и, по-видимому, Рэймонд уже забыл о ней.

Пока Чарли умывался и надевал снова свою помятую одежду, собираясь сопровождать Рэймонда в бар на назначенное ему в десять свидание, Рэймонд сидел на кровати и смотрел по телевизору спортивную программу, хладнокровно ожидая часа, когда он будет танцевать с Айрис.

Чарли как раз появился из спальни, на ходу повязывая галстук, когда раздался звонок. Прежде чем он успел сказать «войдите», дверь номера отворилась. На пороге стояла Сюзанна. Щеки ее пылали, темные волосы были спутаны. Казалось, она летела через пустыню на помеле. Выглядела Сюзанна чудесно.

Чарли подбежал, обнял ее, смеясь и прижимая к себе.

— О, ну и вид у тебя, — сказал он, зарывшись лицом в ее густые курчавые волосы. — Рэй, Сюзанна приехала!

Рэймонд повернул голову и серьезно взглянул на нее. Сюзанна помахала ему рукой, и он изобразил ответный жест.

— Как ты узнала, что мы здесь? — В глазах Чарли было недоумение, но вместе с тем и счастье.

— Я говорила с Ленни. — Она опустила свои черные блестящие глаза, потом взглянула на него. — Мне жаль, что у тебя такие

неприятности, — тихо произнесла она.

Чарли слегка пожал плечами:

— О, не беспокойся. Обстоятельства резко изменились. Рэй, расскажи ей, что мы тут делали.

— Мы играли в карты. Мы играли в очко, и я считал карты, — незамедлительно ответил Рэймонд.

— Что? — У Сюзанны перехватило дыхание.

— Это долгая история, — поспешил ответить Чарли, желая скорее остаться с Сюзанной наедине. — Мы поговорим об этом после того, как немного вздремнем. — Он схватил ее руку как свою собственность и повел в спальню.

— Как дела, Рэй? — обернувшись, спросила она.

— Не знаю.

* * *

Чарли и Сюзанна не помнили, чтобы когда-нибудь им удалось испытать такое удовольствие от секса. То ли потому, что Чарли слишком устал и был просто нежен, то ли потому, что они долго не виделись, то ли потому, что Чарли за это время изменился. Кто знает? Как бы то ни было, утолив страсть, они лежали рядом, обнаженные, на смятых простынях, очень уставшие, но ощущающие близость и удовлетворение.

Сюзанна легонько провела ногтем по плечу Чарли, затем вдоль руки.

— Ты действительно счастлив меня видеть? — тихо спросила она.

Чарли наклонился к ней и уткнулся лицом в ее маленькую, красиво очерченную грудь.

— Конечно. А ты думаешь, я притворяюсь?

— Я спрашиваю потому, что ты никогда не говорил мне о таких вещах. Например, о том, скучал ли ты без меня. Не без этого, — она сделала рукой жест, изображающий секс, — а без меня. Без Сюзанны.

— Ты же знаешь, что да, — начал Чарли, но Сюзанна перебила.

— Ну почему же тогда ты не говоришь мне об этом? — упорствовала она, сверкая глазами. — «Сюзанна, я скучал по тебе. Я

хотел видеть тебя». Ты же знаешь эти слова. Для этого есть миллионы слов в английском языке. Было бы чудесно...

В это время раздался стук в дверь спальни, и Чарли вскочил с кровати.

— Ну, ты спасен, — проворчала Сюзанна.

— Войдите, — обернув полотенце вокруг бедер, позвал Чарли, открывая дверь. Там стоял Рэймонд, в руке он держал свой «Вотчмен».

— Осталось шесть минут до моего свидания.

— У него свидание? — удивленно поинтересовалась Сюзанна.

Чарли подпрыгивал на одной ноге, надевая брюки.

— Да, что-то вроде. Давай, Сюзанна, одевайся быстро. Через шесть минут мы должны быть внизу.

— Пять, — сказал Рэймонд.

Когда они спустились в бар, у них в запасе оставалась еще минута. Рэймонд все еще держал «Вотчмен», приклеившись взглядом к маленькому экрану. В кармане его пиджака было спрятано кое-что, предназначавшееся для Айрис. Чарли Бэббит велел ей это передать.

— Знаешь, Рэй, можно было бы оставить телевизор в номере. Эту штуку не обязательно приносить на свидание.

— Они танцуют, — сказал Рэймонд, не отрываясь от экрана. Там несравненные Фред Астер и Джинджер Роджерс танцевали степ. Платье Джинджер развевалось, окутывая ее как облако, а туфли Фреда порхали над сценой, сверкая, как звездная пыль.

— Как она выглядит? — шепотом спросила Сюзанна у Чарли.

Рэймонд услышал.

— Она выглядит как еда, которую подают в кафе, — ответил он. — Она очень вкусенькая.

Откинув голову назад, Чарли залился громким смехом.

— Не думаю, что мне приходилось слышать что-нибудь подобное.

— Это хорошо? — подняв брови, спросила Сюзанна.

Когда они стояли, оглядывая бар в поисках Айрис, к ним подошел служащий казино.

— Мистер Бэббит?

— Да, — сказал Чарли.

— Мистер Келсо хочет вам кое-что сказать.

Ого. Чарли почувствовал внезапную тревогу. Это не обещает ничего хорошего. Он разозлил этих боссов, выиграв слишком много

проклятых денег. Спокойно. Конечно, не похоже, чтобы казино горело желанием поздравить его с выигрышем. С другой стороны, вряд ли они засняли его на видео. «Спокойно, — говорил он себе. — Надо собраться. У них нет ничего против тебя. Ты чист». Тем не менее ему было не по себе.

— Сюзанна, посмотришь за ним немного?

Когда Чарли уходил, Рэймонд не поднял глаз от телевизора, зато взглянул на свои наручные часы.

— Ее нет. Уже одна минута одиннадцатого. Она не пришла, — объявил Рэймонд. Сюзанна с беспокойством поглядела на него. Казалось, это не слишком его расстроило. Он по-прежнему был поглощен Фредом и Джинджер, танцующими на экране «Вотчмена».

Следом за служащим казино Чарли вошел в дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен», которая вела в длинный коридор со множеством дверей. За каждой из них помещались кабинеты персонала казино. Вывеска на двери в конце коридора гласила: «Мистер Дж. Эжен Келсо» и, более мелкими буквами, ниже было написано: «Директор службы безопасности». Служащий казино открыл дверь и кивком пригласил Чарли войти.

Они оказались в приемной, украшенной картинами современных авторов и гладким столом черного дерева, за которым сидела секретарша с внешностью фотомодели. Она кивнула, и служащий казино подвел Чарли к тяжелой дубовой двери в кабинет, тихонько постучал один раз, затем раскрыл ее, впустил Чарли внутрь и удалился, очень аккуратно прикрыв за ним дверь.

Кабинет директора службы безопасности был просторным и роскошно обставленным. Каждая вещь тут как будто подчеркивала свою немалую стоимость, и это произвело на Чарли впечатление, хотел он этого или не хотел. За широким старинным столом сидел солидный мужчина с приятным лицом и сидящими волосами. Чарли изумленно вытаращил глаза. Перед ним был тот улыбчивый мужчина, который сидел весь вечер рядом с Рэймондом за карточным столом, человек, который задавал Рэймонду все эти вопросы! Так вот он какой, глава казино, директор службы безопасности, мистер Дж. Эжен Келсо! Только теперь он не улыбался.

У Чарли подкосились ноги. Ему стоило больших усилий спокойно подойти к стулу и сесть, а не упасть на него. Они долго молчали, глядя

друг на друга, затем мистер Келсо негромко заговорил.

— Мои поздравления, мистер Бэббит. Вы выиграли... сейчас посмотрим, — он обратился к списку выплат, — восемьдесят шесть тысяч триста долларов. Это очень большая сумма.

— Не так уж много, — сказал Чарли. Он был внешне спокоен, но сердце его тревожно стучало. — Это вы вряд ли считаете действительно крупным выигрышем.

— Дело не в сумме. Это может... оказаться опасным. — Мистер Келсо откинулся на спинку своего высокого обитого кожей стула и сложил вместе кончики пальцев. — Просчитывать карты в «башмаке» из шести колод — это настоящее искусство. На самом деле, это достойно особого внимания. Лично моего. Я не играю в карты со всеми подряд, мистер Бэббит. Я не люблю карт.

Чарли постарался придать лицу невинное мальчишеское выражение, лучшее, на которое он был способен.

— Боюсь, что я не понимаю, о чем...

— У нас есть видеозапись, — резко оборвал его мистер Келсо, и в голосе его появился новый оттенок холодности. — Мы ее проанализируем и поделимся результатами с другими казино. Запись говорит о том, мистер Бэббит, что вам следует забрать свой выигрыш и покинуть штат.

Чарли открыл было рот, но директор службы безопасности не дал ему сказать ни слова.

— Все, что от вас требуется, это закрыть рот и отправиться восвояси. Это лучший шанс, который у вас пока есть. — Он строго посмотрел на Чарли.

Угроза в голосе Келсо была легкой, но распознать ее можно было так же безошибочно, как нащупать кинжал под бархатом. Чарли Бэббит почувствовал вдруг настоятельную потребность снова попасть в Лос-Анджелес. Ему хотелось домой.

* * *

Айрис на свидание не пришла. В двадцать два десять Рэймонд был уже готов махнуть на все рукой и подняться в номер. Поскольку он и не питал особых надежд, разочарования не было, и, казалось, он

вполне удовлетворенно воспринял совет Сюзанны подняться наверх смотреть телевизор. Он так увлекся происходящим на маленьком экране «Вотчмена» действием, что вовсе не думал об Айрис.

Он медленно побрел с Сюзанной к лифтам, не отрывая глаз от телевизора. Сюзанна заглянула ему через плечо. На экране Джинджер и Фред кружились в волшебном танце «They can't take that away from me» [2], — Возможно, Айрис тоже так танцует, — весело сказала Сюзанна. — Очень нехорошо получилось. Но другие случаи еще представятся. Множество красивых девушек будут... любить... танцевать с тобой, Рэймонд.

Рэймонд не ответил, его внимание было приковано к Джинджер.

— Айрис была действительно хорошенькая?

— Не знаю.

Лифт подошел, двери его бесшумно открылись. Сюзанна вошла и стала ждать Рэймонда. Он медленно прошаркал внутрь, все еще восхищенно и внимательно глядя на экран. В лифте они оказались одни.

— Она была самой красивой девушкой, которую ты когда-либо встречал? — настаивала Сюзанна.

— Не знаю, — снова сказал Рэймонд.

Музыка, доносившаяся из телевизора, заполнила лифт.

Мелодичная, романтическая — устоять было невозможно. Сюзанна порывисто потянулась к красной кнопке «Стоп» на панели управления. Лифт немного дернулся, потом остановился. Испуганный Рэймонд оторвался от «Вотчмена».

— Мне нравится эта музыка, — мягко сказала ему Сюзанна. — Пожалуйста, покажи мне, как бы ты танцевал с Айрис?

Такого поворота Рэймонд не ожидал и не понимал, что от него требуется. Но в словах Сюзанны слышалась такая приятная близость, что он был тронут. Девушка осторожно взяла телевизор из его руки и поставила его на пол лифта. Нежные звуки, поднимаясь вверх, окутали их своей сладостью.

Шагнув к Рэймонду, Сюзанна положила руки ему на плечи.

— Так? — спросила она.

Рэймонд не двигаясь смотрел на нее пустым взглядом, наклонив голову, как он это иногда делал.

Сюзанна ободряюще улыбнулась и, осторожно подняв руки Рэймонда, положила их себе на талию. Очень медленно она задвигалась, и через несколько тактов Рэймонд начал с ней танцевать. Их тела прижимались друг к другу, они двигались в ограниченном пространстве лифта вслед за музыкой. Рэймонд вспоминал, чему Чарли учил его, и делал это по-своему. В своем стиле.

Песня кончилась, и они остановились, опустив руки.

— Айрис упустила великолепный танец, — тихо сказала Сюзанна.;

— И поцелуй.

— Поцелуй? — Сюзанна, вздрогнув, отступила назад.

— Чарли Бэббит сказал. Если она будет добра ко мне, подарить ей маленький поцелуй.

Сюзанна секунду-две подумала, затем кивнула. Она шагнула к Рэймонду и тихонько сказала:

— Покажи, как это?

Рэймонд сложил губы как невинный маленький мальчик, которого заставили поцеловать свою тетюшку. Покачав головой и улыбнувшись, Сюзанна сказала:

— Открой рот. И представь, что ты ешь что-то очень вкусное. — Она приоткрыла свой алый ротик, показывая Рэймонду, что нужно делать. Открыв рот в точности как Сюзанна, Рэймонд получил свой первый поцелуй. Сюзанна целовала его нежно и осторожно. Они целовались несколько секунд, потом Сюзанна отступила.

— Ну как, какой у поцелуя вкус?

— Вкус... влажный, — сказал Рэймонд.

— В таком случае мы делали все правильно. — Девушка рассмеялась.

Сунув руку в карман пиджака, Рэймонд достал то, что у него было припрятано для Айрис, и протянул Сюзанне. В изумлении Сюзанна переводила взгляд с его лица на двести долларов, которые он предлагал ей.

— Чарли Бэббит велел, — сказал Рэймонд.

Глава двенадцатая

Обратная дорога в Лос-Анджелес была недолгой. Струи теплого и сухого воздуха обдували «бьюик», но это не было неприятно. Сюзанна сидела рядом с Чарли на переднем сиденье, Рэймонд — сзади. Он то рассматривал окрестный пустынный пейзаж, то глядел на экран переносного «Сони», где шел вестерн. Сюзанна аккуратно перевязала ему так ужасно искусанную руку. Время от времени Рэймонд наклонялся вперед и напоминал Чарли о его обещании сводить Рэймонда на бейсбольный матч на «Доджер-Стэдиум» в Лос-Анджелесе. Разве не за этим ехали они в Лос-Анджелес? Так сказал Чарли Бэббит. Чарли почти забыл о своем обещании, сделанном неделю назад, но теперь он заверял Рэймонда, что визит на «Доджер» обязательно состоится. Чуть позже, говорил он, обязательно.

Каждый мускул в теле Чарли требовал отдыха. Ночь они с Сюзанной провели бурно, поэтому ему казалось, что он не спал уже целую вечность. В конце концов, когда еще им представится возможность заниматься любовью в двухместном номере шикарной гостиницы? Несмотря на усталость, Чарли был счастлив. Деньги, достаточные для спасения, лежали у него в кармане, его возлюбленная снова была рядом, брат сидел на заднем сиденье, акулы из казино не сожрали его. В общем, жизнь не так уж мрачна.

Один раз Чарли даже разрешил Рэймонду сесть за руль «бьюика» на пять минут. Дорога была пуста, машина шла со скоростью не более двадцати миль в час. Нога Чарли была на педали газа, но руль держал Рэймонд, а Сюзанна на заднем сиденье покатывалась со смеху.

— Ты за рулем. Смотри за дорогой, — предостерегал Чарли.

— Я... отличный... шофер, — сказал Рэймонд.

В Санта-Монике они остановились, чтобы высадить Сюзанну у ее дома, и направились туда, где жил Чарли.

Жилище его представляло собой одну из миллиона скромных квартир в построенном в испанском стиле жилом массиве, одном из тех, что разбросаны по окраинам Лос-Анджелеса. Все они друг на друга похожа. Около каждого такого дома растет высокое дерево авокадо, роняя свои спелые плоды на крышу, покрытую терракотовой

черепицей. В заднем дворе — бассейн, окруженный продолговатыми листьями агавантусов и круглыми синими головками их цветков. Иногда их заменяет оранжевая кливия. В общем, никакой разницы.

Все окна первого этажа выходят во двор. В каждой квартире второго и третьего этажей — балконы с видом на бассейн. Четвертого этажа нет. Внутреннее оформление квартир — оштукатуренные стены, камины под кирпич, крохотные кухоньки — навеяно испанскими мотивами. Единственное, чем отличаются друг от друга такие квартиры — это оплатой. Она зависит от местоположения. Жилище Чарли находилось на внешней границе Brentwood, в достаточной близости от него, чтобы иметь тот же почтовый индекс, поэтому плата за него была астрономической.

Чарли открыл дверь перед Рэймондом. В руках его были чемоданы, он легонько подталкивал Рэймонда в спину. Рэймонд в неподвижности остановился на пороге, оглядываясь вокруг.

— Мы живем здесь? — наконец спросил он. — Ну вот, они передвинули кровать.

— Рэй, это я живу здесь, — тихо ответил Чарли.

— А где я живу?

— Твоя комната там. — Чарли указал на небольшую отдельную комнату, которую он иногда использовал как домашний офис, а иногда размещал там гостей. Там стоял стол, было несколько полок, один или два стула, но вместо кровати был складной диван. Рэймонд обошел комнату, осмотрел ее и мгновенно забеспокоился.

— Ну вот, кто-то украл кровать. В моей комнате... вообще... нет... кровати. У меня пропала... кровать... в...

— В одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году, — с улыбкой закончил Чарли, и это, казалось, немного успокоило Рэймонда. — У тебя волшебная комната. Здесь диван может превращаться в кровать. Мы передвинем ее к окну. Как ты любишь. На... место.

Рэймонд обдумал предложение и решил, что оно приемлемо. Но тут же возникла новая проблема:

— Ну вот, мои книги...

— Правильно. — Чарли утвердительно кивнул. — У нас будут книги. Войди и напиши список, какие нам нужны.

Это помогло. Рэймонд охотно вошел в свою комнату, снял ранец и начал искать в нем нужный блокнот. Ему нравилось составлять списки. Они успокаивали его, все, кроме Списка Серьезных Происшествий и Списка Ужасных Событий.

Чарли тем временем занялся автоответчиком. Там было три сообщения. Он включил запись.

— Вас беспокоят по поводу приема мистера Рэймонда Бэббита доктором Марстоном. — Женщина говорила с британским акцентом, сокращая слова. Несомненно, это очень высокооплачиваемая секретарша. — Завтра утром, в десять часов. Четыре, пять, один, Роксбери-драйв. До встречи. — В трубке щелкнуло. Хорошо. Этого звонка он ожидал.

— Привет, это я, — послышался негромкий голос Сюзанны с ее очаровательным акцентом. — Я только... Надеюсь, вы хорошо добрались... и... с вами все в порядке. — Щелчок. Он был счастлив просто услышать ее голос.

— Можно посмотреть телевизор? — спросил Рэймонд из соседней комнаты.

— Мистер Бэббит, это Вальтер Брунер. — Этот последний звонок был полной неожиданностью для Чарли. — Я в «Бонадвенчер». Думаю, что нам нужно поговорить. — Щелчок.

Черт возьми! Брунер! К этому Чарли был не готов. Почва уходила у него из под ног. Он не ожидал, что чертов психиатр будет выслеживать его на всем пути. Но теперь, еще раз обдумывая это, Чарли понял, что нельзя было исключать такую возможность. Ставка слишком высока — три миллиона долларов. Ради таких денег он отправился бы в Новую Зеландию в балетной пачке и с кольцом в носу.

Только Воллбрук теперь казался таким далеким, словно это было очень давно, в отдаленном прошлом. В сознании Чарли Рэймонд больше не ассоциировался с Воллбруком. Они были братьями.

Позвонив доктору Брунеру в отель и договорившись о встрече, Чарли успел только принять душ, быстро побриться и натянуть спортивную рубашку и джинсы Рэймонд был в своей комнате. Довольный, он сидел на диван-кровати, смотрел повторение вечерних спортивных программ и жевал маисовые чипсы.

Доктор Брунер позвонил в дверь. Прежде чем впустить его в квартиру, Чарли, бросив недобрый взгляд ему за спину, удостоверился,

что Брунер не привел с собой вооруженную подмогу, чтобы забрать Рэймонда силой. Но доктор был один и даже не казался разгневанным. Войдя в квартиру с приветливой улыбкой, он лишь спросил;

— Где Рэймонд?

— Там.

Доктор Брунер подошел к двери в комнату Рэймонда и заглянул внутрь. Рэймонд выглядел здоровым, спокойным и вообще очень похожим на себя. И хотя про себя Брунер отметил его перевязанную руку, но вслух ничего не сказал.

— Можем ли мы поговорить где-нибудь наедине? — спросил психиатр.

— Снаружи.

Они вышли во двор, оставив дверь приоткрытой, чтобы Чарли мог услышать Рэймонда, если ему что-нибудь понадобится.

— Перейду прямо к делу, — бодро произнес психиатр. — Когда мы все обсудим, мой адвокат встретится с вашим адвокатом. И объяснит ему... положение вещей.

— Положение вещей, — монотонно повторил Чарли. Брунер кивнул и сунул руку в карман. Он вынул оттуда лист бумаги, по виду напоминающий официальный документ, и протянул его Чарли. Тот посмотрел на него, но не дотронулся.

— Это ордер, запрещающий вам под угрозой уголовного наказания держать Рэймонда у себя до решения суда. Документ имеет временную силу.

Доктор посмотрел на молодого человека своим пронизательным взглядом, но выражение лица Чарли никак не изменилось. Будь он проклят, если позволит этому лекаришке вывести себя из равновесия.

— Так что, Чарли, — продолжал доктор Брунер, — когда закончится слушание, Рэймонд будет принудительно водворен в Воллбрук. В первый раз в жизни. И за это он должен благодарить вас.

Чарли вызывающе выпятил подбородок:

— Но это ведь зависит от решения суда, не правда ли?

— Оно будет зависеть от того, что скажет эксперт-психиатр. Его зовут доктор Марстон. Завтра утром вы встретитесь с ним.

— Превосходно. Возможно, этот человек будет объективен. — Но Чарли опять где-то в глубине почувствовал, как почва уходит из под ног. Все они из одной шайки. Эти коновалы объединились против него.

— Я передам ему массу материалов о Рэймонде. — Призрак улыбки показался на лице доктора Брунера. — Массу. Это не тайный сговор, сынок. Это необходимая формальность. Ваш брат очень... больной человек. Вы ведь это заметили?

— Вам следовало бы посмотреть на него сейчас, — горячо проговорил Чарли. — Посмотреть, что он умеет делать. Он... он смеется, черт побери!

— Я знаю, — ответил Брунер. — Сюзанна мне рассказала.

— Сюзанна? Что, черт побери, происходит?

— Я видел ее сегодня, — объяснил психиатр. — Она считает, что Рэймонд делает успехи. — Он улыбнулся. — Она даже думает, что вы делаете успехи. Надеюсь, она не ошибается. В том, что касается вас. Что до вашего брата... Что ж, я знаю, как легко здесь впасть в ошибку, поддавшись порыву. Перемена обстановки, новые приключения — и кажется, что они расцветают на глазах. На время.

Чарли почувствовал, как в нем закипает злоба. Что знает этот хмырь о днях, которые они провели с Рэймондом? Ничего! Он ничего этого не видел! Его с ними не было!

— Они прогрессируют, — продолжал доктор. — А потом снова происходит ухудшение. Пожизненный аутизм не вылечивается с помощью каникул, Чарли. — Он покачал головой.

— Все равно, — возразил Чарли, — дело не закончено, пока оно не закончено.

Улыбка исчезла с лица доктора Брунера, и ее сменило суровое выражение.

— Чарли, с самого начала дело это было безнадежное. Ваш отец наделил меня неограниченным правом распоряжаться наследством. Это значит, что независимо от того, присудят ли вам право опекуна, я не дам вам ни цента.

Чарли передернуло. На лице его читалось, что услышанное удивило и сильно задело его. Но он промолчал, решив при всех обстоятельствах оставаться хладнокровным.

— А теперь я воспользуюсь случаем, чтобы удивить вас, — продолжал доктор Брунер. — Я принес чековую книжку. Она принадлежит Рэймонду. Я собираюсь выписать чек на ваше имя. На очень, очень крупную сумму.

— Но почему?

— Не думаю, что ваши шансы на процессе равны нулю. Но я не собираюсь позволить вам ими воспользоваться. Если Рэймонд останется здесь, его жизнь, счастье и благосостояние в любой момент могут рассыпаться, а они мне очень дороги. Я не хочу на них играть, как бы ни были высоки мои шансы.

— Вы меня покупаете.

Циничная ухмылка пробежала по губам Чарли: «У меня есть реальный шанс, и он этого боится».

— Я призван распоряжаться деньгами Рэймонда в его интересах. И это будут лучшие деньги, которые он когда-либо потратит.

— Сколько?

— Двести пятьдесят тысяч долларов, И никаких условий. Просто... уезжайте отсюда. — Доктор Брунер достал чековую книжку и «Монблан» с золотым пером, подписал чек и вежливо вручил его Чарли.

Чарли мрачно взял чек и внимательно прочитал. Почерк у доктора Брунера был великолепный, почти каллиграфический. Документ гласил: «Чарли Бэббит. Двести пятьдесят тысяч долларов и ноль центов». Красиво. Грех обращать в наличные такую красоту. На мгновение Чарли представил, какую шикарную жизнь может себе устроить за четверть миллиона долларов. Потом, без единого слова, он медленно порвал чек на четыре одинаковых клочка и вежливо вернул их доктору Брунеру.

Разговор был окончен.

Разумеется, в сознании Рэймонда четко отложилось, что именно сегодня они собирались пойти на стадион «Доджер» смотреть бейсбольный матч. И конечно, когда Чарли был вынужден сказать ему, что в ближайшем будущем бейсбола не предвидится, это настолько сильно потрясло Рэймонда, что он глубоко ушел в себя и начал разыгрывать один из своих матчей высшей лига.

Наихудший сценарий воплощался в жизнь, Через пару часов им нужно было явиться в офис доктора Марстона, чтобы доказать психиатру-эксперту, что состояние Рэймонда Бэббита улучшилось вследствие пребывания его с ним, Чарли Бэббитом, что Чарли Бэббит сотворил удивительные вещи — почти чудеса со своим аутистичным братом. А вот и он, тот самый аутистичный брат, прочно запертый в один из своих бредовых миров, сотворенных его безумной фантазией.

— Фрэнк Робинсон, выбит! — кричал Рэймонд с позиции питчера. Он был очень зол на Чарли Бэббита. Чарли Бэббит обещал. — Герман Киллебрю, выбит!

— Послушай, — объяснял Чарли в шестой раз, — мы не можем сегодня пойти на бейсбол. У нас процесс, большой процесс!

— Генри Аарон, выбит! — Рэймонд был в ударе, выбивая звезд — хиттеров одного за другим.

Его быстрый мяч невозможно было перехватить, Его крученный мяч сокрушал все, как бык, вырвавшийся из стойла.

— Рэй, остановись на минуточку, — умолял Чарли.

Рэймонд остановился на середине подачи, одна нога в воздухе, воображаемая перчатка крепко сжимает воображаемый мяч.

— Прости меня, что мы не попали на бейсбол, А когда один говорит, что просит прощения, другой говорит...

— Пит Роуз, выбит!

— Замечательно! — Чарли слегка передернуло. — Теперь пора завязывать.

— Бэйб Рут, выбит!

— Хорошо, — проворчал Чарли, терпение его кончалось. — Вот и достаточно.

Но Рэймонд продолжал. Удары его становились все сильнее и чаще.

— Микки Монти, выбит! — Он выбивал суперзвезд, ему были не страшны легендарные игроки.

— Рэй, прекрати, я сказал! — Чарли сделал несколько шагов к Рэймонду, отчаявшись вернуть его к действительности.

— Чарли Бэббит, выбит...

— Мяч не засчитан, — отозвался Чарли, и Рэймонд застыл.

— Не засчитан? Не выбит? — Несколько бесконечно долгих секунд они смотрели глаза в глаза, затем Рэймонд поднял ногу и начал очередную из своих серий.

— Ты хочешь меня выбить? — требовательно спросил Чарли. — Тогда сделай это на самом деле.

И он потащил изумленного Рэймонда из дома, за угол, на игровые площадки, расположенные в двух кварталах в ближайшем парке. По дороге они сделали единственную остановку, чтобы купить Чарли полдюжины пива.

Был жаркий июльский день. В такие дни собаки тяжело дышат, высунув пересохший язык, а кошки сворачиваются в тени подремать. Мальчишки собрались на площадке поиграть, но их энтузиазм быстро улетучился, и теперь они валялись на траве с жестянками прохладительных напитков, разговаривая о бейсболе, вместо того чтобы играть.

Двое мальчишек, может быть, десяти, может быть, одиннадцати лет, лежали чуть в сторонке. Они пришли в парк разыграть пару иннингов, но жара одолела их. Они развалились на траве, попивая «коку» и наблюдая, как неподалеку играют в баскетбол. Их мяч и бита валялись поблизости.

— Привет, ребята, — окликнул их Чарли. — Можно взять на минутку ваш мяч и биты? За десять баксов!

За десять баксов? Это он серьезно? Конечно, мистер! Тот, что пониже, поднял мяч и бросил его Рэймонду.

Рэймонд сделал неловкое движение обеими руками. Ему мешала повязка. Но он все-таки умудрился схватить и прижать к груди этот небольшой предмет. Он за свою жизнь отыграл множество игр в высшей лиге, но никогда не держал в руках настоящего бейсбольного мяча. Он принялся настороженно исследовать мяч.

Чарли поднял биты и указал ею на ближайшую свободную площадку.

— Мы будем здесь, ребята.

С битой и упаковкой пива он побежал на площадку. Рэймонд ковылял сзади. Глаза его были полны изумления. Чарли опустился на колени в домашней базе. Рэймонд прошел за ограждение и оказался на поле.

— Ну держись, мастер! Место питчера вон там! Ты ведь подающий, не так ли?

Подающий? Рэймонд Бэббит — подающий? Реальная обстановка игры поставила его в тупик, он словно прирос к месту, совершенно сбитый с толку.

— Не зевай, приятель! Судьи не будут ждать целый день.

Опустившись на колени за чертой, позади позиции хиттера, Чарли стал кетчером, ловящим игроком, из команды Рэймонда. Неуверенной походкой Рэймонд вышел на подачу. Чарли сложил ладони так, будто

это была ловушка, и подал питчеру условный знак, которого питчер всегда ждет от своего кетчера.

— Черт тебя возьми! Не смотри на него так, словно это ручная граната. Ты знаешь, что с ним делать. Врежь как следует.

Рэймонд оглядел пустое поле, не зная, какое нужно сделать движение. И как его сделать.

— Конец девятого иннинга, — выкрикнул Чарли за комментатора, пытаясь создать атмосферу игры. При счете три-три завязалась упорная борьба. «Цинциннати Рэдз» воспряли после сорока лет неудач.

Рэймонд уставился на Чарли.

— И они обязаны этим своему лидеру, — выдал Чарли. — Человеку, который все время их выручает. Рэймонду Бэббиту. Легендарному Человеку Дождя! Попросим его сделать это еще раз!

Отвечая на безмолвный вопрос брата, Чарли кивнул. Ты можешь это, Рэй. Ты можешь это, Человек Дождя!

— Все, разминка кончилась. На подаче...

Рэймонд держал руки на поясе. Его нога смешно дернулась, как всегда, когда он подавал. Он поднял руку и с силой бросил мяч. Мяч взлетел высоко, по крайней мере на восемь футов выше головы Чарли, ударился о заграждение и упал на землю.

— Прекрасно! — воскликнул Чарли. — Промах. Хиттер промазал!

Рэймонд обнажил зубы в своей застывшей улыбке. Иннинг продолжался. Это был лишь первый бросок. Счет нарастал, игрок его команды добрался уже до третьей базы, двое других перебежали на вторую и первую. Сможет ли он это сделать? Сможет ли Человек Дождя выбить супер-хиттера Чарли Бэббита?

Теперь Чарли, в другой своей ипостаси, кетчера Рэймонда, поднял мяч и направился к месту подачи, стараясь сохранить серьезную мину. «Рэдз» выигрывали, двое выбитых и трое на базах. Лишь последний хиттер «Янки» стоял между ними и выигрышем чемпионата мировой лиги.

Болельщики всего мира затаили дыхание, когда питчер и кетчер сблизили головы для последнего стратегического совещания.

— Дай им жару, мастер, — прошептал Чарли, как будто их пытались подслушать. — Ты можешь подойти ближе. Для подачи.

— Подойти ближе? — не понял Рэймонд.

— Базы заняты, — напомнил Чарли.

Рэймонд кивнул и проверил глазами базы. Взяв за руку, Чарли повел Рэймонда вперед и остановился на полпути к домашней базе.

— Черту мы перенесем... вот сюда. — И Чарли носком ботинка провел новую черту. Рэймонд не понимал, что происходит. Он оглядывался через плечо назад, на настоящее место питчера.

Чарли объяснил новую стратегию:

— Теперь ты не должен бросать так сильно. Кетчер не сможет поймать твой бросок. Никто не сможет.

Рэймонд кивнул. Он понял. Чарли вернулся на позицию кетчера и присел на корточки.

— Порядок, — кивнул он — все, как договорились. Бросай сюда не сильно, но точно.

Рэймонд неуклюже бросил мяч, и он упал, не долетев до домашней базы. Чарли показал ему большой палец. Ты запугал их, Рэй. Обратил их в бегство. «Янки» наложили в штаны!

— Игра сделана! — воскликнул он. — Очко!

Отправив мяч Рэймонду, Чарли поднял биту, взвесил ее в руке и взмахнул ею, рассекая воздух, чтобы приспособиться к ее размеру и весу. Теперь он был одновременно комментатором и бьющим. Чарли решительно двинулся к позиции хиттера.

— На поле выходит бьющий игрок «Янки». И это... Да! Это Чарли Бэббит по прозвищу Кувалда! Один удар его биты может изменить ход игры! Болельщики пришли в неистовство. — Чарли изобразил рев толпы, перешедший в дружное скандирование. — Ку-вал-да! Ку-вал-да!

Стоящий на подаче питчер проверил базы, чтобы убедиться, что бегущие не слишком оторвались от своих баз. Теперь он остался лицом к лицу с хиттером, и в его взгляде читалась решимость. Осталось выбить последнего. На чаше весов лежало чемпионское звание.

— Итак, свершилось! Сила против силы. Братья Бэббиты решают судьбу чемпионского звания между собой, чего же вам еще желать? Замах...

Рэймонд замахнулся, сделал неуверенное движение, и мяч плюхнулся на землю, пролетев в трех футах от Чарли. Кувалда сделал

мощный замах и... промазал.

— Первый промах!

Рэймонд возбужденно приплясывал, пока Чарли ходил за мячом.

— Начало положено! — говорил речитативом Чарли, имитируя интонации спортивного комментатора. — Человек Дождя собрал сегодня всю свою мощь! Похоже, что Чарли придется сдаться...

Чарли вернулся на свою позицию и приготовился к удару, слегка помахивая битой.

Замах. Подача. Мяч, разрезая воздух, пролетел мимо Чарли. Кувалда ударил изо всех сил, промахнувшись на целую милю. Мяч упал у него за спиной.

— Пр-р-ромах — два!

Теперь Рэймонд почти дрожал от возбуждения. Когда Чарли промахнулся второй раз, он даже подпрыгнул. Это было самое потрясающее событие, которое когда-либо с ним происходило. Даже более потрясающее, чем танец в лифте с Сюзанной. Даже лучше, чем игра в карты. Это была высшая лига, матч за чемпионское звание, и на подаче стоял Рэйн Мен Бэббит, выбивая великих игроков, звезд, одного за другим.

— Кувалда-Чарли отступает под таким натиском. Сегодня Рэймонд Бэббит стоит целой команды. — Чарли вернул мяч Рэймонду.

— Счет два-ноль в пользу питчера!

Рэймонд поднял мяч, но не начинал подачу. Вместо этого он стоял, тряся головой.

— Что случилось? — спросил его кетчер, подходя к нему для совещания.

— Неверный сигнал, — сказал Рэймонд. — Могу я показать ему большой палец?

Кетчер, секунду подумал, затем пожал плечами.

— Какого черта? Почему же нет? — Чарли вернулся на позицию и приготовился к удару. Это должен быть хороший удар. На его совести уже два промаха. У «Рэдз» победа уже почти в кармане. И все это благодаря Рэймонду, Человеку Дождя.

Человек Дождя медленно отвел руку назад и сильно бросил. Мяч полетел далеко от разрешенной зоны, далеко от головы Чарли, но тот все-таки сделал отчаянный прыжок в сторону, словно для того, чтобы избежать ужасного удара.

Мяч не засчитан.

— Что ж, брат против брата, — комментировал Чарли, разыскивая мяч. — Но даже борьба за чемпионский титул не разрушит узы их братской любви. Счет два-один в пользу подающего.

Он вернул мяч Рэймонду и снова взял битую. Со своей позиции он окликнул Рэймонда, на этот раз своим собственным голосом. Не было больше Кувалды-Чарли и Человека Дождя. Были лишь Чарли Бэббит и Рэймонд Бэббит, один против другого.

— Все, Рэй. Я бью по-настоящему. Я запущу этот чертов мяч в Канзас!

Слова Чарли и его тон привели Рэймонда в замешательство. Он посмотрел на брата, размахивающего тяжелой битой, и почувствовал первые признаки страха. Рэймонд оставил свое место и отошел на несколько шагов.

— Будь мужчиной, черт побери, стой на месте! Посмотри, какой фейерверк я сейчас устрою. Делай свое дело, лентяй!

Рэймонд, волнуясь, вернулся на свою позицию и сделал длинный замах. Он подал мяч, вложив в этот бросок все свои силы. Мяч летел медленно и долго. Удивительно, но он попал прямо в зону удара. Такой мяч мог бы отбить и слепой. Еще более удивительным было то, что Чарли, тоже выложившийся полностью, промахнулся. Даже не задел мяча! Бита со свистом рассекла воздух, и только...

Удар был настолько силен, что Чарли развернуло, и, не удержавшись на ногах, он плюхнулся на задницу. Кувалда-Чарли, гордость «Янки», сел в лужу. Чарли был выбит. Рэймонд сделал это. Чарли не мог в это поверить. Он совершенно не мог в это поверить! Он промахнулся!

Третий промах. Он выбит. Окончательно. Первенство мировой лиги проиграно, И Рэймонд Бэббит сделал это. Благодаря ему «Рэдз» стали чемпионами.

Человек Дождя выбил Кувалду-Чарли. Рэймонд издал победный клич и высоко подпрыгнул. Он победил! Это был его победный танец.

Но когда он увидел сидящего в пыли Чарли, который выглядел так, словно только что потерял своего лучшего друга, радость пропала. Он медленно подошел к брату. В темных глазах его читался вопрос. Оглушенный, Чарли поднял взгляд и увидел Рэймонда,

наклонившегося к нему. Рэймонд присел рядом. Они сидели совсем рядом, но каждый находился в своем мире.

Вдруг Чарли почувствовал, как кто-то прикоснулся рукой к его щеке. Это Рэймонд. Это Рэймонд, протянув руку, дотронулся до него.

— Ч-а-р-л-и, — услышал он тихий голос брата.

Спустя лишь какое-то мгновение рука исчезла. Не мираж ли это был? Но ощущение было очень реальным.

— Дать тебе пива? — Чарли криво усмехнулся, взял упаковку, отделив две баночки, открыл их и вручил одну брату.

Рэймонд уставился на банку:

— Ну вот, они забрали чашку.

— Да ну. — Чарли дружески улыбнулся брату. — Из чашек пусть пьют девочки, Рэй. Мужчины пьют пиво вот так. — Откинув голову, он сделал большой глоток. Рэймонд внимательно наблюдал за ним, потом последовал его примеру. Когда он опустил банку, на лице его было написано отвращение.

— Знаешь, Рэй, я так старался отбить этот мяч, — грустно произнес Чарли, — но...

— Я сделал хорошую подачу, — сказал Рэймонд, Слезы подступили к глазам Чарли, но он сдержал их.

— Чертовски сильная подача, — согласился он, сделал еще один большой глоток и вытер губы рукавом. — Очень жаль, что он не смог увидеть, — тихо сказал Чарли Рэймонду, — как ты выбил меня.

Они обменялись взглядами, но было ясно, что Рэймонд ничего не понял.

— Я говорю о папе, Рэй.

Рэймонд с минуту подумал:

— Папа держал тебя на руках. Он целовал тебя.

Целовал меня? Но...

— Это правда?

— Это правда, — подтвердил Рэймонд.

— Ну, это... наверное, когда я был маленький. Он еще не знал тогда, какой из меня получится... победитель. Это действительно ужасно, что его сегодня с нами не было. Я бы ему это показал, — с горечью проговорил Чарли.

— Папочка знал о том, что ты покажешь.

Теперь была очередь Чарли не понять, и Рэймонд увидел это.

— Я спросил, где мой брат Чарли Бэббит, и папочка ответил, что он в Калифорнии. И однажды... — Рэймонд запнулся.

Чарли поднес банку к губам и сделал большой глоток.

— Однажды он им всем покажет.

Небо потемнело, потом стало светлым, снова потемнело — и мир перевернулся вверх ногами. Чарли почувствовал, что ненависть, которая десять лет, как льдина, сковывала его сердце, вдруг растаяла. Отец любил его.

Он им всем покажет — так говорил Сэнфорд Бэббит. Он любил своего сына, несмотря ни на что. Чарли никогда не знал этого. А теперь уже слишком поздно. Слишком поздно. Впервые в жизни Чарли ощутил не ту боль, которую причинял ему отец, а боль отца, которую причинял ему Чарли. Так много боли на протяжении стольких лет. Сначала болезнь Рэймонда, потом смерть жены, потом Чарли, который не оправдал его надежд и обманул ожидания. И все это только потому, что между отцом и сыном не было взаимопонимания.

Губы Чарли задрожали, и он посмотрел в сторону. Когда он перевел взгляд обратно, он увидел большие обеспокоенные глаза Рэймонда, смотрящие на него. Рэймонд. Его брат. Его Человек Дождя. Чарли приблизил лицо к лицу Рэймонда, глядя ему прямо в глаза. Лоб его почти касался лба брата.

Рэймонд приблизил свою голову к голове Чарли так, что они коснулись лбами. Второй раз за день Рэймонд дотронулся до него. Братья смотрели друг другу в глаза. И, независимо от того, что говорили доктора и что они еще скажут, родство между братьями существовало. Настоящее родство.

— Тайное братство, — прошептал Чарли.

— А правда, я отличный водитель? — ответил Рэймонд.

Глава тринадцатая

Чарли Бэббит готов был лупить себя по заднице, чтобы выбить всю ту дурь, все уличные похождения, все удачные и неудачные аферы, которые составляли его жизнь в эти десять лет. Они выиграют предстоящий матч всухую, если только Рэймонд запомнит свою роль и сможет сыграть ее. Эти чертовы лекари ухватили кусок, который им не по зубам, когда связались с братьями Бэббитами. В конце концов, у кого больше прав на Рэймонда, у какого-то заведения для убогих или у родного брата?

Тем не менее когда они поднимались в лифте из подземного гаража здания на Роксбери-драйв, Чарли продолжал настраивать себя. Кто первый? Мы первые! Мы чертовски крутые ребята!

Они были ослепительны в своих итальянских костюмах, купленных в Вегасе, и одинаковых галстуках. Они производили впечатление невероятных пижонов. Когда лифт остановился, Чарли нацепил на лицо улыбку и подхватил свой «дипломат».

Дверь кабинета украшала скромная медная табличка с надписью: «Филипп Марстон. Доктор медицины». Чарли настезь распахнул дверь и придержал ее, пропуская Рэймонда вперед. Как обычно, Рэймонд задержался на пороге. Он загородил брату дорогу. Не имея возможности войти, Чарли выглядывал из-за плеча Рэймонда.

— О, мистер Бэббит. — Тот же отрывистый голос с британским акцентом, который Чарли слышал в автоответчике.

Вышколенная секретарша доктора Марстона являла собой воплощение «деловитости», так давно и успешно культивируемой в доброй старой Англии. Она прекрасно соответствовала обстановке приемной, носившей отпечаток неброской, тонкой роскоши. Блеклая обивка кресел. Картины на стенах. Неизбежный аквариум с тропическими рыбками. «Неужели у каждого психиатра в Штатах есть такой аквариум?» — промелькнуло в голове у Чарли.

Рэймонд кивнул. Он — мистер Бэббит.

— Чашечку кофе? — вежливо спросила девушка. В ее руках появился поднос, на котором стояли две чашечки, кофейник, сливки и сахар.

Рэймонд покачал головой. Не надо кофе.

— Присядьте, пожалуйста. Сейчас вас примут. — И она прошла в кабинет Филиппа Марстона, доктора медицины.

Рэймонд, а за ним и Чарли наконец прошли в приемную и сели. Чарли ухватился за эту последнюю возможность подбодрить брата.

— Все нормально. Ты помнишь, о чем мы договорились?

— Ну вот, ты помнишь.

— Нет-нет. Никаких «ну вот». Мы не говорим «ну вот».

— Ну вот, мы не говорим.

— Отлично. Ты спокоен. Руки лежат спокойно. Твой голос спокоен. Ты не озираешься. — Чарли показал, чего не следует делать. — Никаких блокнотов. Никакой скороговорки. И разумеется, никаких... чего?

— Никакого бормотания, — продекламировал Рэймонд. — Никакого мычания. Никакого бейсбола.

Чарли одобрительно кивнул брату:

— А что ты скажешь, когда они спросят про руку? — Чарли бросил многозначительный взгляд на перевязанную руку Рэймонда.

Рэймонд положил руки на воображаемый руль и изобразил движения водителя. Прекрасно. Они должны держать это в тайне. Улыбнувшись, Чарли одернул пиджак брата и поправил узел на его галстуке.

— Ты сделаешь это, — тихо сказал Чарли. — Я буду гордиться тобой.

Он расстегнул ремень Рэймонда, опустил его брюки с груди на пояс, и снова застегнул ремень. Затем, достав расческу, аккуратно причесал Рэймонда, придав его модной стрижке соответствующий вид. Вот так! Он выглядит на миллион долларов!

— Человек может, — сказал Рэймонд.

Чарли усмехнулся и открыл свой «дипломат». Здесь было все богатство Рэймонда, все, что он обычно носил в ранце.

— Порядок. Все на месте. Если тебе вдруг покажется, что чего-то не хватает, просто посмотри сюда, и ты убедишься, что все на места. Понял? Носки. «Вотчмен». Все тетрадки.

Он достал красную тетрадку и показал ее Рэймонду.

— В том числе и Список Серьезных Происшествий.

Чарли проглядел страницы и нашел наконец свое имя.

«Номер восемнадцать. Чарли Бэббит. Одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год». Напротив имени Чарли стояла аккуратная звездочка, означавшая «смотри ниже». Чарли посмотрел на сноску. Рядом с такой же звездочкой была запись: «Чарли Бэббит прощен. Восемнадцатое июля одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года».

Прощен. Чарли вглядывался в слова, пока они не начали расплываться. Прощен. О Боже, как много это значило! Он хотел поделиться своими чувствами с братом, но Рэймонд был занят аквариумом.

— Бедные, — с довольным видом промурлыкал Рэймонд, — бедные рыбки..

— Ты... ты меня слышишь? — тихо спросил Чарли.

Но Рэймонд был увлечен рыбками и не ответил.

— Рэй, посмотри на меня.

В голосе Чарли было что-то такое, что задело Рэймонда, поэтому он оторвался от рыбок и повернулся к брату. Чарли говорил медленно, с трудом выдавливая слова, совсем не так, как обычно.

— Мне нужно..., поговорить. О чем-то очень важном. Сегодня.

Он посмотрел Рэймонду прямо в глаза. Что сможет понять его брат из того, что он пытался сказать?

— Ты можешь выслушать меня? Ты попытаешься действительно понять? Всего один раз.

Рэймонд склонил голову на бок, обдумывая вопрос. Затем он начал кивать и кивал почти минуту. Чарли спокойно ждал, пока он остановится. Когда наконец он остановился, Чарли заговорил очень мягко, но на лице его ясно отразилось страдание. Для него это было жизненно важно:

— Рэй, я не знаю, чего я хочу. Наверное, это семейное.

Рэймонд не понял этой немного горькой шутки, но Чарли и не ожидал этого.

— В мире нет ничего, чего бы я хотел, — продолжал Чарли. Голос его прерывался. Его охватило такое смущение, такая растерянность, такое отчаяние, те чувства, которые он так долго старался в себе заглушить. Чарли Бэббит всегда знал не только чего он хочет, но и как этого добиться. Теперь же выстроенная им система ценностей лежала в руинах у его ног.

— Что мне делать дальше? — спросил он Рэймонда.

На такой вопрос Рэймонд Бэббит не мог дать правильного ответа. Сколько зубочисток на полу? Во сколько выйдет в эфир Вапнер по центральному времени, по восточному, по западному? Сколько денег выиграл участник «Колеса Фортуны», и когда, и за что? Но он не мог ответить на вопрос Чарли Бэббита.

И Чарли Бэббит знал об этом. Тем не менее он отчаянно цеплялся за то, что Рэймонд удостоил его, и только его, прощения. Никого никогда не исключали из Списка Серьезных Происшествий. Это говорит о многом. Вот оно, черным по белому, в красной тетрадке. Чарли еще раз перечитал благословенные слова.

Секретарша доктора Марстона вернулась в приемную. Она посмотрела на двух братьев, сидящих бок о бок. Старший из них выглядел безупречно, с аккуратной стрижкой и умными глазами. А младший, этот аутист, был взъерошен, одет в какую-то пародию костюма мистера Бэббита, пустые глаза устремлены в маленький красный блокнот. Несчастное создание!

— Если вы готовы, мистер Бэббит, доктор может вас принять, — отрывисто произнесла она, обращаясь к Рэймонду.

Кивнув, Рэймонд встал и одернул пиджак, как это обычно, делал Чарли. Он повернулся к брату и сделал приглашающий жест. Обращаясь к Чарли, секретарша сказала покровительственным материнским тоном:

— Вам что-нибудь принести? Яблочный сок? Чипсы?

Несколько мгновений Чарли недоуменно смотрел на нее.

Потом он понял и еле сдержал разбиравший его смех. Он встал, пригладил волосы, одернул костюм и подхватил свой «дипломат».

— Бурбон с содовой, — сказал он бестолковой секретарше, проходя мимо ее в кабинет доктора. Марстона. Смех сменился ощущением триумфа. Он сделал это. Только благодаря ему Рэймонд пришел в такое состояние, что смог одурачить искусленную английскую секретаршу. Три-ноль в его пользу! Он почувствовал себя воодушевленным, готовым ко всему.

Доктор Брунер был в кабинете вместе с доктором Марстоном. Эксперты ждали.

— Доброе утро, Рэймонд! Какой симпатичный костюм. Просто замечательный.

На этот комплимент Рэймонд ничего не ответил. Его глаза блуждали по кабинету Марстона. Его привлекла сначала картина Дега на стене, затем длинные книжные полки, забитые томами. Сотнями и сотнями книг.

— Рэймонд, это доктор Марстон.

По контрасту с изысканностью обстановки, сам доктор Марстон старался выглядеть простым парнем. Вместо костюма он носил брюки и рубашку спортивного покроя, без галстука, без пиджака. Рукава его рубашки были закатаны. Он был моложе доктора Брунера и выглядел лучше.

— Они все... они все ваши? — спросил Рэймонд.

— Он имеет в виду книги, — пояснил Чарли. — Его всегда восхищают книги.

— Тебе нравятся книги? — Голос Марстона был низким и успокаивающим.

— О, Рэймонд любит читать, — сказал доктор Брунер. — Он запоминает каждое слово. Это весьма примечательно.

Рэймонд не сказал ничего, и Чарли подумал, что ему тоже лучше помолчать. Заткнуться.

— У тебя повязка, Рэймонд? — сказал доктор Брунер. Сердце Чарли ушло в пятки. — Как ты поранил свою руку?

Пауза. Чарли затаил дыхание. Если Рэймонд не расскажет придуманную легенду...

— В машине моего папочки, — ответил Рэймонд в точности так, как было условлено. — Я прищемил ее дверь. Здесь. — И он указал на тыльную сторону ладони.

— Понятно. — Марстон откинулся на спинку кресла и понимающе взглянул на них. Затем он обратился непосредственно к Чарли. — Мистер Бэббит, это, как вы знаете, неофициальное разбирательство. Здесь нет адвокатов, нет судей, только люди, которых... беспокоит... судьба Рэймонда.

А-га. Что-то в тоне доктора Марстона разбудило его худшие подозрения, и сердце Чарли бешено заколотилось.

— Об этом нелегко говорить, мистер Бэббит, — продолжал доктор, — но...

— Вы сговорились, — злобно прервал Чарли. Губы его сжались, в карих глазах сверкнуло бешенство. Он смерил взглядом Марстона,

затем Брунера. Он так и знал. Это одна шайка. Они думают, что не оставили ему шансов. Ну что ж, они чертовски ошибаются. Им не запутать его.

Доктор Марстон покачал головой. Значение этого жеста было совершенно ясно Чарли. «Ты проиграешь, задница», — говорил этот жест. Они даже не собирались дать ему шанс. Их не интересовало, какие успехи сделал Рэймонд или как он теперь воспринимает мир. Ты проиграешь. Что ж, будь он проклят, если он сдастся так легко. Он выдержит еще несколько раундов, прежде чем его вынесут.

— Я не судья и не юрист, — мягко проговорил Марстон. — Я врач. Даю рекомендации суду. Воллбрук — это выдающееся заведение, — продолжал Марстон. — Доктор Брунер — уважаемый профессионал. Очень уважаемый, должен вам заметить. Болезнь вашего брата неизлечима. И тщательно задокументирована, смею вас заверить.

Чарли встал, выражение его лица стало непроницаемым. Голос — ледяным.

— Прекрасно. Пойдем, Рэй. Мы только теряем время с этими ребятами. Пойдем лучше сыграем в бейсбол. А твоих друзей мы еще увидим в суде.

— погоди, сынок, — сказал доктор Брунер. — Этот человек всего лишь пытается тебе кое-что объяснить. Здесь нет твоих врагов.

— Что ж, прекрасно, — презрительно бросил Чарли. — Никто не хочет запереть до конца жизни меня. — Он больше не пытался контролировать свою ярость. — Но если бы это произошло, нашелся бы всего один человек в этой комнате, в этом мире, который остался бы со мной. Этот человек здесь!

Все глаза повернулись к Рэймонду, который выудил крохотный «Сони» из «дипломата» Чарли и был поглощен переключением каналов. Он отнюдь не выглядел героем.

— И если вы собираетесь забрать его у меня, то вы мои враги.

— Брось трепаться, Чарли, — сказал доктор Брунер спокойно, но очень властно. — Ты знаешь, сынок, что твой отец, несмотря на все его ошибки, наступил себе на горло и отвез Рэймонда в клинику. Это правда.

— Наступить себе на горло, да? — яростно зарычал Чарли. — Посмотри в зеркало, приятель! За шесть дней со мной Рэй

продвинулся больше, чем с тобой за двадцать проклятых лет! И ты не сможешь это отрицать. Вот в чем правда!

Марстон и Брунер обменялись многозначительными взглядами. Затем доктор Марстон повернулся к Рэймонду:

— Рэй, ты путешествовал с братом. Что там было интересного?

Не отрываясь от своего маленького телевизора, Рэймонд ответил:

— Я был на могиле папочки. И играл в карты. И выбил Чарли Бэббита. И водил машину.

— Постой, постой, — засмеялся доктор Марстон. — У меня уже голова закружилась от твоего путешествия. — И спросил Чарли: — Он действительно водил машину?

Прежде чем Чарли смог объяснить, Рэймонд перебил его. Он был на коне, его распирало желание рассказать о последних восхитительных днях.

— Быстро! И я встретил проститутку и...

— Ну-ка расскажи мне об этом. — Доктор Марстон шутливо подмигнул.

— Ее зовут Айрис. Она хорошенькая.

Чарли почувствовал себя неуютно. Ничего из того, что говорил сейчас Рэймонд, не входило в их тщательно разработанный план. Карты, машина и падшая женщина — все это вряд ли свидетельствовало о братской любви и заботе о тяжелобольном. Все шло не так! Так не должно было быть! Но он не рискнул прервать Рэймонда. Одному Богу известно, что в этом случае может произойти.

— Где ты встретил Айрис, Рэймонд? — спросил доктор Брунер.

— Там, где вы пьете выпивку.

— В баре, — сказал Брунер, и Рэймонд кивнул:

— В баре.

— Откуда ты узнал, что она проститутка, Рэймонд?

— Чарли Бэббит сказал. Он сказал, что проституткам нравятся мужчины с деньгами. Он сказал, что деньги делают людей привлекательными. Он дал мне денег, чтобы я дал ей...

На этот раз Чарли был вынужден вмешаться:

— Она всего лишь собиралась потанцевать с ним. Это было абсолютно невинно!

— А вы знаете, что сделает Рэймонд, если хорошенькая девушка положит ему руки на плечи? — требовательно спросил Брунер.

— Он танцевал с ней! — заорал Чарли.

Марстон и Брунер усмехнулись, но Рэймойд спокойно сказал:

— Я танцевал с Сюзанной.

Трудно сказать, кто был удивлен больше — врачи или Чарли. Сюзанна? Почему она ему не сказала?

— Не так, как Чарли Бэббит, — добавил Рэймонд.

Все головы повернулись к Рэймонду, и доктор Марстон спросил:

— Что ты имеешь в виду, Рэймонд?

Вопрос встревожил его. Рэймонд крепко сцепил руки. Верный признак того, что он начинает беспокоиться. Он заговорил очень быстро, слова выскакивали сплошным потоком, и поток этот прерывался лишь испуганными паузами.

— Чарли Бэббит крепко схватил меня. Он не пускал меня... давай, братья... так обнимаются, и... это не... тяжело... — По мере того как он продолжал, Рэймонд волновался все сильнее, и его маленькое тело начало дергаться. — Список Серьезных... Список Серьезных... и я буду... я буду там... под первым номером в... в одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом... и... — Рэймонд обернулся и посмотрел прямо на Чарли. — И... мы не... не... мы не... братья.

«О Господи! Я просто долбаный кретин! Я сделал все не так! Все!» — подумал Чарли с внезапным болезненным прозрением. Впервые он увидел другую сторону медали, то плохое, что он принес Рэймонду наряду с хорошим. Еле слышно, с глубоким раскаянием, он сказал:

— Я думал... я прощен.

— Иногда, — сказал Рэймонд.

Иногда. Глубоко вздохнув, Чарли повернулся к доктору Брунеру и попытался объяснить. — Я был не прав. Я пытался заставить его обнять меня. Я думал, что я... тот, тот единственный человек, который может пробиться к нему... заставит его обнять брата... поцеловать девушку.

— Я целовал девушку, — с видом триумфатора произнес Рэймонд.

Вздох изумления прокатился по комнате.

— Ты поцеловал Айрис? — недоверчиво спросил Чарли.

Рэймонд покачал головой:

— Сюзанну. В лифте. После того как мы танцевали.

В комнате воцарилось молчание. Трое мужчин пытались осознать это чудо. Затем доктор Марстон мягко спросил:

— Итак, ты поцеловал девушку. Скажи мне, Рэймонд, что ты почувствовал?

— Это было влажно.

Немая сцена. Чарли позволил себе маленькую улыбку победителя, которую Марстон заметил и понял.

— Рэймонд у нас просто сердцед, — сказал доктор Марстон, обращаясь к Чарли, — всем на зависть. Мы бы с ним с удовольствием поменялись. Правда, Рэймонд?

Рэймонд согласно кивнул.

— Тебе понравилось побыть вне дома? Это было увлекательно?

Рэймонд снова кивнул.

— А теперь пора возвращаться домой, — сказал доктор Марстон мягким, но решительным тоном.

Никогда! Только через труп Чарли Бэббита!

— Слушайте, — Рассерженный Чарли вскочил. — Нам не нужны ваши деньги и ваше отеческое участие. Разуйте глаза! Нам с Рэймондом хорошо вместе.

Доктор Брунер, некоторое время сидевший молча, подался вперед и пронзительно посмотрел на Рэймонда. Насколько им на самом деле хорошо? Пора это выяснить.

— Скажи мне еще раз, Рэймонд, как ты поранил руку? На самом деле?

Рэймонд отвел глаза.

— Ну вот, дверь папочкиной машины была... и она была... — промямлил он.

— «Ну вот» значит, что он обеспокоен, — обратился доктор Брунер к Марстону, — почти как...

— Он лжет, — перебил Чарли. — Ради меня. Это полностью моя ошибка. Это случилось, когда я пытался обнять его. Я держал его слишком крепко и не хотел отпускать. Я думал, что, если я буду просто держать его... руками... между нами возникнет контакт... что он... может быть... поймет, что он мне небезразличен. Но у него начался припадок. Он почти отгрыз себе руку. — Чарли повернулся к доктору Марстону, в голосе и глазах его читалась мольба. — Это моя ошибка. Моя. Я понял. Я обещаю...

Но доктор Брунер встал, печально качая головой, и Чарли с ужасающей ясностью понял, что проиграл. Развязка приближалась, — Тебе хочется поплавать, Чарли. Но здесь слишком глубоко. — Брунер был прав как в теории, так и на практике. В состоянии Рэймонда мог разобраться только профессионал. Даже самого большого желания в мире недостаточно, чтобы прыгнуть выше головы.

Но самая большая насмешка заключалась в том, что главная ошибка Чарли привела к самому большому успеху.

Самым впечатляющим номером в шоу, разыгранном Рэймондом для экспертов, было не то, что он танцевал, или водил машину, или играл в карты, или целовал девушку. Нет, это было то, что он лгал. Лгал, чтобы выгородить Чарли Бэббита. Но аутисты не лгут! Ложь предполагает наличие цели. Чего-то, к чему надо стремиться, чего надо достичь, одним словом, причину для лжи. Аутисты, такие как Рэймонд, даже высокоорганизованные, не могут ничего подобного. Они не строят планов. Они не говорят неправды.

Доктор Брунер и доктор Марстон немедленно поняли это, а Чарли не мог этого знать. И оба врача осознали, что между братьями действительно возник контакт. Что Рэймонд на самом деле имеет настоящий контакт с другим человеческим существом. Это было чудом.

Чудо возможно, но... чудо временное. Подобно лягушке из известной математической задачи, которая, совершая беспорядочные прыжки, пытается выбраться из колодца, аутист может случайно забраться чуть выше, чуть ближе к краю колодца. Но в отличие от лягушки он обречен упасть обратно. Колодец слишком глубок, а лягушка слишком беспомощна.

Теперь наступила очередь доктора Брунера доказать это Чарли. Он подошел к Рэймонду, судорожно сжимавшему драгоценный маленький «Вотчмен», который подарил ему Чарли.

— Рэймонд, чего ты хочешь?

Реакция была быстрой и ожидаемой. Вопрос поверг Рэймонда в полное замешательство. Он начал безжалостно ломать свои руки. Все его маленькое тело подергивалось и дрожало. Глаза вращались и вылезали из орбит. Если Брунеру нужна была наглядная демонстрация поведения аутиста, он ее добился. Но он хотел большего. Он хотел доказать свою правоту не только своему коллеге, но и Чарли Бэббиту.

Болезнь Рэймонда неизлечима. И надеяться на что-то иное не только бессмысленно, но и преступно. Это не кончится ничем хорошим для Рэймойда Бэббита.

— Скажи мне, Рэймонд. Чего ты хочешь? — повторил он громко.

Рэймонд скорчился в своей обычной агонии, incapable ни говорить, ни думать. Он пытался посмотреть на Чарли, но Брунер загромождал его от Рэймонда.

Рэймонд тихо всхлипывал и прерывисто дышал. Его проявившаяся личность быстро разрушалась, он возвращался в свой прежний мир защитных ритуалов, из которого старался вытащить его Чарли.

— Смотри на меня! — требовал Брунер. — Чего ты хочешь?

— Прекратите это! — кричал Чарли в отчаянии. — Это вызывает у него припадки, и он сам это знает, — зывал он к Марстону, не в силах оторвать глаз от Брунера.

Но Марстон рассматривал Рэймонда с профессиональным интересом.

— Почему же? В чем суть дела?

— Вопрос, чего он хочет. Он этого не любит, — ответил Чарли.

Доктор Брунер не хотел останавливаться, решив довести свой жестокий эксперимент до последней крайности, продемонстрировать всю безнадежность болезни Рэймонда, обнажить всю очевидность этого факта.

— Ты должен мне сказать, Рэймонд, — настаивал он, в то время как Рэймонд начал свое параноидальное бормотание, бормотание, бормотание, бормотание. — Ты должен мне сказать это прямо сейчас. Чего ты хочешь?

Рэймонд ушел в себя. Совершенно ушел в себя. Так глубоко, что полностью перестал воспринимать окружающее. Он соскользнул из кресла на пол и продолжал бормотать, стоя на коленях и раскачиваясь вперед-назад. Его темные глаза ничего не видели. Зубы его начали стучать, тело била крупная дрожь, словно весь холод земных глубин проникал в его плоть и кровь.

— Это не от того, что ему не нравится, — объяснил доктор Брунер доктору Марстону, — это пугает его, иммобилизует его, потому что он этого не знает.

Тем временем бормотание Рэймонда продолжалось. Оно стало немножко громче, но не достаточно, чтобы его можно было разобрать. Но все же это им удалось.

— Ч-а-р-л-и... Ч-а-р-л-и... Ч-а-р-л-и... — произносил по буквам Рэймонд. Это было магическое заклинание, защитное заклинание.

— Он знает! — сказал Чарли и протиснулся мимо Брунера к брату. Опустившись рядом с ним на колени, он протянул руку, чтобы дотронуться до брата, но прежде чем рука коснулась его лица, он вспомнил, что этого делать нельзя, и отдернул руку.

— Рэй, посмотри на меня. Пожалуйста! — взмолился он.

Из последних сил Рэймонд поднял свою трясущуюся голову и посмотрел в лицо брата. Их разделяло всего несколько дюймов.

— Скажи мне, Рэй, — очень тихо, почти шепотом, проговорил Чарли. — Мне это очень важно знать. Чего ты хочешь?

Взгляды их встретились.

— Что ты хочешь, Чарли Бэббит?

Чарли улыбнулся брату и покачал головой:

— Нет, чего ты хочешь, Рэймонд?

Рэймонд помолчал несколько мгновений, потом сказал:

— Я хочу... быть с тобой.

Чарли встал и повернулся к двум докторам, непримиримый уличный боец, повидавший многое на своем веку.

— Поэтому, — признался он с легкой улыбкой, — мне нужен мой брат.

Это было первое в его жизни признание, что он в ком-то нуждается. Но в глубине души он знал, что оно будет отвергнуто.

— Ч-а-р-л-и-и-и, — сказал Рэймонд. Это всегда вызывало улыбку Чарли. — Ч-а-р-л-и-и-и.

Чарли снова опустился на колени рядом с Рэймондом. Его захлестнуло сильное чувство любви, и, как ни странно, оно укрепило его силы, но заставило прекратить борьбу. Сражение было действительно завершено. И Чарли не был побежденным. Рэймонд был победителем. В этой битве за Рэймонда доктор Брунер показал худшее в Рэймонде, тогда как Чарли показал лучшее. В Рэймонде соединялось все это, хорошее и плохое. Рэймонд вернется в Воллбрук, где знают его нужды и смогут позаботиться о нем. Но он вернется, обогащенный воспоминаниями, которых у него ранее не было,

опытом, который он приобрел, будет воскрешать это в памяти и переживать заново. Игра в бейсбол, когда Человек Дождя выбил Кувалду-Чарли, танец в лифте, поцелуй, грандиозный триумф за карточным столом в Лас-Вегасе и воспоминания о брате — Чарли Бэббите. Нет, просто Чарли.

— Слушай, — медленно сказал Чарли Рэймонду, — может быть, им удастся забрать тебя.

Трое мужчин молча смотрели, как Рэймонд обдумывает это. Потом он залез в свой карман и вытащил оттуда маленький бумажник, достал из него поблекшую и потрескавшуюся фотографию, теперь к тому же покоробившуюся от плавания в ванне. Это была прелестная картина — восемнадцатилетний Рэймонд и двухлетний Чарли, Человек Дождя и Чарли. Братья. Он протянул фотографию Чарли и сжал рукой его пальцы. Он прикоснулся к Чарли.

Рука Чарли в руке Рэймонда. В молчании уходили секунды.

В глазах Чарли стояли слезы. Слезы жалости и любви. Слезы расставания, хотя он точно знал, что они не последний раз вместе, что он будет навещать его, а там, чем черт не шутит! Братья Бэббиты, неустрашимая пара, непобедимый дуэт, будут снова на коне!

Увидев их сплетенные руки, их прижатые друг к другу лбы, доктор Брунер улыбнулся. Всего неделю они были вместе. Но даже за такой короткий срок Рэймонд стал совершенно необходим Чарли!

---

notes

1

Перевод Л. И. Кронеберга в обработке А. А. Смирнова.

2

Они не могут отнять это у меня (англ.).